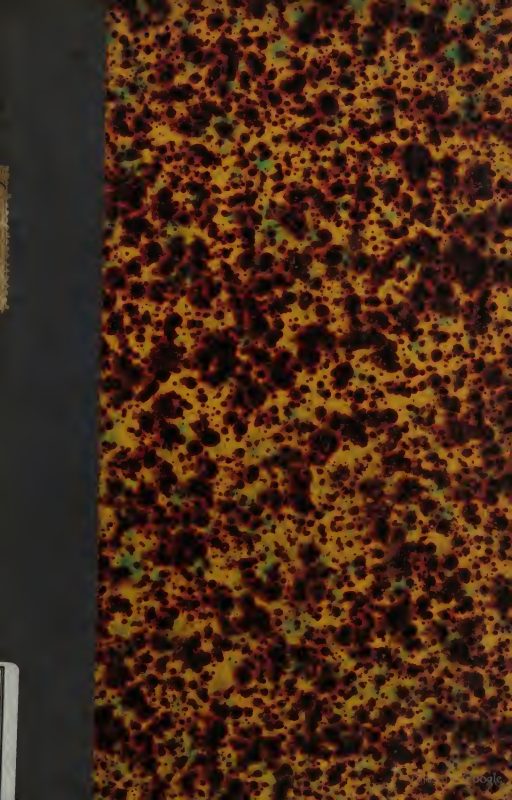
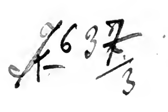
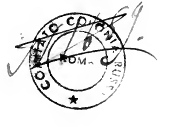
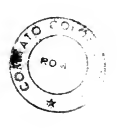

ЗАПИСКИ ТАЛЛЕРАНА.

III.

ROMA - BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II
DEPOSITO PERMANENTE

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

ТАЛЛЕРАНА-ПЕРИГОРА,

БЫВШАГО ЕПИСКОПА ОТЁНСКАГО,

ЧЛЕНА НАЦІОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ, МИНИСТРА, ПОСЛАННИКА, ВЛАДѢТЕЛЬНАГО КНЯЗЯ БЕНЕВЕНТСКАГО, ВИЦЕ-ВЕЛИКАГО ИЗБИРАТЕЛЯ и ОБЕРЪ КАМЕРГЕРА ИМПЕРІИ, СЕНАТОРА, КНЯЗЯ, ПЕРА, ОБЕРЪ КАМЕРГЕРА ФРАНЦІИ, КАВАЛЕРА ОРДЕНОВЪ: СВ. ДУХА, ЗОЛОТАГО РУНА, БОЛЬШАГО ОРЛА, ПОЧЕТНАГО ЛЕГІОНА и проч.

—

СОБРАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

ГРАФИНЕЮ О....дю К....

СОЧИНИТЕЛЬНИЦЕЮ ЗАПИСОКЪ ОДНОЙ ЗНАТНОЙ ДАМЫ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ III.

Tempori aptari decet.
(Сенека. Медея).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 30 дня 1839 года.

Ценсоръ И. Крыловъ.

Изданіе книгопродавца К. И. Шамова.

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

ТАЛЛЕРАНА-ПЕРИГОРА.

—

ГЛАВА I.

Слова Барраса при отреченіи. — Бонапарте дѣлается первымъ консуломъ. — Переговоры съ Сіейесомъ. *Левъ на ловлѣ.* — Намѣренія Бонапарте. — Преобразованіе нравовъ. — Маркиза. С.... и ея негръ. — Отказъ отъ дому Мадамъ Тальенъ. — Портретъ Буррьенна. Записки его. — Первый консулъ учитъ Тальму, какъ должно играть Нерона и Никомеда. — Великіе завоеватели. — Аннибалъ по его мнѣнію первый полководецъ. Фуше. — Каковъ былъ онъ.

Баррасъ, подписавъ свое отреченіе, обратился къ Брюн и сказалъ ему пророческимъ голосомъ: Господа военные! до сихъ поръ вы имѣли начальниковъ; — отнынѣ будете имѣть повелителя.

Эта угроза, брошенная какъ бы въ отмщеніе, сдѣлалась пророческою. Да! 18 Брюмера республика не имѣла уже начальника, но Фран-

ція приняла повелителя. Наполеонъ налегъ на насъ всею тяжестію своего генія. Тѣ, которые на канунѣ считали себя его равными— на другой день сдѣлались подданными.—Двое только не захотѣли принять ярма; одинъ перенесъ его съ величіемъ; другой рѣшился мстить и надѣлалъ только глупостей: это были благоразумный Бернадоттъ и безразсудный Моро́

Бонапарте при самомъ вступленіи въ должность консула, овладѣлъ предсѣдательскимъ мѣстомъ страннымъ образомъ. При назначеніи трехъ консуловъ, первое мѣсто назначено было Сіейсу, второе Роже Дюко̀, и такъ какъ имя Бонапарте стояло въ концѣ, то и предполагали, что предсѣдателемъ будетъ Сіейесъ; но вышло напротивъ:

Всѣ три консула вступили въ Люксамбуръ. Въ залѣ Совѣта, еще наканунѣ занимаемой Директоріей, Сіейесъ сѣлъ въ среднее кресло, давая товарищамъ знакъ, что бы они помѣстились по сторонамъ, но Бонапарте, разговаривавшій съ Дюко, беретъ кресло для него назначенное, ставитъ его по лѣвую сторону своего, толкаетъ въ него Роже Дюко и самъ садится по серединѣ. Видя это перемѣщеніе, смыслъ котораго очень понятенъ, Сіейесъ говоритъ:

—Но гражданинъ третій консулъ!—это не такъ!—

—Такъ должно быть! отвѣчалъ Бонапарте, бросивъ на него грозный взглядъ; я побѣждалъ полководцевъ—такъ ужь конечно не сяду ниже аббата.

Эта фраза совершенно смутила Сіейеса; онъ взглянулъ на Роже Дюко — какъ бы требуя отъ него помощи, но этотъ опустилъ глаза и не рѣшился защищать своего товарища. Такимъ образомъ Бонапарте изъ третьяго консула сдѣлался первымъ.

По окончаніи засѣданія Бонапарте позвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

—Гражданинъ Таллеранъ! Сіейссъ хочетъ быть первымъ консуломъ: это невозможно; онъ можетъ быть только вторымъ; армія будетъ повиноваться только толстымъ эполетамъ. Повидайтесь съ нимъ и уговорите его. — Впрочемъ пусть онъ и Роже Дюко подѣлятся между собою суммою, оставшеюся въ казначействѣ Директоріи; я не былъ Директоромъ—мнѣ ничего не надобно; да еще скажите ему, что республика въ воздаяніе его усердныхъ и благородныхъ услугъ жалуетъ ему прекрасное Кронское помѣстье. Я не хочу съ нимъ ссориться;

къ тому же онъ честно исполнилъ всѣ условія нашего договора.

Я обѣщалъ пересказать все это Сіейесу и первый консулъ прибавилъ:

—Вамъ тоже надобно мѣсто!—Не хотите ли ѣхать посланникомъ въ Берлинъ?

—Генералъ, отвѣчалъ я, я и такъ уже долго оставался внѣ отечества; и надѣюсь ктому же быть вамъ полезнѣе во Франціи, нежели въ другомъ мѣстѣ.

—Я самъ то же думаю. Не хотите ли быть министромъ Иностранныхъ Дѣлъ? Вы ужъ извѣстны въ Европѣ; ваше имя, ваши заслуги, вашъ умъ оцѣненъ всѣми Европейскими кабинетами; къ тому же вы способны — а люди способные мнѣ теперь необходимы.— И такъ вы снова получите вашъ портфёйль; но подождите съ мѣсяцъ; — мнѣ должно сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ дипломатическомъ корпусѣ.

Я только и желалъ этаго и потому отъ души поблагодарилъ его.

—Что думаете вы о происшедшемъ? спросилъ Бонапарте, перемѣнивъ разговоръ.

—*Я* думаю что революція кончилась и что начинается новая эра.

—Правда!—сказалъ онъ съ живостію.—Все начнется съ этой эпохи!—Прошедшаго нѣтъ.—Я раздѣлю Францію на двѣ половины. На тѣхъ, которые захотятъ способствовать къ возстановленію порядка—и на тѣхъ, которые захотятъ держаться прошлаго.—Первымъ мѣста, почести, отличія!—другимъ гнѣвъ и строгость.—Вы правы!—революція кончилась.—Я не хочу знать ни Якобинцевъ, ни роялистовъ.—Кто захочетъ слѣдовать за мною, того не будутъ упрекать прошедшимъ; я проведу уровень силы надъ людьми и мнѣніями; возвращу Франціи все, что у ней отняли болтуны; заставлю молчать адвокатовъ — и уничтожу глупое безбожіе, волтеріанизмъ,—которые погубили Францію. Что выиграли мы поклоненіемъ Богинѣ Разума? То, что Европа считаетъ насъ сумасшедшими!— Какъ скоро выберутъ Папу—я начну съ нимъ переговоры о конкордатѣ, что бы торжественно возстановить во Франціи религію.—Роль моя, гражданинъ Таллеранъ, возсоздать разрушенное—и конечно дѣла не мало!

Онъ отпустилъ меня, но опять позвалъ.

—Знаете ли вы, сказалъ онъ, что во пер-

выхъ должно преобразовать нравы? — пересоздать все общество?— Директорія предавалась только вакханаліямъ; для нея деньги были выше всего,—какимъ средствомъ бы ихъ ни добыли?—Я презираю богатство, если оно несоединено съ благородствомъ, честностію и добродѣтелью. — Главное — должно унять этихъ безстыдныхъ женщинъ, замаранныхъ восемью разводами, безчисленными интригами.—Что такое эта Маркиза С.... которая пригласила жену мою къ чаю. — Вопервыхъ это неприлично; первый начальникъ республики не пойдетъ въ гости къ первому встрѣтившемуся! — Кто такова эта женщина? какого она поведенія?.....

Этотъ вопросъ затруднилъ меня. Фамильныя отношенія заставляли меня скрыть поведеніе этой дамы — но съ другой стороны ввести Бонапарте въ недоумѣніе было не совсѣмъ безопасно: и потому, всячески стараясь оправдать Маркизу С.... я прибавилъ, что она не совсѣмъ скромнаго поведенія.

Насъ прервали. Адъютантъ его Мармонъ принесъ депеши отъ Фуше — и какъ нарочно объ Маркизѣ С.... Бонапарте прочиталъ — и глаза его засверкали.

— Но, гражданинъ! — вскричалъ онъ топ-

нувъ ногой — да это Мессалина!..... какая низость! и этотъ негръ!.... и этакая тварь надѣется быть знакомою съ женою перваго Консула!.... Бурьеннъ! вскричалъ онъ этому секретарю, который сидѣлъ въ углу и писалъ что то; отошлите это приглашеніе назадъ — и скажите, что гражданка Бонапарте не бываетъ въ домахъ разврата! — Нѣтъ — прибавилъ онъ успокоившись, не говорите этого — но чтобы отказъ былъ сухъ, даже неучтивъ.... эти люди не заслуживаютъ ничего, кромѣ презрѣнія.

Проговоривъ это громкимъ голосомъ, онъ подошелъ со мной къ окну и продолжалъ.

— Я хочу переобразовать общество моей жены. Ея доброта, ея креольское увлеченіе, не позволяютъ ей оттолкнуть отъ себя людей, которыхъ она и сама не уважаетъ. — Я сдѣлаю это за нее. — Не нужно ни мадамъ Тальенъ, ни мадамъ Б..... ни мадамъ Р.... ни мадамъ Е...... онѣ слишкомъ вольно обращаются; — если Жозефинѣ трудно будетъ отказать имъ, я самъ укажу имъ дверь! — Жозефина любитъ васъ — посовѣтуйте ей.

Я обѣщалъ исполнить его порученіе, впрочемъ старался оправдать Г-жу Тальенъ.

— Я согласенъ, что она сдѣлала много до-

бра, отвѣчалъ Бонапарте; но она ведетъ себя нескромно. Однимъ словомъ — я нехочу чтобы она бывала у насъ.

Я разстался съ первымъ Консуломъ, чувствуя глубокое уваженіе къ его правиламъ. — Онъ поручилъ мнѣ два переговора я началъ съ Сіейсса и засталъ его за дѣломъ; онъ сочинялъ записку о томъ, что ему принадлежитъ предсѣдательство и мѣсто перваго Консула. — Я выслушалъ эту записку и сказалъ ему.

— Вы ошибаетесь, почитая происшедшее новою революціею; — Революція кончилась 18 числа и съ третьяго дня у насъ Монархія.— Развѣ армія, совѣты и народъ начальникомъ выбрали васъ? — нѣтъ! — Бонапарте! — Никто не произносилъ вашего имени, а имя Бонапарте во всѣхъ устахъ и во всѣхъ сердцахъ; онъ знаетъ всю силу своего положенія, а вы хотите съ нимъ бороться, затѣвать междоусобную войну? — Но гдѣ же ваши средства? — повѣрьте мнѣ — не сопротивляйтесь, уступите, подайте въ отставку сами, если не хотите, чтобы васъ отставили.

Я подсластилъ эти горькія истины объявленіемъ, что первый Консулъ оставляетъ ему съ товарищемъ сумму изъ казначейства Директо-

ріи — и жалуетъ ему въ особенности Кронское помѣстье. Сіейесъ утѣшился и такъ какъ былъ самъ казначеемъ, то при дѣлежѣ поступилъ какъ *Левъ на ловлѣ*; въ Директоріи находилось тогда 800,000 франковъ— Сіейесъ неустрашимо взялъ на свою долю 650,000 остальные 150,000 отдалъ Роже Дюко —и храбро выдержалъ ссору съ своимъ обиженнымъ товарищемъ.

Я упоминалъ о Бурьеннѣ. — Боже мой! — какъ я смѣялся, читая его потѣшныя записки о своихъ отношеніяхъ съ Бонапарте, и о равенствѣ, которое будтобы существовало между ними; особливо когда онъ хвастается, что однажды послалъ Наполеона къ..... чорту; — туда, куда никто не осмѣлился бы послать его.— Словомъ чортъ мы замѣняемъ другое — изъ приличія.

Я видалъ Бурьенна у Бонапарте, гдѣ онъ занималъ роль почти домашняго секретаря, не пользовался никакимъ уваженіемъ, вѣчно былъ замѣшанъ во что нибудь, и служилъ предметомъ насмѣшекъ дамъ и гостей. Когда послѣ 18 Брюмера я былъ назначанъ Министромъ — Бурьенъ явился ко мнѣ съ озабоченнымъ лицемъ — и просилъ сообщать ему прежде всѣхъ заграничныя новости — объ-

щаясь вознаградить меня за то новостями внутренними.

Конечно онъ не прямо сказалъ мнѣ это; для этого онъ былъ слишкомъ учтивъ и хитеръ, но я понялъ къ чему клонится дѣло — разсердился — и ушелъ отъ него, потому что эти сплетни казались мнѣ неприличными. Знаете ли что изъ этого вышло? Бурьеннъ началъ всѣмъ разсказывать, что я сдѣлался Министромъ для того, чтобы нажиться.

Друзья мои повѣрили, враги и не сомнѣвались; никто не хотѣлъ вѣрить моей честности.— Слыша ихъ рѣчи, вы бы подумали, что я съ малолѣтства имѣлъ привычку грабить проѣзжихъ на большой дорогѣ. Тутъ я совершенно увѣрился въ справедливости стиховъ Лафонтена:

L'homme est de glace aux verités,
Il est de feu pour le mensonge.

Бурръеннъ, когда я зналъ его, былъ человѣкъ высокаго росту, съ привлекательнымъ лицемъ, съ выразительными, но не откровенными глазами, съ громкимъ голосомъ — и всегда разфранченный до нельзя; онъ безпрерывно двигался во всѣ стороны, важничалъ, вмѣшивался во все, и провелъ всю жизнь въ томъ,

что ссорилъ и мирилъ фамилію Бонапарте. — Онъ служилъ для всякихъ порученій, помогалъ Жозефинѣ въ покупкѣ нарядовъ, — расплачивался съ купцами, не забывая куртажа — и исключая времени, которое проводилъ у Наполеона, сплетничалъ, сколько могъ.

Это не могло долго продолжаться; другой на мѣстѣ Бонапарте засадилъ бы своего любезнаго друга, на цѣлый вѣкъ въ тюрьму; Наполеонъ только прогналъ его и чрезъ нѣсколько времени умилостившись далъ ему мѣсто Министра въ Нижній Саксоніи, съ резиденціей въ Гамбургѣ. Тамъ онъ возобновилъ свои маневры — открылъ кабинетъ политическихъ сплетней, бралъ деньги съ кого могъ, и наконецъ сдѣлался повѣреннымъ Людовика XVIII.

Что же касается до его Записокъ, наполненныхъ хвастовствомъ, то ему принадлежитъ только то, что относится собственно къ нему. Остальное принадлежитъ партіи сочинителей, столь несогласныхъ между собою, что часто одно происшествіе разсказывается двумя различными образами; все это составлено съ помощію газетъ и извлеченій изъ другихъ книгъ. — Бурръенъ, наперекоръ здравому смыслу и грамматикѣ писалъ замѣчанія; — услужливые люди растягивали ихъ, чистили, прибав-

ляли, разставляли знаки препинанія— и вотъ составились Записки Бурріенна.

Физіономія Франціи съ 18 Брюмера, совершенно перемѣнилась:—по окончаніи переворота, настоящіе Якобинцы удалились и начали составлять заговоры,—значитъ, признали себя побѣжденными. Добрые и честные люди присоединились къ новому правительству, множество эмигрантовъ возвратились во Францію— и всѣ они получивъ мѣста, до конца служили Наполеону.

Духовенство бросилось къ нему — и онъ принялъ его съ истинно царскимъ величіемъ и добротою; не знаю гдѣ выучился онъ такому обращенію.—Глупые, или злые,—что всегда бываетъ синонимами — увѣряли будто Тальма давалъ ему уроки!..... Какая пошлость !... Наполеонъ могъ научить Тальму— и вотъ что я разскажу по этому случаю :

Тальма, играя въ первый разъ передъ Наполеономъ роль Никомеда, былъ осыпанъ рукоплесканіями. — На другой день онъ былъ приглашенъ на завтракъ къ первому консулу, который послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ сказалъ ему:

— Гражданинъ Тальма! позволите ли вы

мнѣ примѣшать нѣсколько критики, къ ѳиміаму, который вамъ воскуряютъ? Вы превосходно сыграли вашу роль; но неужели вы думаете, что Аннибалъ, воспитавшій Никомеда, не научилъ его уважать отца?—Прилично ли ему говорить съ отцомъ грубымъ и насмѣшливымъ тономъ;—можетъ быть онъ и сдѣлаетъ это наединѣ; но при мачихѣ, при римскомъ посланникѣ? Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ почтительность движеній, должна смягчать горечь словъ; не надо выставлять Никомеда невѣжей.—Тоже самое скажу вамъ и о сценѣ Нерона съ Агриппиной: поменьше размахиваній руками и зѣвоты, поменьше наружныхъ знаковъ скуки! — Неронъ, который боится своей матери, который признается, что

Mon génie étonné tremble devant le sien,.

не долженъ выказывать ихъ, особливо пока еще незнаетъ своего могущества. Онъ тигръ— онъ кровожаденъ по инстинкту — но не увѣренъ еще въ своей силѣ. Тигръ подлое животное; онъ ползетъ и ласкается — и нападаетъ только тогда — когда увѣренъ, что можетъ терзать ненаказанно.

Тальма, удивленный истиною этихъ замѣчаній, понялъ ихъ смыслъ; но слѣдовалъ имъ только на придворномъ театрѣ.—

Имя Аннибала напомнило мнѣ, что однажды Бонапарте разговаривая о знаменитыхъ завоевателяхъ—и принимая въ условіе увеличеніе и благоденствіе Государства — составилъ ихъ списокъ. Это происходило въ присутствіи Короля Баварскаго, Виртембергскаго, Принца Евгенія и Бертье, Князя Невшательскаго: вотъ этотъ списокъ по хронологическому порядку.

До Р. Х.

2164	Ассирія	Семирамида.
1722.	Египетъ.	Сезострисъ.
529.	Персія.	Киръ.
336.	Греція.	Александръ.
44.	Римъ.	Юлій Кесарь.

Послѣ Р. Х.

453.	Гунны.	Аттила.
632.	Аравія.	Магометъ.
814.	Европа.	Карлъ Великій.
1227.	Татары.	Чингисъ-Ханъ.
1445.	Татары.	Тамерланъ.
1556.	Испанія	Карлъ V.
1715.	Франція.	Людовикъ XIV.
1725.	Россія.	Петръ Великій.
1747.	Персія.	Тамасъ-Надиръ.
1786.	Пруссія.	Фридрихъ II.

— Но вы позабыли, В. В-о, сказалъ Король Виртембергскій, Сципіона, Аннибала, Помпея — и множество другихъ: напримѣръ Кортеца.

— Я говорилъ только о Государяхъ.

— А въ древніе времена — сказалъ Король Баварскій — кому В. В-о отдастъ пальму первенства?

— Аннибалу! — отвѣчалъ онъ.

— Но онъ былъ побѣжденъ! — осмѣлился я сказать.

— Нѣтъ, Князь, отвѣчалъ онъ; онъ не виноватъ въ своемъ несчастіи. Оставленный Карфагенянами — онъ долженъ былъ уступить — Когда войско оставляетъ полководца, что можетъ онъ сдѣлать своимъ геніемъ и своей храбростію? Ничего! — онъ долженъ пасть. — Счастливъ тотъ, съ которымъ это не случится при жизни. —

И говоря это орлиный взглядъ его, проникая въ будущее, казалось хотѣлъ прочесть въ книгѣ судебъ!..... Что если бы онъ могъ видѣть за пять лѣтъ впередъ.

Но я увлекся; возвращаюсь къ 18 Брюмеру. Сенатъ и Государственный Совѣтъ получили множество наградъ; къ тому же Наполеонъ

наполнилъ его людьми достойными и свѣдущими.

Въ это время Фуше началъ играть свою важную роль. Сначала этотъ человѣкъ вступилъ въ партію Якобинцевъ и прославился своимъ звѣрствомъ. Въ сущности онъ не былъ жестокъ — но всегда былъ тѣмъ, чего требовали обстоятельства для его личной выгоды. Умный, тонкій, хитрый и пронырливый, онъ не способенъ былъ увлечься ни какимъ чувствомъ; каковы бы ни были обстоятельства, онъ былъ готовъ на все, съ своимъ желѣзнымъ сердцемъ, и сухими глазами. — Правила свои мѣнялъ онъ чаще нежели платья; природа кажется создала его именно для того что бы управлять полиціей; онъ продолжалъ заниматься ею, какъ любитель, когда не могъ заниматься, какъ начальникъ; это качество, всѣмъ извѣстное, привлекало къ нему всѣхъ сыщиковъ и шпіоновъ, которые съ почтеніемъ приближались къ нему, какъ къ отцу, служили ему безденежно и изъ удовольствія.

Фуше не былъ преданъ ни республикѣ, ни Директоріи, ни Наполеону, ни Людовику XVIII. ни бѣсу — но самому себѣ; изъ своего моральнаго *я* сдѣлалъ онъ ось, вокругъ которой его физическое *я* безпрестанно вертѣлось. Вотъ

почему будучи кровопійцею въ 1793 и 94 годахъ, во время Наполеона онъ покровительствовалъ эмигрантамъ, и сдѣлался бурбонистомъ по возвращеніи Бурбоновъ. Люди были для него маріонетками. Будучи отставленъ въ 1803 онъ вступилъ въ переписку съ Людовикомъ XVIII, котораго обманывалъ пустыми надеждами; онъ заставилъ разстрѣлять Герцога Энгіенскаго — а повидимому старался за него; онъ самъ затѣялъ нѣсколько роялистскихъ заговоровъ, чтобы донести объ нихъ Наполеону; онъ былъ душою гнусной интриги, стоившей жизни Витте, — онъ распоряжался похищеніемъ Пія VII. Имя его связано со всѣми нашими несчастіями; онъ погубилъ Императора, поссоривъ его со мною. Онъ до такой степени ввелъ меня въ подозрѣніе, что одинъ разъ я одолженъ былъ свободою, благоразумію Камбасереса, — а въ другой разъ жизнію, моему искуству и магнетическому вліянію, которое я имѣлъ надъ Наполеономъ. Однимъ словомъ Фуше во всю жизнь вредилъ мнѣ, потому что мнѣ онъ дѣйствительно завидовалъ.

Ничто не должно внушить намъ столько гордости, какъ вражда, съ которою преслѣдуютъ насъ люди съ достоинствомъ; они ненавидятъ только тѣхъ, которыхъ почитаютъ выше себя; низшихъ они презираютъ.

ГЛАВА II.

Я назначенъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Наполеонъ велитъ писать ко всѣмъ Европейскимъ Кабинетамъ. — Къ кому я пишу. — Отвѣты. — *Mea culpa* въ политикѣ. — Предложеніе отъ Англіи; — отъ Австріи. — Отвѣтъ перваго Консула. Камбасресъ скомпрометированъ роялистами. Испугъ его. Наполеонъ дѣлаетъ его вторымъ Консуломъ. Третій Консулъ Лебренъ. — Бѣлые чулки. Новое Министерство. Абріаль. Годенъ. Форфе. Министры Иностранныхъ Дѣлъ Европейскихъ Кабинетовъ. Кардиналъ Гонсальви. Графъ Коллоредо. Бернедорфъ. Герцогъ Бассано. Графъ Лапласъ. Луціанъ Бонапарте.

Вступивъ въ управленіе Министерствомъ по желанію моего друга Рейнгарта, который для того сдѣлался Министромъ, чтобы сберечь для меня это мѣсто и послѣ моего назначенія уѣхалъ Посланникомъ въ Швейцарію, я поспѣшилъ возобновить сношенія со всѣми Европейскими кабинетами. Вотъ что сказалъ мнѣ Наполеонъ по этому случаю.

—Республика не нравится Европейскимъ Державамъ; увѣдомьте ихъ, что она не существуетъ болѣе; что новая политика Франціи бу-

детъ состоять не въ томъ—чтобы разпространять республики на развалинахъ Монархій, — но чтобы поддерживать и обезпечивать настоящій порядокъ вещей; Франція должна уважать Королей. Я не желаю увеличенія владѣній, ничего чтобы могло обезпокоить другаго; я желаю тишины и спокойствія внутри Государства, и дружественныхъ сношеній внѣ. — Представьте меня всѣмъ кабинетамъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ, и скажите, что я не считаю себя въ войнѣ ни съ кѣмъ.—Если они не желаютъ войны, я немедленно прекращу всѣ непріязненныя дѣйствія; кто же захочетъ продолжать ее—тотъ всегда встрѣтитъ Генерала Бонапарте 1796 года!

Вслѣдствіе этого разговора, я написалъ къ Президентамъ, или Директорамъ Европейскихъ кабинетовъ и увѣдомилъ ихъ о новомъ положеніи дѣлъ во Франціи.—Я писалъ въ Испанію, въ Португалію, въ Сардинію, въ Неаполь, Тоскану, Парму, Модену, въ Вѣну, въ С. Петербургъ, въ Берлинъ, въ Стокгольмъ, въ Копенгагенъ, въ Англію, въ Константинополь, въ Дрезденъ, въ Штудтгартъ, въ Мюнихъ, въ Баденъ и къ другимъ Державамъ.

Намъ отсюда отвѣчали съ учтивостію. Одинъ Герцогъ Моденскій на Югѣ, и Курфирстъ Гес-

сенскій па Сѣверѣ не отвѣчали ни слова и Наполеонъ припомнилъ имъ это молчаніе; одному послѣ Маренго, другому послѣ Іены. — Кабинеты С. Петербургскій, Вѣнскій и Лондонскій отличились вѣжливостію и благоразуміемъ своихъ отвѣтовъ. Тогда Наполеонъ въ свою очередь написалъ ко всѣмъ Государямъ — и всѣ почти отвѣчали ему. Георгъ III не отвѣчалъ и Англійское Министерство увѣдомило меня нотою, почему Король не отвѣчалъ самъ.

Наполеонъ съ удовольствіемъ прочиталъ всѣ эти посланія.

Нѣсколько дней спустя послѣ вступленія моего въ должность, я получилъ отъ перваго консула записку, которой вотъ точная копія:

a Quand vs. vien... app. la date de la prise de poss. de chaq. fam. roy. d'Euro.

Bonap.

Это значило:

Quaod vous viendrez, apportez moi la date de la prise de possession de chaque famille royale d'Europe.

Bonaparte.

Вскорѣ я принесъ ему требуемое.—Первый Консулъ со вниманіемъ прочиталъ эту запис-

ку, которая тогда окончивалась Австрійскимъ домомъ; вдругъ закусилъ онъ губы и посмотрѣлъ на меня не такъ ласково какъ прежде.

—Какимъ образомъ попали сюда Бурбоны, спросилъ онъ; развѣ они еще царствуютъ по вашему мнѣнію?

—Я сдѣлалъ эту ошибку по привычкѣ, отвѣчалъ я; впрочемъ они еще царствовали 17 числа — и перестали царствовать только на другой день;—а этому еще такъ мало времени, что я не успѣлъ отвыкнуть.

Незнаю какимъ образомъ сдѣлалъ я такую ошибку,... Что за человѣкъ! — ничто отъ него нескрывалось.

Вскорѣ послѣ того ко мнѣ прїехалъ агентъ изъ Англіи.— Ему было поручено предложить Бонапарте герцогство Миланское, или Венецію—или даже то и другое вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы онъ возвратилъ корону Бурбонамъ и оставилъ во владѣніи Англіи все, что она завоевала. Наполеонъ съ презрѣніемъ выслушалъ это предложеніе — и сказалъ агенту, что онъ будетъ разстрѣлянъ, если не удалится въ 24 часа. — Недѣлю спустя прїехалъ Министръ Императора Боронъ Морг..... Нѣмецъ съ тяжелою, грубою наружностію, но съ быстрымъ

умомъ—ледяный снаружи и огненный внутри; онъ предлагалъ Наполеону отъ имени своего Государя, пожизненное владѣніе Курфиршествами Кельнскимъ и Маинцскимъ; предлагали ему даже Курфиршество Брабантское, также въ пожизненное владѣніе и провинцію Люксамбурскую въ вѣчное,—съ условіемъ возвратить престолъ Бурбонамъ и отдать Австріи не только венеціанскія владѣнія — но и три Римскія легаціи, присоединенныя къ покойной Цизальпинской Республикѣ по договору въ Толентино.

Наполеонъ отвѣчалъ Барону.

—Я предлагаю вашему Государю всѣ Венеціанскія владѣнія если онъ откажется отъ республики Цизальпинской. Чтоже касается до Бурбоновъ, то я не совѣтовалъ бы имъ приближаться къ нашимъ границамъ. Я окруженъ людьми, которые не слишкомъ ихъ любятъ и не очень раскаяваются въ своихъ прошедшихъ поступкахъ.

Я съ горестію услышалъ эти слова, которыя могли бы служить предостереженіемъ для Бурбоновъ. Я долженъ прибавить, что съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ довѣрился Фуше — я находилъ его болѣе и болѣе ожесточеннымъ

противъ прежней династіи, которую ему всегда выказывали въ непріятельскомъ видѣ. Никто не знаетъ сколько вреда принесли сплетни роялистскихъ комитетовъ нашимъ Принцамъ вообще и несчастному Герцогу Энгіенскому въ особенности.

Маркизъ Клермонъ — Гальрандъ, бывшій простъ, какъ Жокрисъ — и прикидывавшійся Катилиною; безпечный Аббатъ Монтескьу, который затѣвалъ революцію, несходя съ креселъ; интригантъ Фошъ — Борель, глупый Аббатъ Бротье, Аббатъ Давидъ—и Баррюель-Боверъ, который кланялся Наполеону и кололъ его сзади; и шевалье д' Антибъ, который фальшивымъ голосомъ пѣлъ сантиментальные романсы; Аббатъ Монгальяръ — измѣнявшій кому только можно было измѣнить; Шевалье Дюбуръ де ла Поркри, дю Веррь де Прель, Рише Серизи, Ла Гарпъ и тысячи другихъ такъ хорошо настроили умъ Наполеона съ 13 Вандемьера до 1804, что сдѣлали его непримиримымъ врагомъ Бурбоновъ.

А оба Полиньяки! — а маркизы Ривьеръ и Лимоеланъ; а Жоржъ Кадудаль, Шуаны и Пишгрю?... съ такими союзниками Фуше не трудно было ожесточить перваго Консула! — Этотъ демонъ Фуше воспользовался чѣмъ могъ и погубилъ несчастнаго Герцога Энгьенскаго.

Если бы только кто зналъ всю ничтожность, все хвастовство этихъ людей! — Подъ судомъ они показали, что не хотѣли смерти Бонапарте, а это было ихъ главною цѣлію, предметомъ всѣхъ ихъ совѣщаній — Они ввѣрялись первому встрѣчному, первому шпіону, который бранилъ Наполеона; потому то и всѣ ихъ заговоры были похожи на просѣки, куда только лѣнивый не заглядывалъ.

Камбасересъ, который небылъ еще вторымъ Консуломъ—пришелъ ко мнѣ однажды поутру съ такимъ встревоженнымъ лицемъ, что я тотчасъ догадался, что съ нимъ случилось что нибудь необыкновенное, и потому спросилъ, что доставляетъ мнѣ честь видѣть его у себя?

— Я пришелъ съ вами посовѣтоваться; вотъ что со мной случилось: до революціи я былъ знакомъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который въ 1789 году сдѣлался эмигрантомъ. Послѣ 18 фруктидора онъ просилъ меня постараться, чтобы его вычеркнули изъ списка,— и четыре дни спустя послѣ 18 Брюмера просьбу мою исполнили. Вчера онъ пріѣхалъ въ Парижъ и сегодня поутру явился ко мнѣ — знаете ли въ какомъ видѣ? — Какъ Министръ Людовика XVIII; онъ уже видѣлся съ Аббатами Монтескью, Сикаромъ, Баррюелемъ, Сент-

Альбеномъ, Сент-Фаромъ, съ Маркизомъ Клермонъ-Гальрандомъ и сказалъ имъ, чтобы они адресовались ко мнѣ, какъ къ повѣренному въ дѣлахъ Короля; тутъ онъ отдалъ мнѣ нѣсколько бумагъ, документовъ и убѣжалъ говоря, что полиція ищетъ его и что онъ бѣжитъ укрыться гдѣ нибудь; что я не долженъ ничего опасаться за себя, потому что исключая роялистскихъ комитетовъ въ провинціяхъ, онъ говорилъ о моей должности повѣреннаго Людовика только Якобинцамъ, которыхъ примѣръ мой долженъ обратить на путь истинный.

Дерзость этого безумца такъ удивила меня что я не собрался съ духомъ отвѣчать ему; только что онъ ушелъ, какъ я побѣжалъ просить вашего совѣта.

—Вамъ остается одно! отвѣчалъ я; пойдемте къ первому Консулу (замѣтьте, что хотя Бонапарте былъ третьимъ Консуломъ до 13 слѣдующаго Декабря, но всѣ называли его первымъ Консуломъ), разскажите ему все дѣло, вручите всѣ переданныя вамъ бумаги. Впрочемъ мнѣ кажется, что все это затѣяли роялисты изъ желанія похвастаться.

Камбасересъ, блѣдный какъ смерть, послѣдовалъ какъ дитя за мною; мы пришли

въ Люксамбуръ и онъ едва могъ разсказать первому Консулу это происшествіе.

Я зналъ все это часъ тому назадъ — отвѣчалъ Наполеонъ—и съ часъ уже жду васъ.— Я увѣренъ въ васъ, гражданинъ; эти глупцы не увлекутъ васъ въ лабиринтъ, въ которомъ сами ходятъ ощупью!

Эти слова возвратили жизнь Камбасересу: кровь его пришла въ движеніе, онъ пришелъ въ себя и разговоръ его такъ понравился Наполеону, что онъ тутъ же спросилъ его не хочетъ ли онъ быть вторымъ Консуломъ, но только съ совѣщательнымъ голосомъ.

—Я готовъ принять отъ васъ, Генералъ, всякую должность, отвѣчалъ Камбасересъ.

Я не знаю первой причины выбора Лебрёна въ третьи консулы; его называли умнымъ человѣкомъ—хорошимъ писателемъ; но безъ всякой политической стойкости; онъ былъ способенъ слѣдовать за обстоятельствами, но не управлять ими; онъ былъ такъ ничтоженъ, что его едва знали во время Имперіи. Когда толпа осаждала двери втораго Консула или архиканцлера Камбасереса, едва какая нибудь карета прерывала безмолвіе улицы, на которой жилъ

третій Консулъ или архиказначей. Лебренъ былъ извѣстенъ только чрезвычайной экономіей; исторія о шелковыхъ чулкахъ справедлива, вотъ она:

Лебрена приводила въ отчаяніе необходимость марать въ годъ 365 паръ шелковыхъ чулокъ, — потому что башмаки каждый разъ оставляли на нихъ черную полоску. Долго думалъ онъ какъ бы помочь этому горю; наконецъ нашелъ средство сократить втрое свои издержки. Онъ заказалъ себѣ три пары башмаковъ, одни повыше другихъ—такъ что полоска оставленная одними башмаками, прикрывалась другими и т: д: третій Консулъ былъ въ восхищеніи отъ своей выдумки.

Первый Консулъ учредилъ французское министерство слѣдующимъ образомъ: *Юстиція*—Абріаль; вмѣсто всякой похвалы этому человѣку я повторю слова Наполеона, сказанныя ему въ полной аудіенціи: Гражданинъ! не я назначилъ васъ министромъ, но общій голосъ; онъ не нашелъ ни кого достойнѣе. Онъ былъ честный и твердый человѣкъ, но управлялъ министерствомъ не долго; мѣсто его заступилъ Ренье. *Министерство Иностранныхъ Дѣлъ:* я. М. Внутреннихъ Дѣлъ: Лапласъ, знаменитый астрономъ; — онъ

только что вступилъ въ должность— но оставилъ ее, и передалъ портфейль Луціану Бонапарте. *Военное Министерство:* Карно, о которомъ я упомянулъ уже. *М Финансовъ:* Годенъ, олицетворенная честность, безкорыстіе, вошедшее въ пословицу. Наполеонъ говаривалъ: Государь имѣющій министровъ, подобныхъ Годену и Молліену, можетъ спать не страшась, что казну его обокрадутъ во время сна. *Морское Министерство: Форфè.* (Forfait) объ этомъ человѣкѣ не должно судить по имени;—онъ былъ самый честный и благородный гражданинъ. *М. Полиціи.* Фуше; здѣсь я ничего не скажу про него, потому что уже довольно говорилъ—и еще остается сказать многое.

Я хотѣлъ было присовокупить еще списокъ всѣхъ кабинетовъ Европы—но назову только министровъ Иностранныхъ Дѣлъ каждой Державы: *Австрія:* Графъ Коллередо; *республика Батавская:* Вандергесъ; *Англія:* Лордъ Гевксбери; *Данія:* Графъ Бернерсдорфъ; *Баденъ:* Баронъ Эдельсгеймъ; *Баварія:* Баронъ Монжела; *Гановеръ:* Баронъ Декмъ; *Гессенъ-Кассель:* Баронъ Вайцъ; *Саксонія:* Графъ Лоссъ; *Виртембергъ:* Графъ Винценгероде; *Испанія:* Донъ Педро Цевалло; *Американскіе*

Штаты: Джемсъ Медиссонъ; *республика Итальянская:* Графъ Марескальки; *Республика Луккская:* Людовикъ Лупли; *Португалія:* де Альмеда де Мелле—е—Кастро; *Пруссія:* Маркизъ Лукезини. *Римъ:* Кардиналъ Гонсальви; *Россія:* Графъ Александръ Воруровъ (?!) (Worouroff) *К. Обѣихъ Сицилій:* Актонъ; *Швеція:* Баронъ Цедерштромъ; *Тоскана:* Сенаторъ Мацца. *Турція:* Махмудъ Рей-Эфенди.

Почти всѣ эти министры были отличные государственные люди; въ числѣ ихъ упомяну о Кардиналѣ Гонсальви, — умномъ дипломатѣ, добромъ, твердомъ — искусномъ безъ хитрости—ловкомъ безъ обмана. — Если онъ иногда и умалчивалъ правду, за то никогда не говорилъ лжи; *Кардиналъ Гансальви сказалъ;* эта фраза въ каждомъ кабинетѣ была все равно что подписанный трактатъ.

Во второй части я очертилъ портретъ Маркиза Лукезини; Графъ Коллоредо, былъ также искусный дипломатъ; незнаю почему онъ только ненавидѣлъ всѣхъ французовъ вообще и въ особенности перваго консула. — Графъ Берисдорфъ и Донъ Педро де Цевалло также имѣли много талантовъ.

Должность государственнаго секретаря сдѣлалась первою должностію во Франціи, по желанію перваго консула. 25 Декабря 1799 года Бонапарте назначилъ Государственнымъ Секретаремъ Г. Маре, впослѣдствіи Герцога Бассано; на этакой высотѣ голова Г. Маре закружилась до такой степени, что онъ ничего не видалъ; но я уже упоминалъ объ немъ.

Графъ Лапласъ, какъ я уже говорилъ, не долго оставался при Министерствѣ; будучи отличнымъ астрономомъ, онъ болѣе занимался небесными, нежели земными происшествіями; однажды какъ первый консулъ потребовалъ отъ него какую то важную ноту, Лапласъ, въ разсѣяніи прислалъ ему длинное разсужденіе о фазахъ луны.

Наполеонъ думалъ, что умный человѣкъ ни какъ не долженъ принять одну тетрадь за другую—и отрѣшилъ его отъ должности, сказавъ: Такъ какъ въ земныхъ дѣлахъ онъ ничего не понимаетъ — пусть возвратится къ свѣтиламъ небеснымъ; онѣ ему благопріятствуютъ; онъ утѣшится въ незнаніи административныхъ наукъ, другими науками, которыя знаетъ.—

Тогда Луціанъ, сердившійся на Наполеона

за то, что онъ не сдѣлалъ его вторымъ Консуломъ, вступилъ отъ скуки въ министерство.— Будущій Князь Канино хотѣлъ быть республиканцемъ и знатнымъ бариномъ въ одно и тоже время; онъ щедръ, сострадателенъ, краснорѣчивъ — но тщеславенъ. — Онъ два раза былъ женатъ, на женщинахъ вовсе не знатнаго происхожденія; вторая женидьба совсѣмъ поссорила его съ Наполеономъ; вторая его жена имѣла еще мужа вживыхъ, когда Луціанъ назвавъ ее дѣвою, тихонько обвѣнчался съ нею въ Плесси, по ложнымъ документамъ, доказывавшимъ смерть Г. Жубертона, который испугался чести такого родства, и безъ оглядки ускакалъ въ Америку. — Луціанъ почиталъ себя необходимымъ для Наполеона и чуть не умеръ съ досады, когда увидѣлъ что братъ его побѣждаетъ Европу безъ его помощи.

ГЛАВА III.

Я прихожу къ Жозефинѣ, съ кѣмъ нахожу ее Монсиніг. Рапін. Исторія знаменитой кошки. — Причина моей ненависти къ Монсиніг Рапін'у. Первый Консулъ отмщаетъ за меня.—Портретъ Мадамъ.... отрывки изъ журнала покровительницы кошекъ. Обезьяна и Капуцинъ. - Чувствительной котъ. — Исторія позабытаго кота. Мадамъ Тальенъ. Предсказаніе старой негритянки - Какъ первый консулъ наказываетъ Мадамъ II.—Дамы нескромнаго поведенія изчезаютъ изъ Тюйльри. — Почему Бонапарте хочетъ жить въ Тюйльри.—Баррасъ подвергается опасности быть разстрѣлянымъ.

Вскорѣ, непомню какое происшествіе напомнило мнѣ, что я неисполнилъ еще порученія Бонапарте въ отношеніи къ Жозефинѣ; конечно для меня пріятнѣе было бы разсуждать о мирѣ съ Лордомъ Гевксбери; но какимъ образомъ сказать Наполеону: не хочу! Увѣряю васъ что эта вещь была не очень безопасна.

Я отправился къ Жозефинѣ и засталъ ее

окруженную тремя горничными дѣвушками; передъ нею стоялъ Еврей ювелиръ, мадамъ Жермонъ, шившая корсеты и платья, и еще какой то человѣкъ, котораго я принялъ бы за танцмейстера, еслибы не зналъ, что онъ купецъ шелковыхъ матерій.

Кажется я пришелъ не во время, потому что при входѣ замѣтилъ слѣды неудовольствія на всѣхъ лицахъ; даже привлекательная физіономія Жозефины на минуту омрачилась— но природная учтивость вскорѣ заступила мѣсто минутнаго неудовольствія и мы вышли съ ней въ другую комнату.

Тутъ вопервыхъ мадамъ Бонапарте начала просить меня за дюжину кліентовъ, которымъ нужны были все таки *хорошія мѣста;*—послѣ этого я выслушалъ цѣлую повѣсть о несчастіяхъ *Monsieur Papin,* о жестокости Бонапарте къ этому прекрасному созданію— и наконецъ могъ начать разговоръ.

Но можетъ быть вы теперь спросите меня: кто этотъ *Monsieur Papin,* сдѣлавшійся предметомъ жестокости перваго Консула?—Я отвѣчаю, что *M. Papin,* былъ четвероногое: толстый прекрасный котъ; злой, какъ старый адвокатъ; ужасъ дамъ, потому что онъ рвалъ, царапалъ

кружева, оборки, перья — все что могъ. Онъ чувствовалъ свою значительность, и потому безнаказанно подшучивалъ и надъ значительными людьми, которые въ умѣ надѣляли проклятаго кота всѣми возможными ругательствами—а вслухъ превозносили его. Я не любилъ этого мерзкаго кота, да и онъ меня тоже— и потому всегда запускалъ свои когти мнѣ въ ноги и такъ искусно, что кровь выступала на чулкахъ. — Первый Консулъ, какъ говорила Жозефина, былъ моимъ мстителемъ, и *Mr. Papin'у* доставалось отъ него порядкомъ; за то, только что раздавались грозные шаги Бонапарте, проклятое животное убѣгало или пряталось куда нибудь подъ мебель, гдѣ и оставалось до самаго ухода своего непріятеля.

Страсть къ кошкамъ такъ странна и между тѣмъ такъ обыкновенна; я нашелъ въ купленныхъ мною манускриптахъ описаніе любви къ кошачьему племени, и это описаніе показалось мнѣ такъ занимательнымъ, что я предлагаю извлеченіе; Авторъ, знатная дама, которая всю жизнь дѣлала то, чего бы не должна была дѣлать; у ней были пылкія чувства и множество ума; разговоръ ея блестѣлъ остроуміемъ и она писала не хуже мадамъ Севинье; въ дѣвушкахъ и за мужемъ носила прекрасное имя — и не слишкомъ заботилась

о его сохраненіи; вѣтренная въ 80 лѣтъ точно также какъ въ 20—она горячку мыслей принимала за увлеченіе сердца; не щадила ни враговъ, ни друзей, и была способна къ преданности точно также какъ къ измѣнѣ.

Вотъ ея замѣчанія.

—Я всегда умѣла находить развлеченія, утѣшающія въ печали; я уже говорила о своихъ привязанностяхъ, но не говорила о своихъ страстяхъ, — потому что страсти увлекаютъ, — и тотъ кто предается имъ, теряетъ свое спокойствіе.—Напротивъ того, привязанности утѣшаютъ насъ; постоянно доставляютъ намъ новыя и даже разнообразныя удовольствія; въ нихъ нѣтъ однообразія, которое ведетъ за собою отвращеніе,— обыкновенный конецъ всѣхъ страстей.—Счастливъ тотъ, кто обращаетъ страсти свои на предметы не значительные; я говорю по опыту.

—Съ самой ранней молодости я любила животныхъ и безпокоила этой любовью всѣхъ, окружающихъ меня; родители баловали меня и я употребляла во зло ихъ любовь; они непремѣнно должны были доставать мнѣ собакъ, кошекъ, птицъ, барашковъ, козлятъ.—У меня былъ цѣлый звѣринецъ, которому я отдавала всѣ свои заботы; но и тутъ случилось, что слу-

частся вездѣ; я любила одну больше другаго; кошекъ, больше другихъ животныхъ и всякой разъ какъ они съѣдали у меня чижика, или щегленка, я думала что возненавижу ихъ, и приказывала немедленно удалить ихъ отъ себя, приказывая впрочемъ, чтобы имъ не дѣлали никакаго зла; но черезъ два или три дни кошки мои опять приходили ласкаться ко мнѣ и я прощала имъ, какъ любовникъ прощаетъ невѣрности своей возлюбленной.

—Любовь моя къ кошкамъ увеличивалась со дня на день—и я не хотѣла уже разставаться съ ними, не смотря на то что Г. Бюфонъ оклеветалъ ихъ.

Родители мои были такъ добры, что прощали мнѣ эти капризы; но вышедши замужъ я должна была отказаться отъ своего звѣринца, потому что мужъ мой могъ быть вовсе не такъ снисходителенъ. Я оставила у себя одну только кошку которую терпѣли только потому, что она приносила пользу въ домѣ, истребляя многочисленныхъ обитателей Крысонолиса; въ ней имѣли нужду и потому находили ее прекрасною. Такъ всегда бываетъ у людей.

—Когда мужъ мой оставилъ меня; я снова завела у себя кошекъ, потому что мнѣ необхо-

димо было любить кого нибудь. Любимцы мои были прекраснѣйшіе ангорскіе коты; это премилыя животныя, веселыя, чистоплотныя; независимость ихъ характера нравилась мнѣ болѣе всего;—собаки лижутъ руки, которая бьетъ ихъ, кошки этого никогда не дѣлаютъ; конечно собаки служатъ образцемъ вѣрности, защищаютъ своего хозяина и часто издыхаютъ съ тоски по его смерти; но я предпочитаю кошекъ; постоянство ихъ удивительно; многіе, которые не знаютъ ихъ, говорятъ, что кошки привыкаютъ къ мѣсту а не къ человѣку. Я увѣрена въ противномъ.

—Часто когда я перемѣняла квартиру и друзья мои оставались еще на старой, то они не дожидаясь, сами прибѣгали ко мнѣ на новое мѣсто; этотъ инстинктъ даетъ имъ ихъ независимость.—Ни одно животное не имѣетъ столько прелести.—Лекенъ, достойный соперникъ Тальмы, держалъ около себя кошекъ, чтобы изучать прелесть ихъ движеній. Карленъ знаменитый арлекинъ бралъ уроки у кошекъ, этихъ самыхъ кошекъ, на которыхъ понапрасну клевещутъ, какъ будто бы онѣ были люди.— Я слышала отъ него самаго, что всѣ жесты, которымъ аплодировали на сценѣ, онъ перенялъ у кошекъ.

—Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на плавную походку кошки? — посмотрите, когда она бѣжитъ—или прыгаетъ.—Одинъ поэтъ (Гюйо Дезербье) сказалъ, что если кошка по какому нибудь обстоятельству прыгаетъ съ крыши, то она летитъ а не падаетъ.

Il ne tombe pas—il descend.

—Первая страсть этихъ животныхъ есть самолюбіе; ихъ характеръ такъ похожъ на мой, что мнѣ недоставало только сдѣлаться республиканкой для совершеннаго сходства.

—Въ то время когда я 8 мѣсяцевъ въ году проживала въ Аббатствѣ у дяди моего Аббата Р.... у меня всегда былъ звѣринецъ, составленный изъ разныхъ звѣрей; въ немъ кромѣ лани, была еще у меня маленькая обезьяна, которую подарилъ мнѣ президентъ Периньи и съ которой я не могла разстаться, не смотря на то, что это злое, хитрое и безобразное животное играло надо мной ужасныя штуки. Одна знакомая дама говорила: Президентъ Периньи, не смѣя подарить вамъ своего портрета, взамѣнъ его подарилъ эту обезьяну, и прекрасно достигъ своей цѣли; неправдали, что онъ похожъ на нее!— И въ самомъ дѣлѣ сходство было разительное.

—Бѣдный Коко каждый день выдумывалъ новыя штуки: къ дядѣ моему ходилъ капуцинъ съ пребольшою бородою, по имени Арсеній. Коко аккуратно выходилъ ему на встрѣчу, садился на дерево, потомъ вдругъ спрыгнувъ, садился на плеча Капуцину и по цѣлымъ часамъ занимался дерганьемъ его бороды.

—Впрочемъ все должно имѣть конецъ — а фарсы Коко были безконечны; онъ былъ замѣшанъ во всякую бѣду, перебилъ все до чего могъ достать, и сдѣлался наконецъ бичемъ всего Аббатства. Наконецъ я почувствовала необходимость разстаться съ нимъ и подарила его одному знакомому; но несчастное животное было такъ привязано ко мнѣ, что не перенесло разлуки и издохло черезъ недѣлю.— Я велѣла воздвигнуть ему мраморный памятникъ.

—Возвратившись въ Парижъ я не переставала заниматься своими кошками; ихъ было у меня 14 и они всѣ спали на моей постели. Я могла на просторѣ наблюдать ихъ вкусы и характеры; всѣ онѣ были различнаго свойства: въ кошкахъ я замѣтила множество кокетства и капризовъ; въ котахъ необыкновенную учтивость, которая будучи при наступленіи рево-

люція изгнана изъ Франціи, перешла кажется въ котовъ.

—Природа часто производила въ нихъ удивительныя странности; одинъ котенокъ родился безъ хвоста; другой былъ горбатый, третій чудо по своей прекрасной шерсти, былъ настоящее чудовище по своему образованію; я заботилась объ немъ больше нежели объ другихъ; и онъ былъ совершенно здоровъ. Однажды поднесла я его къ зеркалу; онъ такъ испугался своего вида, что впалъ въ ужаснѣйшія конвульсіи и тутъ же издохъ. Удивительное дѣйствіе страха, или самолюбія.

—Наконецъ въ доказательство того, какъ вредно предаваться страстямъ, я приведу тотъ день, когда вышелъ декретъ, чтобы всѣ Дворяне выѣхали изъ Парижа немедленно; я, спѣша удалиться, уже выѣхала за заставу, какъ вздумая приласкать своихъ кошекъ — увидѣла, что въ огромной корзинѣ куда я ихъ помѣстила, недостаетъ одного кота. — Тотчасъ велѣла я ѣхать назадъ въ Парижъ, на свою бывшую квартиру и нашла несчастнаго кота, который мяукалъ такъ, что у меня сердце разрывалось. Увидѣвъ меня, онъ пересталъ жаловаться и началъ ласкаться ко мнѣ. Но тутъ я испуга-

лась, потому что пришло уже полтора часа, сроку, назначенному для выѣзда; меня могли остановить, судить, казнить за эту просрочку— потому что я видѣла уже довольно примѣровъ;—не медля ни минуты, я отправилась въ дорогу и счастливо выбралась за городъ.—

Но довольно о страсти мадамъ де... къ кошкамъ и обезьянамъ.— Возвратимся къ разсказу.—Сдѣлавъ нѣсколько необходимыхъ приготовленій, я объявилъ Жозефинѣ о желаніи перваго Консула.

Жозефина разсердилась и чуть чуть не заплакала.

—Чего хочетъ Бонапарте? сказала она; развѣ хорошее общество будетъ ѣздить къ намъ, чтобы мѣшаться съ этими невѣжами, которыми онъ окружаетъ себя?—настоящіе роялисты не любятъ насъ; ктому же всѣ эти дамы прелюбезны, всѣ любятъ меня;—а теперь я должна отказать имъ потому, что мы возвысились. Что онѣ подумаютъ?—Ктому же мы только три года пробудемъ на этомъ мѣстѣ — и послѣ того опять сдѣлаемся простыми гражданами.

—Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что только три года пробудете на этомъ мѣстѣ? спро-

силъ я; разувѣрьтесь!—Вы останетесь на немъ навсегда.

—О! вскричала она; да развѣ Генералъ хочетъ сдѣлаться Королемъ?

—Не знаю! — кажется можно и подъ другимъ именемъ владѣть республикой. — Повѣрьте мнѣ, люди достигшіе до такого величія, добровольно не покинутъ его; вы и теперь не менѣе Королевы; потому то и должно, чтобы кто нибудь могъ упрекнуть въ чемъ либо людей окружающихъ васъ.

—Но знаете ли вы, гражданинъ, что Мадамъ Тальенъ прелестна! — что у нея прекрасный вкусъ, что я не могу хорошенько одѣться безъ ея совѣта?

—Первый Консулъ, сказалъ я, не любитъ этой дамы: онъ не хвалитъ ея поведенія.

—Конечно она не затворница! — но сколько имѣетъ она свѣтскихъ качествъ; а Мадамъ М.... Мадамъ Е.... Мадамъ Б.... неужели всѣ эти историческія фамиліи. Б..... де Л.... де Л.... Т.... де С.... де В.... должны изчезнуть съ моихъ вечеровъ? — Кого же мнѣ принимать?....

Но сказалъ я съ нетерпѣніемъ, вамъ остаются супруги членовъ Правительства, Сенаторовъ, законодателей, трибуновъ, супруги Генераловъ; будьте увѣрены, что черезъ два года, вы будете окружены всѣми фамиліями роялистовъ.

Блестящая будущность, которую я открывалъ Мадамъ Бонапарте, видимо обрадовала ее; она улыбнулась и сказала:

—Знаете ли, гражданинъ Министръ, что вы говорите тоже самое, что однажды предсказала мнѣ старая негритянка изъ Мартиники.

—А что она предсказала вамъ?

—О! вздоръ! — что я буду нѣкогда выше Французской Королевы.

—Странно! отвѣчалъ я;—еще немного и вы будете равны Маріи Антоанеттѣ; еще шагъ со стороны перваго Консула и вы превзойдете ее; — а теперь — принесите что нибудь въ жертву обстоятельствамъ—и исполните желаніе Генерала.

Я показалъ ей въ отдаленіи блестящую корону; она обѣщалась исполнить желаніе своего мужа и прибавила, что Тюйльрійскій дворецъ,

въ которой опи переѣдутъ черезъ мѣсяцъ, будетъ отпертъ только для женщинъ избранныхъ самимъ Бонапарте.

Я побѣжалъ съ этой доброй повостію къ первому Консулу—но онъ не обрадовался— и топнулъ ногой отъ нетерпѣнія.

—Черезъ мѣсяцъ!—сказалъ онъ,—тогда Жозефина еще меньше захочетъ разстаться съ ними; придется самому вмѣщаться въ это дѣло.

Спустя три или четыре дни Мадамъ П.... бывшая на четвертомъ разводѣ и при пятнадцатомъ любовникѣ, пріѣхала на утренній концертъ въ Люксамбуръ, полуобнаженная. Первый Консулъ подошелъ къ ней, сѣлъ подлѣ нея и сказалъ ей:

—Какъ, сударыня!—женщина, которая волочитъ по грязи прекрасное военное имя (отцовское), которая не стыдится своего дурнаго поведенія, думаетъ, что первый человѣкъ въ Республикѣ позволитъ ей явно развратничать и будетъ принимать ея посѣщенія?—Дворецъ его открытъ для одной добродѣтели; и вы должны перемѣною жизни заслужить въ него доступъ.

Наполеонъ всталъ и громко сказалъ одному адъютанту:

—Мадамъ П.... сдѣлалось дурно; потрудитесь велѣть позвать ея лакеевъ и проводить ее до кареты.

Это случилось такъ быстро, что никто не понялъ сущности этой сцены. Мадамъ П.... которой другіе завидовали видя ея особеннымъ предметомъ вниманія перваго Консула, вышла въ сопровожденіи адъютанта—и въ передней упала въ обморокъ. — На другой день происшествіе разнеслось по городу — и подругъ и подражательницъ Мадамъ П..... объялъ такой страхъ, что онѣ не смѣли явиться къ Бонапарте безъ личнаго приглашенія.

Мадамъ Тальенъ отказали отъ дому нѣсколько спустя; Жозефинѣ не хотѣлось съ ней разстаться,— и Наполеонъ принужденъ былъ наконецъ погрозить, что поступитъ съ ней также какъ съ Мадамъ П....

Однажды Бонапарте сказалъ мнѣ:

—Неправдали, что мнѣ неприлично жить въ Люксамбурѣ: мѣсто начальника республики въ Тюйльри; ктому же этотъ дворецъ былъ жилищемъ Королей; подумаютъ; что мѣсто ихъ

не занято,—пока не занятъ домъ нхъ.—Директорія сдѣлала ошибку запершись въ Люксамбурѣ—и тѣмъ уменьшила почтеніе въ себѣ.

Угадавъ значеніе этихъ словъ, я сказалъ:

—Жить въ Тюйльри? — Не значитъ ли это заставить Французовъ потерять привычки Монархіи.

Я замолчалъ.

—Что же должно дѣлать по вашему? спросилъ онъ съ живостію.

—Возвратить имъ Монархію, гражданинъ первый Консулъ, тѣмъ или другимъ образомъ.

Онъ улыбнулся, приложивъ палецъ къ губамъ — и сказалъ TC.... Я замолчалъ и онъ также; каждый изъ насъ былъ погруженъ въ размышленіе, изъ котораго онъ первый вышелъ.

—Monsieur de Talleyrand, сказалъ онъ, я хотѣлъ было разстрѣлять Барраса; глупецъ! вступилъ въ перегеворы съ Графомъ Лильскимъ!

Я хотѣлъ отвѣчать, какъ пришелъ Маре и я отправился, проклиная неумѣстный приходъ его.

ГЛАВА IV.

Наполеонъ присылаетъ за мною. — Гнѣвъ его на Аббата Монтескьу.—Родословная Монтескьу. Эпиграмма на него. Письмо Людовика XVIII къ Бонапарте.— Второе письмо Людовика XVIII къ Бонапарте.—Какимъ образомъ онъ получаетъ его. Отвѣтъ перваго Консула. Первыя сношенія съ Римомъ. Письмо Бонапарте къ Пію VII.—Дюрокъ въ Берлинѣ. Луціанъ въ Пруссіи. — Ужинъ въ гостинницѣ. — Первое явленіе Графа Сен-Жермена.— Полночное свиданіе.—Луціанъ не хочетъ идти. — Ночное явленіе. — Молчаливость Луціана. — Кардиналъ Капрара. Интрига Іезуитовъ. Баронесса Сталь вредитъ своимъ друзьямъ. — Графиня Жапли дѣлается демономъ Арсенала.

Вскорѣ послѣ вступленія Бонапарте въ Тюильри, что случилось 19 Февраля 1800 года, однажды вечеромъ первый Консулъ прислалъ за мною. — Бонапарте въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, съ пылающимъ лицемъ и блестящими глазами.

—Что это значитъ? спросилъ онъ, только что я вошелъ; что это за человѣкъ Аббатъ Монтескьу?—Что это за интригантъ, который

въ Парижѣ хочетъ быть Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Претендента? — Эти люди думаютъ, что имѣютъ дѣло съ Директоріей? — Я давно уже долженъ былъ засадить его въ тюрьму на сто сажень подъ землею.

Надобно было слышать его громовой голосъ, чтобы понять мой страхъ за себя и мои опасенія за Аббата Монтескью.

— Посмотрите, письмо отъ Короля — продолжалъ первый Консулъ, вынувъ изъ бюро письмо сложенное вчетверо; вы должны знать руку Графа Прованскаго? его ли это рука?

— Я знаю его руку, какъ свою собственную; позвольте.... точно, Генералъ, это его рука.

— Ну, такъ онъ лучше меня пишетъ?

Вотъ Королевское посланіе, съ котораго я получилъ копію только въ 1814 отъ самаго Короля — который далъ мнѣ списать ее какъ историческую пьесу; повторяю собственныя слова Его Величества.

Митава, 20 Февраля 1800.

«Люди подобные вамъ, не внушаютъ мнѣ никогда безпокойства, какое бы ни было ихъ ви-

димое поведеніе: Вы приняли важное мѣсто— и никто вамъ неблагодаренъ за это болѣе меня; вы знаете, что нужно для благосостоянія націи. Спасите Францію отъ нея самой, возвратите ей короля, — и будущія поколѣнія благословятъ вашу память; вы будете всегда слишкомъ необходимы для государства и я никогда, никакими мѣстами, никакими отличіями не въ состояніи буду заплатить вамъ свой долгъ.

Людовикъ.

— Прекрасное сочиненіе! — сказалъ Наполеонъ Понимаете ли вы послѣднюю фразу?...... Аббатъ Монтескьу обманулъ Жозефину и отъ нея то я получилъ это письмо. — Что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ?

— Отвѣтъ ничего не стоитъ. —

— Да! я подумаю.... А вы повидайтесь съ этимъ безпокойнымъ Аббатомъ и скажите ему, чтобы онъ былъ спокоенъ; что я запрещаю передавать женѣ моей такія порученія.... или ему будетъ худо..... кто таковъ этотъ Монтескьу?....

Я увѣдомилъ Бонапарте обо всемъ, что зналъ о происхожденіи Монтескьу; я сказалъ ему,

что генералъ Монтескьу — Фезанзакъ, имѣя тяжбу съ Г. Бульбекомъ, который принялъ его фамилію, доказалъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ великихъ герцоговъ Аквитанскихъ Меровингскаго дому; и что поэтому то когда въ 1784 году Генерала Монтескьу выбрали членомъ Академіи, то на него написали слѣдующую эпиграмму:

Montesquiou-Fezensac est de l'Académie.
Quel ouvrage a-t-i-fait? — sa généalogie!

это заставило смѣяться перваго консула но вмѣстѣ съ тѣмъ подало ему высокое мнѣніе о Монтескьу — и кажется было причиною возвышенія во время Имперіи Графа Монтескьу-Фезанзака и его добродѣтельной супруги. — Эти генеалогическія подробности помирили его съ Аббатомъ; впослѣдствіе Бонапарте предлагалъ ему Архіепископство Тулузское, или Провансское. Аббатъ отказался.

Между тѣмъ первый консулъ такъ долго обдумывалъ свой отвѣтъ, что вовсе позабылъ отвѣчать. Людовикъ XVIII, какъ онъ самъ послѣ говорилъ мнѣ, заглушилъ ропотъ оскорбленнаго достоинства для пользы Франціи и написалъ ему еще письмо.

Митава, 4 Іюня, 1800.

« Вы должны знать, генералъ, что давно уже пріобрѣли мое уваженіе; если вы сомнѣваетесь въ моей благодарности, назначьте сами мѣста себѣ и друзьямъ своимъ. Я Французъ; человѣколюбивъ по характеру, и буду человѣколюбивымъ по разсудку.

Нѣтъ! побѣдитель при Лоди, Кастиліонѣ и Арколе, завоеватель Италіи и Египта не можетъ предпочитать пустую молву истинной славѣ; впрочемъ вы теряете драгоцѣнное время; мы можемъ упрочить благосостояніе Франціи. — Я говорю *мы*, — потому что мнѣ для этого нуженъ Бонапарте — а онъ безъ меня ничего не можетъ сдѣлать.

Генералъ! Европа смотритъ на васъ, васъ ожидаетъ славный тріумфъ — и я нетерпѣливо желаю возвратить спокойствіе моему народу.

Людовикъ.

Долго не могъ я узнать коимъ образомъ дошло это письмо до консула. Самъ Король зналъ только, что оно перешло чрезъ роялистскій комитетъ. Наконецъ случайно въ 1827 узналъ: какой то незначительный Вандеецъ, имѣвшій пріятеля въ консульской дворнѣ, нашелъ средство пробраться въ Тюйльри и положилъ это

письмо на бюро въ кабинетѣ, куда пробрался подъ видомъ полотера.

Бурръенъ хвалится, что онъ убѣдилъ Наполеона отвѣчать на это письмо; но и тутъ лжетъ какъ во всемъ. Первый консулъ пригласилъ на совѣщаніе Камбасереса, Трельяра, Фабра де л'Ода и меня; прочиталъ намъ оба Королевскія письма и свой отвѣтъ, который я впослѣдствіи видѣлъ у Людовика XVIII.

Парижъ 20 Іюля 1800.
(1 фруктидора VIII года).

Monsieur

Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за лестныя выраженія, которыми вы меня осыпаете.

Вы не должны желать возвращенія своего въ отечество; потому что для этого надобно пройдти по ста тысячамъ труповъ.

Пожертвуйте личными выгодами спокойствію вашего отечества; Исторія не забудетъ этого.

Я сострадаю несчастіямъ вашего семейства и съ удовольствіемъ сдѣлаю все, что можетъ упрочить спокойствіе вашего убѣжища.

Бонапарте.

Мы одобрили этотъ отвѣтъ; я желалъ бы, чтобы онъ былъ подружественнѣе; но вспомнивъ, что первый Консулъ не желалъ продолженія этой переписки, одобрилъ его. Это было писано послѣ Маренго, откуда Наполеонъ возвратился 3 Іюля.

Въ этомъ же самомъ году, какъ скоро Кардиналъ Кіара-Монте былъ избранъ въ Папы, первый Консулъ приказалъ мнѣ написать къ Кардиналу Гонсальви, который отвѣчалъ мнѣ вѣжливо и благосклонно. Тогда Наполеонъ самъ взялъ перо и написалъ къ Его Святѣйшеству письмо, которое, надѣюсь будетъ здѣсь напечатано въ первый разъ.

Парижъ 11 Апрѣля 1800.

Святѣйшій Отецъ!

Первый Консулъ Французской республики одинъ изъ первыхъ считаетъ долгомъ поздравить Ваше Святѣйшество съ избраніемъ. Онъ тѣмъ болѣе обрадовался избранію этому—что бывши въ Италіи имѣлъ случай лично удивляться высокимъ добродѣтелямъ знаменитаго Кардинала и благочестиваго Епископа Имольскаго.

Прошу Васъ, Святѣйшій Отецъ, быть увѣреннымъ въ томъ, что я нетерпѣливо желаю примирить Францію съ престоломъ Св. Петра. Я увѣренъ, что вашъ высокій умъ и ваши до-

бродѣтели уничтожатъ препятствія, которыя если будутъ продолжаться, то могутъ сдѣлаться вредными даже для религіи. Что касается до меня, то я готовъ сдѣлать все, что повелѣваетъ мнѣ долгъ христіанина и начальника націи. — Препоручая себя молитвамъ Вашего Святѣйшества, честь имѣю быть, Святѣйшій Отецъ, Вашимъ покорнымъ слугою и преданнымъ сыномъ.

Бонапарте.

Я не перемѣнилъ бы ни одного слова въ этомъ письмѣ, такъ оно казалось мнѣ приличнымъ и почтительнымъ.

Вступивъ въ должность перваго Консула, Бонапарте послалъ лучшаго своего друга Дюрока въ Берлинъ для соблюденія мирныхъ отношеній между Пруссіею и Франціею. — Его приняли съ честію, но онъ долженъ былъ безпрерывно бороться съ Англійскими и Австрійскими агентами. Король приглашалъ его нѣсколько разъ къ обѣду, и Наполеонъ, восхищенный благосклоннымъ пріемомъ Фридриха Вильгельма, захотѣлъ показать иностранцамъ свое семейство. Вслѣдъ за Дюрокомъ отправился въ Пруссію Луціанъ Бонапарте. — Первому Консулу разсказывали происшествіе, случившееся на пути съ его братомъ, хотя Луціанъ

не хотѣлъ сознаться въ этомъ; странность этого приключенія такъ поразила меня, что я рѣшился разсказать его здѣсь, не отвѣчая впрочемъ за истину.

Сенаторъ Луціанъ приближался къ Берлину, куда онъ пріѣхалъ довольно поздно; хозяинъ гостинницы, въ которой онъ остановился инкогнито съ секретаремъ, объявилъ ему съ жалкою миною, что согласенъ дать ночлегъ, но не имѣетъ ужина, потому что какой то проѣзжій взялъ всю провизію для себя.

Луціанъ, умиравшій отъ голоду, послалъ своего секретаря къ этому путешественнику, который собирался одинъ поѣсть провизію достаточную для нѣсколькихъ человѣкъ, съ прозьбою не можетъ ли онъ уступить часть своего ужина двумъ проѣзжимъ, необъявляя кому именно. Незнакомецъ, человѣкъ средняго роста съ привлекательнымъ лицемъ, съ вѣжливымъ обращеніемъ, отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ готовъ раздѣлить съ ними свой ужинъ; что впрочемъ особенныя причины не позволяютъ ему принять къ своему столу больше одного человѣка; что другой также не умретъ съ голоду, потому что ему пришлютъ кушанья и вина въ его компату.

Эти странности подстрекнули любопытство Луціана—и онъ отправился къ таинственному незнакомцу. Начинается разговоръ, который путешественникъ искусно склоняетъ на Наполеона, и говоритъ такъ таинственно, что Луціанъ говоритъ:

—Но кто же вы? послушавъ васъ, подумаешь, что вамъ извѣстны всѣ тайны природы, что вы читаете въ будущемъ.—Не мистифируете ли вы меня?—Кто вы!

—Я не всегда жилъ въ неизвѣстности, отвѣчалъ незнакомецъ; имя мое было довольно извѣстно во Франціи; Король Людовикъ XV уважалъ меня и Маркиза Помпадуръ называла меня своимъ другомъ.—Тогда я назывался Графомъ Сен-Жерменемъ,

—Вы—вскричалъ Луціанъ съ ужасомъ,—вы Графъ Сен-Жерменъ!

—Точно такъ.— А вы бывшій президентъ Пятисотнаго Совѣта, гражданинъ Луціанъ Бонапарте?—Видите, что я васъ знаю.

—Кто вамъ сказалъ? —

—Никто мнѣ ничего не говорилъ; я незналъ кто вы таковы—но вы вошли и я узналъ съ кѣмъ имѣю дѣло.

—Правда ли Графъ, что вы вызывали усопшихъ?

—Что вамъ за дѣло?—Развѣ вы хотите кого видѣть?

—О нѣтъ! я не люблю этакого общества, но мнѣ хотѣлось бы узнать участь свою и своего семейства.

— Было время, когда я легко могъ бы удовлетворить вашему любопытству; теперь я почти не занимаюсь кабалистикою. — Вы ѣдете въ Берлинъ; хорошо! — на четвертый день вашего пріѣзда въ этотъ городъ, около полночи приходите въ католическую церковь и оставайтесь въ ней одни до часа по полуночи; — увѣряю васъ, что желаніе ваше исполнится;— но это всторону. Займитесь теперь ужиномъ.

Они начали ужинать; Графъ Сен-Жерменъ, которому казалось лѣтъ подъ сорокъ, — и которому по крайней мѣрѣ должно было быть лѣтъ сто, оказался очень любезнымъ собесѣдникомъ и свѣдущимъ политикомъ; онъ совершенно зналъ весь ходъ Европейскихъ кабинетовъ, далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ Луціану и описалъ характеръ всѣхъ министровъ. — Разговоръ продолжался довольно долго

и вино показалось такъ вкусно, что молодой посланникъ выпилъ его черезъ чуръ.

Проснувшись на другой день, Луціанъ спросилъ о своемъ собесѣдникѣ и съ досадою узналъ, что онъ уѣхалъ еще на разсвѣтѣ, расплатившись за все съ хозяиномъ.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, онъ началъ распрашивать о Графѣ Сен-Жерменѣ; десять человѣкъ клятвенно утвердили, что Графъ Сен-Жерменъ умеръ; по ихъ словамъ это случилось въ Датскомъ городѣ Шлезвигѣ въ 1784.

Это заставило Луціана призадуматься и онъ пропустилъ день, назначенный для ночнаго путешествія.

Однажды вечеромъ, возвратившись изъ спектакля, онъ отпустилъ секретаря, лакеевъ и остался одинъ; въ полночь дверь его кабинета растворилась; Луціанъ схватилъ заряженный пистолетъ и прицѣлился уже, какъ узналъ своего собесѣдника; онъ былъ въ томъ же костюмѣ, но ужасно блѣденъ.

— Что вамъ надобно? спросилъ Луціанъ. Кто вы?

— Я уже сказалъ вамъ свое имя.

— Графъ Сен-Жерменъ умеръ.

— Такъ думаютъ невѣжды!... онъ умретъ только въ томъ торжественный день, когда не станетъ людей. — Помните, что я вамъ обѣщалъ; я хочу сдержать свое обѣщаніе.

— Я отказываюсь.

— Это невозможно, отвѣчалъ незнакомецъ съ грустнымъ выраженіемъ; попросивъ однажды, вы не можете взять назадъ своей просьбы; и теперь должно повиноваться высшей власти.

— Я не пойду съ вами.

— Пойдете; это необходимо.

— Я не хочу идти.

— Должны!

И незнакомецъ схвативъ Луціана за руку, быстро повлекъ его за собою внизъ по лѣстницѣ — сходившей подъ полъ, и Луціанъ не имѣя силы ни закричать, ни сопротивляться, былъ увлеченъ своимъ вожатымъ чрезъ множество подземныхъ переходовъ до церкви.....

На другой день поутру — Луціанъ, возвратившійся домой тѣмъ же путемъ, которымъ вышелъ, — проснулся въ жестокой горячкѣ и цѣлыя сутки лежалъ безъ памяти. Выздо-

ровѣвъ, онъ ни когда не говорилъ объ этомъ происшествіи, не разсказывалъ что видѣлъ и даже не освѣдомлялся о Графѣ Сен-Жерменѣ.— Однажды при мнѣ, когда Наполеонъ насмѣхался надъ его суевѣріемъ и принуждалъ разсказать, какъ онъ говорилъ, свой дурной сонъ, Луціанъ отвѣчалъ ему съ живостію:

— Не спрашивайте меня если не хотите чтобы я повѣсилъ надъ вашей головою мечь Дамоклесовъ и отравилъ навѣкъ ваше существованіе.

Я сказалъ и еще разъ повторяю, что въ собственно политическихъ запискахъ буду говорить о своихъ дипломатическихъ и кабинетныхъ трудахъ. — Я не хочу наскучить читателямъ и потому не стану говорить о Люневильскомъ конгресѣ и о трактатѣ съ Англіею. Все это конечно очень любопытно — но прилично Государственнымъ Людямъ — а не простымъ читателямъ.

Во время конкордата я познакомился съ кардиналомъ Капрара; это былъ настоящій италіанскій кардиналъ: тонкій, остроумный, веселый,— а въ сущности добрый и почтенный человѣкъ. — Онъ хотѣлъ склонить меня къ поступленію снова въ духовный санъ— но

видя, что ничего не успѣетъ, рѣшился выдать мнѣ увольненіе отъ духовнаго сана; вотъ копія:

НАШЕМУ ЛЮБЕЗНОМУ СЫНУ

Карлу Морицу Таллерану.

Мы очень обрадовались вашему желанію примириться съ Нами и съ Церковью.

Отверзая вамъ объятія отеческаго снисхожденія, властію намъ данною, освобождаемъ Васъ отъ всѣхъ узъ отлученія; и въ знакъ примиренія вашего съ Церковію, вмѣняемъ вамъ въ обязанность, раздачу милостыни бѣднымъ, принадлежащимъ къ Отёнской церкви, которою вы прежде управляли; позволяемъ вамъ возвратиться въ свѣтъ, носить свѣтское платье и занимать свѣтскія должности,—которыя можетъ поручить вамъ правительство.

Дано въ нашемъ Дворцѣ Квиринalѣ и проч.

Въ это время Іезуиты вздумали пробраться въ мой кабинетъ.— Мнѣ рекомендовали одного писца, какъ хорошаго, вѣрнаго и неутомимаго человѣка; я принялъ его; но едва прошло десять дней, какъ первый Консулъ два раза предложилъ мнѣ такіе вопросы, что я удивился и подумалъ, не говорю ли я во снѣ; ка-

жется прежде не имѣлъ я этой привычки, а въ вѣрности своего камердинера былъ увѣренъ.

Я началъ подозрѣвать своего неутомимаго писца; онъ прилѣжно занимался своею работою, не спускалъ глазъ съ бумагъ, не говорилъ ни съ кѣмъ. — Я разставилъ ему сѣти, велѣлъ слѣдовать за нимъ, присматривать, и чрезъ два дни увѣрился, что принялъ къ себѣ одного изъ самыхъ хитрыхъ іезуитовъ.— Позвавъ его къ себѣ, я прочиталъ ему отеческое наставленіе и прогналъ его.— Съ этого времени о происходящемъ у меня въ домѣ знали только то, что я хотѣлъ.

Я продолжалъ видѣтся съ Баронесской Сталь и съ Графиней Жанли, которая возвратилась во Францію; первая все еще старалась управлять политикой Наполеона; вторая подъ литературною фирмою, учредила у себя родъ министерскаго кабинета, и занималась восхваленіемъ своихъ друзей, и клеветами на непріятелей.

Мамзель Неккеръ далеко превосходила во всемъ Мамзель Сент-Обенъ; она никогда не могла вредить своимъ непріятелямъ — но за то поступками своими отвращала отъ себя и друзей; другая же, ввѣряясь льстецамъ, довѣря-

лась имъ во всемъ — и даже для доказательства дружбы взводила на нихъ такія небывальщины, за которыя можно было какъ разъ попасть въ тюрьму.

Въ обществѣ Баронессы Сталь было весело; въ обществѣ Графини Жанли опасно.

Графиня Жанли, по возвращеніи своемъ во Францію, получила отъ Наполеона, кромѣ 12000-чной пенсіи, которую она выпросила не знаю за что, превосходную квартиру въ Арсеналѣ. — До нея почтенный Амельонъ царствовалъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ наукъ; при вступленіи Графини все перемѣнилось: почтенная дама до того начала его преслѣдовать и мучить, что онъ умеръ бы съ тоски, если бы вскорѣ непостоянная Графиня не покинула Арсенала и не отправилась разсѣявать свою скуку по перемѣннымъ квартирамъ.

ГЛАВА V.

Заговоръ Жоржа Кадудаля и Пилегрю. — Портретъ Кадудаля. — Пилегрю. — Маркизъ Ривьеръ. — Братья Роланьяки. — Герцогъ Арманъ. — Графъ Юлій. — Другіе заговорщики. — Костеръ Сен-Янкторъ. — Болѣзнь. — Любовь глухонѣмой. — Свиданіе Пилегрю съ Моро. — Разговоръ ихъ. — Подробности заговора. — Фуше склоняетъ Наполеона къ совершенному разговору съ Бурбонами. — Записка его о необходимости смерти Герцога Энгьенскаго.

Я не буду ничего говорить о заговорѣ Череки, Арены, Демервиля, Діаны и другихъ: не упомяну также объ адской машинѣ, потому что уступилъ всѣ матеріалы касательно этого дѣла, одной знатной дамѣ, которая съ умомъ и знаніемъ употребила ихъ въ дѣло; но хочу представить заговоръ Пишгрю и его сообщниковъ. — Г. Савари хотѣлъ обратить на меня вину въ смерти Герцога Энгіенскаго и я долженъ оправдаться въ этомъ ужасномъ обвиненіи. — Потому прошу вниманія:

Четыре года прошло какъ первый Консулъ водворилъ во Франціи спокойствіе; торговля

и промышленность процвѣтали подъ сѣнію побѣдъ его — и онъ съ твердостію слѣдовалъ предначертанному плану—замышляя о высадкѣ въ Англію и о возшествіи своемъ на престолъ.

Англія, должно признаться, сражалась съ Наполеономъ не всегда благороднымъ оружіемъ; множество Агентовъ, разсѣянныхъ по твердой землѣ, замышляли убить перваго Консула.— Изъ числа ихъ самыми ревностными исполнителями этого дѣла, были, кажется, Сиръ Спенсеръ Шмитъ, посланникъ въ Виртембергѣ и Сиръ Дрекъ, посланникъ въ Мюнхенѣ.

Но Англія искала людей еще рѣшительнѣе и нашла ихъ; ослѣпленные роялизмомъ, они рѣшались на преступленіе.

Вандея сдалась на капитуляцію въ 1800; миръ возстановился въ западныхъ провинціяхъ. — Когда извѣстный Жоржъ Кадудаль пріѣхалъ въ Парижъ, первый Консулъ призвалъ его къ себѣ и всячески старался обратить къ миролюбію. — Жоржъ остался непреклоннымъ. Онъ былъ человѣкъ съ твердымъ и пылкимъ характеромъ, съ неукротимымъ мужествомъ; не слишкомъ образованный, неспособный связать двѣ идеи—но преданный своему долгу и

не страшащійся смерти. Въ Вандеѣ его храбрость, воинскія дарованія, вѣрность — возвели его изъ отцовской хижины на степень Генералъ - Лейтенанта Королевской Арміи и Кавалера Св. Людовика.

Желѣзное сердце Жоржа могло забиться только при двухъ словахъ: Богъ и Король; это были единственныя его идеи. Нечувствительный къ любви, къ честолюбію, къ тщеславію онъ всѣ чувства перелилъ въ одно: преданность къ Королю;—наружность его была величественна; вступивъ на какую нибудь дорогу, онъ или долженъ былъ дойти до конца, или умереть, потому что отступать онъ не умѣлъ.

Въ тоже время въ Лондонѣ жилъ другой человѣкъ, герой на полѣ битвы, — и неискусный интригантъ во время мира: это былъ Пишгрю; 18 Фруктидора онъ проигралъ все замедленіемъ; но еще вѣрили въ его геній и способность; слава его была незапятнана и послушавъ его, вы бы сказали, что предпринять для него все равно, что исполнить.

Во второмъ ряду за Жоржемъ Кадудалемъ и Пишгрю стояли Маркизъ Ривьеръ и два брата Полиньяка; люди знатные, принадлежавшіе къ фамиліи, облагодѣтельствованной

Королевой; въ вѣрности и преданности ихъ нельзя было сомнѣваться. — Всѣ трое имѣли полномочіе, обширнѣе Кадудаля и Пишгрю, но скрывали его до времени—чтобы придать больше важности предпріятію; потому, что хотя Кадудаль и Пишгрю, были храбрые воины, даже герои—но все таки разночинцы и дворяне неохотно повиновались бы имъ; а начальника съ именемъ Ривьера или Полиньяка приняли бы съ восхищеніемъ.

Маркизъ Ривьеръ умный, храбрый, скромный, благородный и набожный, шелъ на опасность съ удивительнымъ хладнокровіемъ; служить Королю, посвятить ему жизнь, страдать за его дѣло почиталъ онъ своимъ долгомъ; ему было лѣтъ подъ сорокъ и съ пылкостію юности онъ соединялъ разсудительность зрѣлаго возраста; онъ родился въ 1755 и во время эмиграціи явилъ столько доказательствъ преданности Королевской фамиліи, что она твердо надѣялась на него. Въ особенности былъ онъ привязанъ къ Графу д'Артоа.

Арманъ и Юлій Полиньяки, сыновья бывшаго Шталмейстера и Генералъ-Почтъ-Директора и герцогини Полиньякъ, воспитательницы Королевскихъ дѣтей, были еще очень молоды; но считались почти начальниками своего пред-

прiятiя. Старшiй, сдѣлавшiйся по смерти отца Герцогомъ,—тогда просто назывался Арманомъ Полиньякомъ; — онъ родился въ 1771 и тогда ему было 33 года; во время эмиграцiи 19-ти лѣтъ отроду женился онъ на богатой благородной и прекрасной Голландкѣ, дочери Барона Нивгейма; храбрый но неспособный, онъ отличался храбростiю, но не талантами; и когда армiя Принца Конде была распущена, онъ какъ милости просилъ позволенiя участвовать въ заговорѣ, гдѣ надѣялся прiобрѣсти себѣ славу; такъ ограниченъ былъ умъ его.

Но онъ былъ еще орелъ въ сравненiи съ братомъ своимъ, Юлiемъ, родившимся въ 1780. Трудно было найдти голову пустѣе и умъ ограниченнѣе его; Графъ Юлiй Полиньякъ думаетъ, что онъ и Богъ знаетъ что; ограниченность его была тѣмъ вреднѣе, что онъ не хотѣлъ понимать ничего, что ему толковали; — самонадѣянность его была безгранична. Карлъ X былъ привязанъ какъ къ сыну, къ своему вѣрному Юлiю Полиньяку, которому принадлежатъ всѣ ошибки послѣдняго царствованiя.

Въ 1804 году 24 лѣтнiй, Юлiй Полиньякъ, преданный, пылкiй, восторженный привлекалъ на себя вниманiе благороднымъ обхожденiемъ,

любезностію и необыкновенныхъ сходствомъ съ Графомъ д'Артоа; физическія достоинства его обѣщали много—но разсмотрѣвъ его хорошенько, всѣ съ удивленіемъ находили свинецъ тамъ, гдѣ думали найдти огонь и золото.

Карлъ Д'Озье, Дессоль, Пико, Лажоле, Буве де Лозье, Бужоа, Костеръ Сенъ Викторъ, Жойе, Руссильонъ, Рошель, Дюкоръ, Бюрбанъ, Демерсье, Гальяръ, Девиль, Леланъ, другой Кадудаль, Герве, Кушри, Дави и другіе присоединились къ начальникамъ заговора.

Пишгрю, убѣжавъ изъ Синнамари, прибылъ въ Англію, потомъ отправился въ Швейцарію и послѣ компаніи 1799 года возвратился въ Лондонъ, гдѣ предлагалъ свои услуги противъ перваго Консула. Кадудаль хлопоталъ объ томъ же, и въ концѣ Августа 1803 пробрался въ западные департаменты и вышелъ на берегъ Нормандіи между Дьеппомъ и Трепоромъ, имѣя съ собою восемь человѣкъ товарищей. Карлъ д'Озье, умный и рѣшительный человѣкъ, встрѣтилъ Кадудаля и провелъ его въ Парижъ, гдѣ сначала помѣстилъ его на квартиру на перекресткѣ улицъ du Bac et des Varennes, у какого то виноторговца — а послѣ на набережной Шальо подъ N 6.

Вскорѣ за тѣмъ прибылъ Костеръ-Сен-Вик-

торъ, душа энергическая, непреклонная, неподкупная. Онъ уже подвергалъ опасности жизнь свою въ предпріятіи адской машины, гдѣ былъ раненъ. Ничто не могло удержать его Избѣжавъ одной опасности, онъ стремился на другую, не слушая голоса разсудка.

Наконецъ 16 Генваря 1804 года, Пишгрю рѣшившійся побѣдить или умереть, вступилъ во Францію въ сопровожденіи своего бывшаго адъютанта Лажоллè и Маіора Русильона. — Жоржъ отправился ему на встрѣчу, чтобы безопаснѣе провести его въ Парижъ.

Въ это время Костеръ Сен-Викторъ, молодой и прекрасной человѣкъ, нашелъ убѣжище у своей невѣстки, извѣстной мамзель Валлеръ-Костеръ; тамъ скрываясь въ отдаленной комнаткѣ, онъ впалъ въ жестокую горячку, которая приблизила его къ могилѣ; невѣстка его, занятая своими картинами, безпрестанно давала уроки рисованія, рѣдко бывала дома, и потому не могла ухаживать за своимъ больнымъ шуриномъ. У нея жила также молодая дѣвушка, глухонѣмая, — но красавица, которую она вначалѣ избавила отъ ужасной бѣдности.

Молодая Евлалія была дочь одного чиновника, исключеннаго изъ службы, которой съ ра-

достію уступилъ дочь свою мамзель Валлеръ-Костеръ. Съ 18 Брюмера, положеніе этого человѣка, котораго звали Доберомъ, нѣсколько улучшилось; онъ счастливо игралъ, жена его чистила кружева, сынъ былъ помощникомъ у какого то архитектора, и Евлалія училась у мамзель Валлеръ-Костеръ рисовать и дѣлала необыкновенные успѣхи.

Мадамъ Костеръ, надѣясь, что ея воспитанница умѣетъ сохранить тайну, разсказала ей по знакамъ, что одинъ изъ ея родственниковъ убилъ на дуелѣ сына одного знатнаго человѣка; что онъ, страшась преслѣдованій, скрывается у нея, боленъ горячкою и имѣетъ нужду въ попеченіи.

Евлалія, желая доказать свою признательность, вызывается служить прекрасному больному; заботится объ немъ и наконецъ влюбляется; она была прекрасна, сказалъ я; Сен-Костеръ обожаетъ ее и наконецъ стараніями прелестной глухонѣмой возвращается къ жизни и выздоравливаетъ.

Но любовь въ сердцѣ бѣдной дѣвушки была вовсе не такъ спокойна, какъ въ сердцѣ ея любовника; она любила его пламенно, ревновала даже къ своей тѣни, и не могла быть

спокойна, когда Костеръ разговаривалъ съ своей невѣсткой; онъ былъ Французъ во всемъ смыслѣ этаго слова и потому, обожая Евлалію, поглядывалъ и на стороны.

Онъ жилъ въ небольшой комнаткѣ на самомъ верху; въ домѣ напротивъ, — на одинакомъ возвышеніи, въ окнѣ, онъ примѣтилъ хорошенькую дѣвушку, черноволосую, живую, которая на его неравнодушные взоры отвѣчала такъ же неравнодушно.—Она сдѣлалась соперницей Евлаліи, и бѣдная нѣмая, къ своему несчастію, угадала это съ перваго разу.

Въ то время какъ эта двойная интрига завязывалась въ домѣ мадамъ Костеръ, Пишгрю успѣлъ войти въ сношенія съ Моро. — Однажды вечеромъ, когда всѣ домашніе уѣхали въ гости, лакей доложилъ Генералу, что пришелъ какой то должникъ и хочетъ поговорить съ нимъ, чтобы условиться объ уплатѣ долга. Моро, удивленный честностію неизвѣстнаго должника, велитъ впустить его — и спустя пять минутъ передъ нимъ является Пишгрю; удивленіе, страхъ, опасность, все это сильно встревожило Моро, который трепещущимъ голосомъ спросилъ у товарища своей славы:

— Чего ты хочешь?

— Поздравить тебя съ тѣмъ, отвѣчалъ Пишгрю, что ты покорился Бонапарте; говорятъ, онъ хочетъ сдѣлаться Императоромъ; въ такомъ случаѣ ты вѣрно будешь великимъ канцлеромъ или шталмейстеромъ?

Моро закусилъ губы.

— А ты для чего пріѣхалъ? спросилъ онъ; попросить у него прощенія?

— Нѣтъ! вскричалъ Пишгрю; я пріѣхалъ что бы убить его!.... что бы трупъ его послужилъ Людовику XVIII ступенью къ трону.

— Хвастовство всторону, Пишгрю! — Зачѣмъ ты здѣсь?

— Затѣмъ, чтобы пробудить тебя изъ твоего усыпленія; напомнить тебѣ, что ты Генералъ Моро, единственный человѣкъ, которому я уступлю не краснѣя, — потому что умѣю цѣнить тебя. — Не стыдно ли, что ты покорился этому сумасшедшему, который побѣждаетъ только числомъ. — Если онъ сдѣлается Королемъ или Императоромъ, что ты тогда будешь? — лакей—или покрайней мѣрѣ служитель! — если республика не можетъ существовать, то лучше покориться своему Королю.

А! — сказалъ Моро — не нужно Бурбоновъ.

— Ты могъ бы сказать это, отвѣчалъ Пишгрю, еслибы былъ въ состояніи избѣжать владычества Бонапарте. Неужели въ тебѣ такъ мало самолюбія, что ты лучше желаешь повиноваться низшему себя, — нежели Королю.

Разговоръ начатый въ этомъ тонѣ продолжался: Пишгрю предлагалъ Моро отъ имени Людовика XVIII званіе коннетабля, 400000 франковъ доходу — милліонъ наличными деньгами, и 2000000 на сроки, титулъ Герцога Пера, съ прозваніемъ по имени знаменитѣйшей его побѣды, орденъ Св. Духа, мѣсто при Дворѣ для жены его, и мѣста для 28 пріятелей или родственниковъ. — Пишгрю довольствовался мѣстомъ вицеконнетабля — съ тѣмъ что имъ обоимъ воздвигнутъ статуи въ мѣстѣ ихъ рожденія.

Моро поколебался; тогда Пишгрю напалъ на жену его; она, ослѣпленная обѣщанными почестями, мѣстомъ при Дворѣ, табуретомъ Герцогини, статуями и прочимъ—сдѣлалась жаркою роялисткою; и даже, если вѣрить рапортамъ полиціи, — хотѣла сдѣлать балъ и пригласить всѣхъ Бонапарте съ тѣмъ, чтобы схватить ихъ и увезти въ Англію; они никому не говорили, что хотятъ убить перваго консула.

Пишгрю видѣлся нѣсколько разъ съ Моро и съ Жоржемъ — и все дѣло оставалось пока при совѣщаніяхъ. — По мнѣнію Моро нельзя было тотчасъ возвратить Бурбоновъ; онъ хотѣлъ, чтобы учредили временное правленіе подъ начальствомъ его, Пишгрю, Боасси д'Англа, или Аббата Монтескью Фезанзака, или Казалеса, съ тѣмъ чтобы приготовить націю къ возвращенію Бурбоновъ.

Кадудаль думалъ, что Моро, измѣняя Бонапарте, обманетъ и роялистовъ и получивъ однажды власть, не выпуститъ ее изъ рукъ; онъ хотѣлъ вызвать его на дуэль и убить.

Между тѣмъ Бонапарте, приготовивъ все для своего вступленія на престолъ, по очередно совѣтовался со всѣми, которые могли быть ему полезными. — Въ другомъ мѣстѣ разскажу я какимъ образомъ онъ взялся въ этомъ случаѣ за меня — а теперь разскажу объ ужасной катастрофѣ, рѣшившей смерть Герцога Энгіенскаго.

Фуше, котораго Бонапарте также пригласилъ на совѣтъ, находился въ то время будто въ немилости.—Онъ до того важничалъ, что наконецъ сдѣлался подозрительнымъ и однажды утромъ получилъ приказаніе передать свой портфейль Министру Юстиціи, Ренье.

Съ этой минуты Фуше сдѣлался непримиримымъ врагомъ Бонапарте и поклялся погубить его.—Въ это самое время Наполеонъ, сдѣлавшій Фуше Сенаторомъ, изложилъ ему свой планъ имперіи и потребовалъ его мнѣнія. Фуше не отвѣчалъ почти ничего, вралъ вздоръ и наконецъ попросилъ недѣлю для размышленія. — Прошла недѣля и Наполеонъ получилъ отъ Сенатора Фуше записку, которой я предлагаю копію.—Оригиналъ ея нашли въ 1814 году въ потайномъ шкафѣ Императорской спальни въ Сен-Клу; я получилъ его отъ Аббата Монтескью, потомъ возвратилъ ему — и онъ во время Ста-Дней затерялся.

»Я думаю, что Франція не можетъ существовать подъ республиканскимъ правленіемъ; это не въ духѣ народа; народъ, граждане, армія— хотятъ служить человѣку— а не идеѣ.—Короля понимаютъ, потому что видятъ его;— республика—слово—отвлеченность—и потому кажется не существующею.—»

«Напротивъ того Король— знаютъ, гдѣ онъ живетъ, гдѣ спитъ, гдѣ дѣлаетъ дѣла; любятъ видѣть его проходящимъ по улицѣ и принять его благосклонный поклонъ; придворной обѣдъ, придворный спектакль такія удовольствія, которыхъ никогда не замѣнятъ республиканскія формы.—»

«И такъ Франціи необходимъ Король.—«Гдѣ найдти его? Бурбоновъ она не хочетъ—и потому Бурбоновъ должно навсегда отдалить отъ престола. — Какого же Короля должна имѣть Франція; и захочетъ ли она на это мѣсто кого нибудь, кромѣ своего перваго Консула. Конечно нѣтъ.—»

«И такъ пусть первый Консулъ будетъ Королемъ, Императоромъ, Кесаремъ Франціи, что за дѣло до титула? — Первый Консулъ непремѣнно достигнетъ верховной власти, но удержитъ ли ее? Разсмотримъ препятствія.

«Во Франціи существуютъ двѣ партіи: роялисты и Якобинцы; первые раздѣляются на Бурбонистовъ и орлеанистовъ;— другіе на демагоговъ и умѣренныхъ;—толпа покорится скоро, потому, что желаетъ мира; но начальники партіи долго будутъ колебаться;— съ обѣихъ сторонъ будетъ существовать недовѣрчивость.

«Республиканцы, присоединяясь къ Бонапарте, будутъ бояться, чтобы онъ не захотѣлъ разыграть роли Монка и не покорился Людовику. — Въ такомъ случаѣ ихъ ожидаетъ наказаніе троякое: за возмущеніе, за упорство въ ономъ — и за то, что они лучше покорились похитителю престола, нежели законному Королю.

«Большая часть роялистовъ привержены къ образу правленія, а не къ Бурбонамъ — и самые Бурбонисты, какъ слабѣйшая партія, охотно покорятся новому владѣтелю, если будутъ увѣрены, что онъ ихъ не покинетъ.

«И такъ если первый Консулъ хочетъ привлечь на свою сторону начальниковъ партій, которые для него необходимы, то онъ долженъ дать имъ *залогъ* своей вѣрности; — но такой залогъ — что перейдя разъ за Рубиконъ, нельзя было бы воротиться назадъ;—онъ, какъ новый Фернандъ Кортецъ, долженъ сжечь корабли, чтобы сдѣлать новозможнымъ отступленіе.»

«Какой же этотъ залогъ?.... Вотъ онъ:

«Въ двухъ шагахъ за границей пребываетъ одинъ Бурбонъ-Конде, одинъ изъ этой знаменитой фимиліи, могущій имѣть потомство. Герцогъ Энгіенскій непримиримый врагъ перваго Консула, потому что партія, соединившая въ себѣ всѣ различныя мнѣнія, предлагала ему корону. — Онъ имѣетъ множество друзей и партизановъ; Дюмурье, Моро, Пишгрю преданы ему—и имѣли уже нѣсколько совѣщаній въ его пользу; съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ полицію, Герцогъ Энгіенскій пріѣзжалъ

два разъ въ Парижъ;— онъ часто бываетъ въ Страсбургѣ и употребляетъ всѣ средства погубить перваго Консула.

«Если бы этотъ опасный врагъ былъ схваченъ во Франціи, арестованъ, судимъ по законамъ и приговоренъ,—что очень возможно,— кровь его сдѣлалась бы залогомъ невозвратнаго разрыва между первымъ Консуломъ и Бурбонами; республиканцы не боялись бы его сближенія съ Королемъ; роялисты, увѣренные въ невозможности этого сближенія, также бы покорились.—Тогда новый тронъ утвержденъ на прочномъ основаніи.—Подумайте объ этомъ— и дайте намъ залогъ, безъ котораго вы не уничтожите недовѣрчивости.— *Однимъ словомъ, кровь лучшіи цементъ.*»

Этой опасной и злодѣйской апофоегмой окончилъ Фуше свою записку. Наполеонъ долго размышлялъ— и говоря разъ съ Камбасересомъ, сказалъ: Фуше совершенный человѣкъ.— Первой Консулъ не избѣжалъ сѣтей.—

ГЛАВА VI.

Продолженіе Заговора.— Приключеніе Пико и Буржоа.— Керрель.— Онъ взятъ подъ стражу.— Его мистифируютъ.— Онъ признается.— Продолженіе исторіи глухонѣмой.— Арестуютъ Моро.— Подробности взятія подъ стражу Пишгрю, Жоржа Кадудаля — и другихъ заговорщиковъ.— Мадамъ Поластронъ. Ея честолюбіе.— Тайное совѣщаніе о дѣлѣ Герцога Энгьенскаго.— Подробности этого дѣла.—

Моро колебался—а Пишгрю, какъ прежде 18 фруктидора, дѣйствовалъ однѣми словами. Одинъ Жоржъ Кадудаль, съ своими безстрашными Вандейцами, приготовлялся къ нападенію; онъ выписалъ изъ Англіи и роздалъ своимъ солдатамъ мундиры совершенно одинакіе съ мундирами Консульской Гвардіи;— съ ними хотѣлъ онъ окружить перваго Консула, убить его защитниковъ и привезти Бонапарте живаго, или мертваго въ Нормандію,— а оттуда въ Англію.

Между тѣмъ время проходило— а съ нимъ исчезала и надежда на успѣхъ.—Еще въ Ок-

тябрѣ Пико и Буржоа, изъ свиты Жоржа, были арестованы въ Понъ-Одмерѣ и отданы подъ судъ. Оба они были люди съ сердцами желѣзными, и приговореные военнымъ судомъ къ смерти, отправились на казнь, не измѣнивъ своей тайнѣ.—Вскорѣ заговоръ открылася съ двухъ сторонъ.

Жоржъ привезъ съ собою одного Вандейца по имени Керелля, человѣка восторженнаго, но съ нетвердыкъ характеромъ.— Прощенный въ 1800 году, онъ вдругъ исчезъ,— пропадалъ Богъ знаетъ гдѣ,— и потомъ вдругъ опять явился на родинѣ. Это возбудило подозрѣніе начальства; спросили перваго Консула, что дѣлать съ этимъ человѣкомъ—и первый Консулъ велѣлъ оправить его въ Тампль, гдѣ сыграли съ нимъ забавную мистификацію.

Нарядили будто бы военный судъ—и этотъ судъ приговорилъ его къ смерти. — Комедія продолжается; ему назначаютъ время казни, прислали духовника; Керелль все еще храбрится и неговоритъ ни слова; наконецъ являются палачи вести его на эшафотъ, что называется faire la derniere toilette.

Всѣ моральныя силы оставили Керелля при этомъ видѣ; онъ разсудилъ, что жизнь его до-

роже для него и нежели жизнь его товарищей, потребовалъ, чтобы его допустили къ Министру Полиціи Реалю, какъ его надоумили.— Приведенный къ Реалю, онъ поколебался, сбился въ показаніяхъ—и наконецъ объявилъ единственную часть тайны, которую зналъ т: е: что Жоржъ Кадудаль, возвратившійся съ нимъ вмѣстѣ изъ Англіи, находится теперь въ Парижѣ.

Въ это самое время получены были и другія донесенія—и здѣсь кстати упомянуть снова о хорошенькой глухо — нѣмой, Евлаліи Доберъ.

Невѣрный Карлъ Костеръ, думая что недостатокъ его любовницы, сдѣлалъ ее недальновидною, не боялся ея присутствія, и подавалъ при ней знаки своей сосѣдкѣ, хорошенькой гризеткѣ. — Евлалія видѣла это и сокрушалась. —Она часто посѣщала своихъ родителей. Отецъ видя ее блѣдною, худою, задумчивою, хитро вывѣдалъ отъ нея тайну.

Добродушная и откровенная нѣмая, исполненная довѣрія къ отцу, призналась во всемъ; что она любила молодаго человѣка, сначала здороваго, потому что она увидѣла его еще при первомъ приходѣ, — потомъ что онъ сдѣ-

лался боленъ;— потомъ опять выздоровѣлъ — но никогда не выходилъ со двора днемъ, потому что убилъ своего противника на дуэлѣ; что ночью посѣщали его пріятели также съ величайшими предосторожностями.

Положеніе отца Евлаліи улучшилось съ того времени, какъ онъ вступилъ въ службу въ полицію; онъ сообразилъ признаніе своей дочери, съ слухами носившимися про заговоръ,— началъ подстерегать посѣтителей Костера и однажды примѣтилъ въ числѣ ихъ Пишгрю, котораго знавалъ прежде; но такъ какъ онъ видѣлъ его только разъ, то и не могъ ничего сказать утвердительно.

Здѣсь должно упомянуть о томъ, что одинъ шпіонъ изъ Нѣмцевъ, которому было поручено подсматривать за Герцогомъ Энгіенскимъ, объявилъ однажды что къ Принцу пріѣзжалъ Генералъ Тюмери;—слышавшіе это показаніе подумали, что Нѣмецъ по своему выговору ломаетъ имя *Генерала Дюмурье* и увѣдомили о томъ перваго Консула, который увѣрился, что Герцогъ въ заговорѣ противъ него. — Вскорѣ получили еще извѣстіе, что въ Парижѣ нѣсколько разъ въ собраніи заговорщиковъ показывался человѣкъ, которому всѣ оказывали глубокое уваженіе и въ присутствіи котораго

никто не садился. О! на этотъ разъ — сказалъ Наполеонъ, это самъ Герцогъ Энгіенскій.

Наконецъ вспомнила и о Моро; узнали, что онъ видѣлся и уговаривался съ Пишгрю, о которомъ упоминалъ уже Доберъ; первый Консулъ велѣлъ отъискивать его — но сначала всѣ поиски были тщетны.

Перваго арестовали Моро; Наполеонъ опасался этого Генерала; будучи увѣренъ, что лучшее средство избавиться отъ него—изобличить въ глазахъ націи,—и надѣясь въ послѣдствіи отыскать его сообщниковъ, первый Консулъ велѣлъ взять его подъ стражу.

15 Февраля 1804 года, когда Моро возвращался въ Парижъ изъ помѣстья своего Гробоа, карету его окружили, кучеръ долженъ былъ остановиться, и начальникъ отряда, подъѣхавъ къ Генералу, объявилъ ему, что онъ арестуется именемъ закона.

—Арестовать! меня! вскричалъ Моро, меня!.. Но тутъ онъ замолчалъ и сѣлъ въ уголъ кареты;— его проводили въ Тампль, обыкновенную тюрьму государственныхъ преступниковъ.—Этотъ арестъ, на которой такъ много надѣялся Бонапарте, повредилъ ему само-

му. — Общее мнѣніе, не знаю почему, обратилось на сторону Моро — и хотя доказательства были явны, всѣ считали его невиннымъ.—

У Пишгрю былъ братъ въ монахахъ, бывшій пріоромъ Доминиканцевъ— а со времени революціи жившій въ Сен-Жакскомъ предмѣстіи.—Онъ не зналъ тайны; не смотря на это его взяли подъ стражу — и увѣрились, что братъ его точно въ Парижѣ.

Въ это время нѣкто Лебланъ, давнишній другъ Пишгрю, бывшій еще кажется его адъютантомъ, предложилъ ему квартиру у себя, увѣряя что онъ будетъ также *безопасенъ, какъ въ Лондонѣ.* Это собственныя его выраженія. — Пишгрю, не хотѣвшій оскорбить дружбы недовѣрчивостію, принялъ это предложеніе.—Только что Лебланъ увидѣлъ друга своего въ западнѣ, какъ побѣжалъ къ Реалю торговаться за Пишгрю; онъ просилъ 100,000 франковъ—Реаль давалъ меньше.

—Берегитесь! сказалъ Лебланъ— завтра можетъ онъ покинуть теперешнее убѣжище и тогда вы ужъ его не поймаете.

Это разсужденіе убѣдило Реаля; Леблану отсчитали 100000. 28 Февраля полицейскіе

пробрались въ домъ Леблана, на улицѣ Шабеннѐ;—полицейскій коммиссаръ, по имени Комменжъ, пробрался тихонько съ шестью человѣками до комнаты, гдѣ Пишгрю спалъ подъ защитою дружбы.—Выломали дверь и бросились на Генерала; пробужденный шумнымъ нападеніемъ, Пишгрю схватился за пистолеты, но они во время его сна были разряжены; онъ отчаянно боролся, но принужденъ былъ наконецъ уступить силѣ; его связали и отвели въ Тампль, откуда онъ не вышелъ уже, живой.

Вслѣдъ за нимъ арестовали Армана и Юлія Полиньяковъ, которые кажется воображали, что играютъ комедію и дѣлали все что могли, чтобы быть узнанными.

При взятіи подъ стражу Маркиза Ривьера нашли у него на груди медальонъ съ портретомъ Графа д'Артоа и съ надписью на оборотѣ: *Моему вѣрному адъютанту Ривьеру за опасныя путешествія, которыя онъ предпринималъ для моей службы.*

Прочіе Вандейцы были также захвачены; оставался одинъ Жоржъ Кадудаль—и онъ потерялъ жизнь и свободу чрезъ предательство

также какъ и Пишгрю. У него былъ другъ и повѣренный, по имени Леридапъ, человѣкъ повидимому честный, который и предалъ Жоржа полиціи. Кадудаль узнавши, что лакея его Пико, 8 Февраля взяли подъ стражу въ погребкѣ на улицѣ *du Bac* и опасаясь нескромности его, поспѣшилъ перемѣнить квартиру и переѣхалъ на улицу de la Montagne—Sainte-Genevieve; но рѣшившись перемѣнить и эту— онъ однажды въ 7 часовъ вечера сѣлъ съ Леридапомъ въ наемный кабріолетъ. Полиція, увѣдомленная о всѣхъ движеніяхъ, слѣдила его.

Только что онъ въѣзжалъ въ улицу Бюсси, два агента полиціи остановили его; одинъ схватилъ за узду лошадь, другой подошелъ къ кабріолету. Жоржъ выстрѣлилъ по нимъ изъ двухъ пистолетовъ, ближняго положилъ на мѣстѣ, другаго опасно ранилъ.

Какой то шляпникъ, нѣсколько мясниковъ и двое частныхъ людей по имени Коклюн и Ланглюмс бросились и схватили Жоржа и его товарища, котораго имени не нашли въ спискѣ заговорщиковъ; у Кадудаля взяли отъ 60 до 80000 франковъ банковыми билетеми, которые и отдали семействамъ полицейскихъ агентовъ.

Заговоръ разстроился и всѣ заговорщики были взяты подъ стражу; такимъ образомъ разстроилось это предпріятіе, худо обдуманное, худо исполненное и родившееся въ головѣ женщины, Маркизы Поластронъ, сестры Герцогини Полиньякъ и любимицы Графа д'Артоа. Честолюбивая мадамъ Поластронъ, видя уменьшеніе своего вліянія, хотѣла этимъ заговоромъ доказать свою силу—и сдѣлаться необходимою; она такъ усердно занялась имъ—что не поколебалась подвергнуть опасности своихъ племянниковъ.

Мадамъ де Поластронъ была такая же интригантка какъ и мадамъ Бальби, любимица Людовика XVIII. Про этихъ двухъ дамъ говорили, что слюни ихъ жгутся какъ купоросъ.

Теперь перейдемъ къ дѣлу несчастнаго Герцога Энгьенскаго.

Вкрадчивыя увѣренія Фуше, необходимость залога, какъ онъ писалъ,—убѣдили Наполеона совершить это дурное дѣло. Но все онъ не рѣшился дѣйствовать, не посовѣтовавшись съ людьми, которыхъ совѣтовъ онъ прежде слушался.

Дѣло это подверглось разсужденію въ тайномъ совѣщаніи (10 Марта 1804), на которое

были приглашены, Камбасересъ, Лебренъ, Министръ Юстиціи, Ренье, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и Сенаторъ Фуше.

При выходѣ изъ этого засѣданія мы всѣ удивлялись съ какимъ жаромъ защищалъ Наполеонъ свое мнѣніе; послѣ узналъ я, что за часъ передъ засѣданіемъ, Наполеонъ распрашивалъ одного шпіона, возвратившагося изъ Эттенгейма и этотъ негодяй, конечно проданный Фуше увѣрилъ, что Герцогъ Энгьенскій покушается на жизнь перваго Консула и находится въ перепискѣ съ Дрекомъ и Спенсеромъ Шмитомъ.

Засѣданіе началось донесеніемъ министра Юстиціи о заговорѣ Пишгрю. Онъ объяснилъ положеніе заговорщиковъ, арестованныхъ, или находящихся въ бѣгствѣ, украсилъ разсказъ свой драматическими подробностями взятія подъ стражу Жоржа Кадудаля, случившагося наканунѣ, и ясно давалъ узнать о существованіи обширнаго заговора, простирающагося даже внѣ Франціи; тутъ онъ остановился, какъ будто боясь завладѣть моей должностію, начавши говорить объ Иностранныхъ дѣлахъ.

Наступила моя очередь.— Увѣдомленный только наканунѣ и зная что первый Консулъ

требуетъ отъ меня донесенія, я началъ говорить о дѣйствіяхъ Англійскихъ агентовъ,— о каждомъ членѣ фамиліи Бурбоновъ; гдѣ они находятся, что дѣлаютъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы уменьшить гнѣвъ перваго Консула.— Конечно я долженъ былъ говорить и о Герцогѣ Энгьенскомъ— но говорилъ въ общихъ выраженіяхъ и не сказалъ ничего особеннаго, чтобы могло привлечь вниманіе перваго Консула на несчастнаго Принца.— Прибавилъ только, что конечно необходимо должно принять всѣ мѣры къ безопасности перваго Консула и спокойствію республики. Къ этому донесенію присоединилъ я подробности объ Англійскихъ агентахъ, о Дрекѣ, о Фошъ-Боррелѣ, содержавшемся тогда въ Тамплѣ и о двухъ нѣмецкихъ Баронессахъ, Рейхъ и Кинглинъ, которыя употребляли всѣ средства помочь Бурбонамъ.

Вдругъ къ общему удивленію совѣта, первый Консулъ, прервавъ меня, спросилъ не родственницы ли онѣ Баронессѣ Сталь; и когда я отвѣтилъ отрицательно, то онъ сказалъ: *это удивительно!* Я понялъ, что моя любезная пріятельница сдѣлала передъ тѣмъ какое нибудь безумство.

Выслушавъ оба донесенія, первый Консулъ сказалъ:

«Господа! я созвалъ васъ, какъ главнѣйшихъ людей въ республикѣ, чтобы увѣдомить васъ о происходящемъ и посовѣтоваться съ вами. Я имѣю вѣрныя свѣденія о преступныхъ заговорахъ противъ меня. Вы знаете, что заговорщики ожидали только прибытія какого нибудь члена фамиліи Бурбоновъ; вамъ сказали, что они ожидали Герцога Беррійскаго; это неправда.— Прямаго наслѣдника не подвергли бы опасностямъ этого предпріятія; ктому же Герцогъ Беррійскій не отличилъ себя никакими подвигами и потому можетъ только показаться, но не дѣйствовать.— Но недалеко отъ нашихъ границъ таится неустрашимый врагъ, который сражался съ нами, и теперь въ бездѣйствіи, въ которое привели его наши побѣды,—принялся за заговоры; это Герцогъ Энгьенскій, наслѣдникъ Конде. Онъ покушается на мою жизнь — и нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Парижъ съ намѣреніемъ убить меня; между нами борьба на смерть.— Я хочу спросить васъ, должно ли схватить его въ его убѣжищѣ и привезши въ Парижъ, отдать тотчасъ подъ судъ. — Я еще колеблюсь въ этомъ рѣшеніи и потому прошу вашего совѣта.»

Это заключеніе, котораго никто не пред-

видѣлъ, окаменило насъ всѣхъ, исключая Фуше; Камбасересъ, какъ онъ самъ сказалъ мнѣ послѣ, былъ полумертвъ; я также не былъ спокоенъ; дѣло становилось ужасно. Глубокое молчаніе послѣдовало за словами перваго Консула;—наконецъ онъ приказалъ говорить.

Фуше началъ исчислять всѣ доказательства участія герцога въ заговорѣ; можетъ быть онъ и выдумалъ ихъ.—Онъ показалъ Эттенгеймъ, какъ арсеналъ, въ которомъ изощрялось оружіе на жизнь перваго Консула; увеличилъ силу Герцога Энгьенскаго, показалъ его, какъ опаснаго и непримиримаго врага перваго Консула—и прибавилъ, что должно однимъ ударомъ уничтожить безпрестанно возникающіе заговоры. Впрочемъ, прибавилъ онъ, если Герцогъ окажется невиннымъ — то всегда есть время выпустить его.

Всѣ поняли къ чему клонилась рѣчь Фуше и угадали участь несчастнаго Герцога, если его привезутъ въ Парижъ— и потому всѣ старались отклонить эту ужасную катастрофу. — Вотъ что сказалъ я:

—Очень возможно, что герцогъ и не знаетъ заговоровъ, которые составляютъ его приближенные. Къ тому же онъ находится на ней-

тральной землѣ; захватить его значило бы нарушить права націй — и вооружить противъ себя Иностранныя Державы. Если правда, что Герцогъ Энгьенскій отваживается пріѣзжать во Францію—то лучше подождать, чтобы онъ снова предпринялъ эту поѣздку; тогда взятіе его будетъ имѣть видъ законной защиты и онъ можетъ быть судимъ. — Если онъ пріѣзжалъ прежде, то не замедлитъ пріѣхать опять; но нарушить нейтралитетъ, значило бы сдѣлать такое дѣло, котораго гибельныя слѣдствія неизчислимы.

Призываю въ свидѣтели Бога, предъ котораго скоро предстану, что говоря это, я хотѣлъ, замедлить исполненіе ужаснаго плана, а между тѣмъ увѣдомить несчастнаго Герцога, объ опасности близкаго сосѣдства съ Франціею.

Министръ Юстиціи взялъ нѣсколько моихъ словъ, нѣсколько словъ Фуше, связалъ ихъ вмѣстѣ и такимъ образомъ составилъ свою рѣчь. Онъ говорилъ о необходимости прекратить заговоры Герцога Энгьенскаго и совѣтовалъ дожидаться появленія его во Францію, — но не одобрялъ намѣренія захватить его на землѣ Маркграфа Баденскаго.

Третій Консулъ Лебренъ, не смотря на то,

что боялся Бонапарте какъ огня, поступилъ въ этомъ случаѣ благородно не смотря на свою нерѣшимость; онъ говорилъ, что ничто не можетъ оправдать нарушенія неутралитета, что виновность Герцога еще не доказана и что должно дожидаться прибытія его во Францію.

Рѣчь Лебрена несказанно обрадовала меня. Фуше закусилъ губы съ досады; не знаю почему надѣялся онъ на втораго Консула. — Какъ же удивился гнъ Сенаторъ, когда Камбасересъ съ жаромъ и силою началъ защищать Герцога Энгьенскаго; увѣрялъ, что онъ и не думалъ покушаться на жизнь перваго Консула;—и явно противился взятію подъ стражу — говоря, что какъ скоро его привезутъ въ Парижъ—то конечно за доказательствами дѣла не станетъ— и его хотятъ везти не на судъ—а на смерть.

Въ продолженіи этой рѣчи, Наполеонъ бросалъ ужасные взгляды на втораго Консула и когда онъ кончилъ, наговоривъ множество доказательствъ въ оправданіе своего мнѣнія—заключилъ рѣчь свою выразительнымъ: *Я такъ хочу!*

Все было кончено; должно было повиноваться. Фуше побѣдилъ, — мы разошлись въ смущеніи и опечаленные.

ГЛАВА VII.

Отвѣтъ Бонапарте Камбасересу. Я стараюсь спасти Герцога—Портретъ Графини Олимпіи дю К... Разговоръ нашъ.— Подробности убійства Герцога Энгьенскаго.—Я увѣдомляю обо всемъ Герцога Альбера. Неудачная попытка, Тайные агенты. Списокъ судей Герцога Энгьенскаго.—Разрывъ съ Европою.— Безопасный и дешевый героизмъ Юлія Полиньяка.—Смѣшная преданность,— Смерть Пишгрю и Кадудаля. Заговорщики прощены по ходатайству Жозефины.

По окончаніи совѣщанія, Камбасересъ отозвавъ въ сторону Наполеона, сказалъ, что вслѣдствіе разногласія ихъ мнѣнія, онъ подастъ въ отставку.

—А? вы разсердились! — сказалъ первый Консулъ, смѣясь; могъ ли я знать, что Герцогъ Энгьенскій такъ дорогъ для васъ.

Что касается до меня, то я не могу описать положенія, въ которомъ оставилъ Тюйльри. — Я видѣлъ гибель Герцога, и желалъ спасти его. Вдругъ пришла мнѣ на память Графиня

Олимпія Дю..... Эта умная и прекрасная дама соединяла въ себѣ всѣ противуположности; была хитра и откровенна,—спокойна и вѣтрена; я зналъ, что она находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ мадамъ Бонапарте и былъ увѣренъ, что стоитъ только намекнуть ей о судьбѣ Герцога Энгьенскаго, чтобы возбудить ея дѣятельность и усердіе.—До засѣданія мамзель Богарне, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ прелестной Королевы Голландской, говорила мнѣ, что Наполеонъ поссорился съ мадамъ Дю..... и что въ этой ссорѣ часто поминались имена заговорщиковъ.—Съ этого я началъ разговоръ, вошедши къ Графинѣ Олимпіи.

—Вы исполнили, сказалъ я ей, довольно трудную должность (то что она просила за заговорщиковъ).

—Какъ?— вы уже знаете?

—Знаю!— первый Консулъ ужасно сердитъ.... да и въ правѣ.... убійство, покушеніе на его жизнь....

— И вы этому вѣрите?— спросила она съ упрекомъ.

— Развѣ Кадудаль и Пишгрю не рѣшатся на все?

— А Полиньяки?— А де Ривьеръ?

Эти не способны ни на что—и потому всѣхъ опаснѣе; самолюбивая ничтожность, поражаетъ во всѣ стороны безъ ума.

— Однако они арестованы и ихъ не пощадятъ.

— Богъ знаетъ.— Надъ ними учрежденъ не военный судъ.

—Но думаете ли вы, что первый Консулъ удовольствуется этими людьми; что онъ не будетъ искать своихъ враговъ за границей?

Я притворился на минуту смущеннымъ; но графиня замѣтила это.

—О! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, руки у него не такъ длинны, чтобы достать до Англіи.

—Но онъ можетъ достать до Рейна.

—До Рейна? . . . незнаю.

—Да развѣ вы не понимаете меня? — Гдѣ теперь Герцогъ Энгьенскій. . .

—Въ Эттенгеймѣ, кажется.

—Тамъ ли онъ еще—или удалился?

—Незнаю.

—Незнаете?—Кому же знать какъ не вамъ?

—Я не имѣю дара всевѣдѣнія.

—Не думаете ли вы, что первый Консулъ не имѣетъ противъ него враждебныхъ намѣреній?

Здѣсь я сдѣлалъ движеніе, какъ будто не хотѣлъ отвѣчать . . . потомъ прибавилъ:

—Можетъ быть!

—Благодарю за откровенность; теперь спрошу васъ, можете ли вы немедленно, какъ можно скорѣе, отправить письмо мое къ родственницѣ Герцога, Княгинѣ Роганъ—Рошфоръ?

—Вы горячо принимаетесь за дѣло, сказалъ я;—взять на себя это порученіе?... это значило бы поступить очень неблагоразумно; — а что вы напишете въ этомъ письмѣ?

—Что Герцогъ погибъ, если онъ не выѣдетъ тотчасъ изъ Эттенгейма.

—Только то? . . И я долженъ служить посредникомъ въ этой перепискѣ?

—Если вы мнѣ откажете — и что нибудь случится,—кого вы тогда обвините?

—Васъ—сударыня, потому, что вздумали писать письмо свое слишкомъ поздно.

Я сказалъ это быстро—какъ будто живость разговора вырвала у меня невольно эту фразу; Мадамъ Дю.... полагала, что я въ отчаяніи отъ своей опрометчивости; однако это извѣстіе поразило ее какъ громомъ.—Я молчалъ, притворяясь раздосадованнымъ.

— И вы согласились? — спросила она наконецъ съ упрекомъ.

—Я ни на что не соглашался, отвѣчалъ я, должно было повиноваться первому Консулу. Всѣ мы тщетно старались перемѣнить его чувства; онъ непреклоненъ; къ тому же за нами стоитъ человѣкъ, котораго онъ слушается охотнѣе нежели насъ, потому что тотъ льститъ страстямъ.

Прибавивъ нѣсколько словъ, я умолялъ ее сохранить тайну — и былъ увѣренъ, что Мадамъ Д.... употребитъ всѣ силы къ спасенію несчастнаго Герцога; но я, самъ того не думая, сдѣлался пророкомъ: *было поздно.*

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ же самый день (10 Марта 1804) Наполеонъ отдалъ приказанія; онъ послалъ Генерала Орденера захватить Гер-

цога Энгьенскаго — а Генерала Коленкура въ погоню за Нѣмецкими Баронессами; эта случайность ихъ общаго отъѣзда возложила на Генерала Коленкура, вовсе безвиннаго, отвѣтственность, въ которой онъ оправдается развѣ въ долинѣ Іосафатовой.

Я читалъ столько разсказовъ о взятіи Герцога Энгьенскаго, о судѣ и убійствѣ его, что полагаю всѣ эти вещи совершенно извѣстными читателю и потому не скажу объ этомъ ни слова. Брошюрка Гюллена ясно показала участіе Савари въ этомъ преступленіи; — я не игралъ при этомъ никакой роли и узналъ тогда—когда все уже было кончено.

Видя, что намѣреніе Наполеона непоколебимо и желая еще спасти несчастнаго Принца, я отправился къ Князю Альбергу, который былъ тогда Баденскимъ посланникомъ и въ преданности котораго я былъ совершенно увѣренъ.—Онъ съ радостію взялся исполнить мое порученіе, и понимая всю важность тайны, рѣшился тотчасъ отправить одного изъ таинственныхъ курьеровъ, которыхъ каждый посланникъ тайно при себѣ держитъ.

Это бываютъ вѣрные и преданные люди, какаго бы то ни было званія; они живутъ въ

одномъ городѣ съ Посланникомъ, не видятъ его, небываютъ у него и ежеминутно готовы отправиться съ депешами, или словесными приказаніями.

У Князя Альберга эту должность занималъ молодой Французъ..... онъ былъ дезертеръ, осужденъ на смерть, но въ Парижѣ слѣды его затерялись и онъ могъ жить безопасно.— Онъ былъ хорошій музыкантъ и сочинялъ премилые романсы.—По приказанію Князя онъ немедленно отправился въ Эттенгеймъ, чтобы предувѣдомить Герцога Энгьенскаго о предстоящей опасности: оттуда долженъ былъ онъ проѣхать въ Мангеймъ и увѣдомить Принца Баденскаго о нарушеніи нейтралитета.

Но увы! было поздно; курьеръ выѣхалъ 19 Марта, а 20 Герцога Энгьенскаго привезли въ Парижъ, осудили на смерть и лишили жизни въ туже ночь.

Судьями его были:

Генералъ Гюлленъ, Президентъ.

Полковникъ Гиттонъ, Командиръ 1-го Кирасирскаго полка.

Полковникъ Базанкуръ, ком. 4-го линейнаго

Полковникъ Равье, команд. 18 линейнаго.

Полковникъ Барроа, команд. 24 линейнаго.

Полковникъ Раббъ, командиръ 2-го полка Парижской муниципальной Гвардіи.

Гражданинъ д'Отанкуръ, Маіоръ выборнагг жандармскаго полка.

Никакая сила не могла спасти несчастнаго Герцога; Наполеонъ хотѣлъ его смерти; на островѣ Св. Елены, въ своемъ завѣщаніи онъ говоритъ, что поступилъ бы точно также во всякую эпоху своей жизни.

Слѣдствіемъ этого дѣла былъ разрывъ Франціи почти со всей Европой.

Вскорѣ послѣ смерти Герцога Энгьенскаго Генералъ Пишгрю умертвилъ себя, или его умертвили,—этого я не знаю.

Судъ надъ остальными заговорщиками. продолжался. Придворѣ Людовика XVIII и Карла X я часто слышалъ, какъ превозносили до небесъ героизмъ и самоотверженіе Юлія Полиньяка, который просилъ, что бы его казнили вмѣсто брата, приговореннаго къ смертной казни. Безсмысленные газетчики превозносили этотъ примѣръ братской любви; въ сущности это глу-

ность и пошлость.—У какой изъ новѣйшихъ націй позволены такіе обмѣны?—какой законъ согласится на нихъ?—Это можно предложить только людоѣдамъ—да и тѣ не захотятъ скушать одного вмѣсто другаго; Г. Юлій Полиньякъ безопасно могъ предлагать свою голову вмѣсто братской, потому, что увѣренъ былъ—что его пожертвованія не примутъ. — Это героизмъ дешевый и безопасный.

Жоржъ и его товарищи Руве де Лозье, Руссильонъ, Рошель, Арманъ Полиньякъ, Ривьеръ, Карлъ д'Озье, Людовикъ д'Аки, Пико, Лажоллè, Костеръ Сен - Викторъ, Девиллъ, Арманъ Гальяръ, Жойо, Бюрбанъ, Лемерсье, Мериль, Рожè, были 10 Іюня приговорены къ смерти, но не пошли на казнь: Арманъ Полиньякъ Ривьеръ, Руве, Лозье, Лажоллè, Рошель, Гальяръ, Руссильонъ и Карлъ д'Озье получили помилованіе.

Мадамъ Монтесонъ избавила отъ казни не одну жертву: Жозефина братья и сестры перваго Консула съ жаромъ просили за осужденныхъ и первый Консулъ простилъ ихъ всѣхъ съ условіемъ, чтобы они сами подписали просьбу о прощеніи.—Непреклонный Жоржъ не захотѣлъ подвергнуться этому условію и и отправился на эшафотъ.

ГЛАВА VIII.

Глухонѣмая отцеубійца. Ужасная развязка любви Костеръ Сен-Виктора и Евлаліи.—Первые маршалы Имперіи. Александръ Бертье, Князь Валангенскій и Невшательскій, Іоахимъ Мюратъ, великій Герцогъ Клеве-Бергскій, Король Неаполитанскій и проч.—Жанно Монсей, Герцогъ Конельяно.—Графъ Журданъ. — Массена Герцогъ Риволи.—Ожеро, Герц. Кастиліоне.Бернадоттъ Князь Понте—Корво, Король Шведскій и проч. Сультъ гер. Далматскій, Брюнъ. Ланнъ, гер. Монтебелло. Мортье, гер. Тревизскій. Ней, Князь Эльхингинскій. Девс, герц. Ауерштедскій,—Бессьеръ, герц. Истрійскій. Лефьеръ, гер. Данцигскій. Графъ и Маркизъ Перильонъ, Сенаторъ, Перъ Франціи,—Графъ Серюрье.—Мармонъ гер. Рагузскій. — Жюно, гер. Абрантесъ.—Удино, гер. Реджіо. Сюше. Викторъ, гер. Беллунскій. Герцогъ Г. и прекрасная Гречанка.

Мадамъ Костеръ—Валлеръ, незнавшая любви своей воспитанницы, не могла скрыть отъ нея участи, ожидающей Костера Сен-Виктора. — Несчастная нѣмая побѣжала къ отцу и бросившись на колѣни объявила, что она уже жена своего любовника—и носитъ въ себѣ залогъ любви.

При этомъ признаніи Доберъ, бывшій самъ отчасти причиною несчастія Костера, почувст-

вовалъ глубокую горесть; но что онъ могъ сдѣлать? — ничего. — Съ своей стороны Сен-Викторъ, узнавъ участіе, которое отецъ Евлаліи въ его погибели, подумалъ что онъ былъ возбужденъ къ тому ревностію дочери. Онъ написалъ ей письмо, въ которомъ упрекалъ ее въ этомъ ужасномъ мщеніи, и объявлялъ, что отецъ ея причиною его погибели.

Этотъ ударъ былъ слишкомъ силенъ для сердца Евлаліи; душа ея пришла въ волненіе. Въ 6 часовъ утра пробралась они въ спальню своего отца, разбудила его и подала ему письмо Костера; и когда онъ прочиталъ его, — то поразила его въ грудь кинжаломъ и побѣжала докончить свою участь.

Сенъ Викторъ и товарищи его, не ожидая прощенія, прибыли уже на мѣсто казни. Вдругъ молодая дѣвушка рѣдкой красоты раздвинула толпу, и достигнувъ до осужденныхъ, бросилась на шею къ Сен-Виктору, жандармы увлекаютъ ее, вдругъ Костеръ, слѣдуя глазами, видитъ что она поднимаетъ окровавленный кинжалъ и поражаетъ себя въ сердце такъ ловко, что умерла прежде своего любовника. Костеръ, которому ничего не оставалось на землѣ, пролилъ слезу въ ея память—и вскорѣ умеръ, призывая Милосердіе Божіе. — Отецъ Евлаліи

нѣсколько дней находился между жизнію и смертію и умеръ — узнавъ прежде причину своей смерти.

Сдѣлавшись безсмѣннымъ Консуломъ, Наполеонъ облегчилъ себѣ путь къ Императорскому престолу, на которой вступилъ немного спустя; тогда онъ пожаловалъ Маршаловъ, которыхъ военная храбрость была главнымъ достоинствомъ.

Александръ Бертье былъ сынъ сторожа военнаго министерства; жена отца его служила горничною въ хорошихъ домахъ, и посредствомъ вліянія госпожъ своихъ доставила сыну своему воспитаніе и средства сдѣлать свой карьеръ.

Этому же покровительству обязанъ онъ тѣмъ, что его, хотя разночинца, приняли въ Соасонскій полкъ; при началѣ революціи онъ былъ подъ начальствомъ Лафайетта и командовалъ Версайльскою національною гвардіею; онъ сдѣлался неблагодаренъ противъ Королевской фамиліи, которой всѣмъ былъ обязанъ; счастіе необыкновенно послужило ему; великодушная дружба Бонапарте возвысила его сколько могла; онъ наградилъ его титлами, почестями, сдѣлалъ владѣтельнымъ Княземъ, обо-

гатилъ—и въ награду аа это Бертье съ неблагодарностію оставилъ Бонапарте.

Дурной Генералъ, онъ не имѣлъ ни ума ни прозорливости; въ частной жизни безпрестанно грызъ свои ногти, вздыхалъ при встрѣчѣ съ Мадамъ Висконти; главное достоинство его заключалось въ томъ, что онъ былъ неутомимый работникъ; Наполеонъ слишкомъ щедро наградилъ его за это очень обыкновенное качество.

Мюратъ, сынъ трактирщика, въ молодыхъ лѣтахъ прислуживалъ въ трактирѣ отца своего, потомъ перемѣнилъ поприще, сдѣлался Аббатомъ и вступилъ въ Тулузскую семинарію. Революція вызвала его на военное поприще; храбрый, неустрашимый какъ баснословный герой, отличный кавалерійскій Генералъ, онъ былъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. - Сдѣлавшись зятемъ Наполеона— онъ сдѣлался великимъ Герцогомъ Клеве-Бергскимъ, и потомъ Королемъ Неаполитанскимъ. Отягченный этой короною, онъ измѣнилъ своему благодѣтелю—и самая смерь не могла оправдать его; онъ сдѣлалъ невѣроятно много зла Наполеону. Впрочемъ Мюратъ былъ веселъ, довѣрчивъ, великодушенъ, любилъ искуство и превосходно разыгрывалъ роль Короля.

Жанно Моисей былъ также изъ разночинцевъ, сынъ Адвоката; онъ сдѣлался революціонеромъ, жаркимъ бонапартистомъ и наконецъ роялистомъ. Природные таланты, мужество соединенное съ благоразуміемъ, безкорыстіе прославили его и сдѣлали любимцемъ подчиненныхъ и начальниковъ.

Журданъ былъ сынъ цырюльника и самъ, прежде нежели взялся за саблю, управлялъ бритвою; онъ вступилъ въ службу простымъ солдатомъ; вскорѣ мужество и республиканизмъ возвысили его. Журданъ и впослѣдствіи остался при своихъ мысляхъ 1792 года; потому то и Наполеонъ пожаловалъ его только Графомъ. Онъ былъ искусный Генералъ, показывалъ безкорыстіе тамъ, гдѣ другіе грабили, вполнѣ сберегъ честь свою и заслужилъ уваженіе отъ всѣхъ своими добродѣтелями.

Массена былъ не Французъ, но Низскій уроженецъ; но онъ достоинъ, чтобы Франція признала его своимъ сыномъ, потому что оказалъ ей множество важныхъ услугъ; подвиги его невѣроятны; любимый сынъ побѣды, онъ украсилъ голову свою множествомъ лавровыхъ вѣнковъ; слава его будетъ жить — а объ немъ самомъ никто и не вспомнитъ; ни одинъ человѣкъ не былъ такъ ничтоженъ въ част-

ной жизни, а на полѣ битвы такъ великъ; онъ былъ ужасомъ непріятелей.

Ожеро родился 21 Октября 1757 года, въ приходѣ Saint Medard'а отъ лакея Петра Ожеро и Жаклины Годаръ; воспріемниками его были плотникъ Карлъ—Людовикъ—Гюйоме и Франциска Герарди; онъ служилъ солдатомъ въ Неаполѣ въ карабинерномъ полку; но въ 1789 году, узнавъ о Французской революціи,— такъ жарко защищалъ новыя правила, что его прогнали; онъ отправился въ Парижъ и съ перваго дня своего прибытія оказался отчаяннымъ Санкюлотомъ, что было причиною его скораго возвышенія, которому помогала его необыкновенная храбрость.— Ожеро человѣкъ безъ воспитанія, безъ свѣдѣній, образовался на полѣ битвы; геній его внушалъ ему тайны стратегіи, которыхъ онъ вовсе не зналъ теоретически; взяточникъ, грабитель безъ характера, безъ благородства души онъ пресмыкался передъ Наполеономъ—и насмѣхался надъ нимъ послѣ паденія.—Человѣкъ, который конечно не лучше его, Аббатъ Рокъ, описываетъ его слѣдующими словами, »онъ служилъ всѣмъ партіямъ и всегда былъ дурнымъ гражданиномъ, жестокъ съ непріятелями, гордъ и невѣжливъ съ своими согражданами; онъ былъ

не болѣе, какъ храбрый рубака.»—По вѣрнымъ свѣдѣніямъ я заключаю, что Ожеро велѣлъ отколотить палками *вышеозначеннаго* Аббата Рока, о которомъ я поговорю послѣ.

Бернадоттъ, родился въ По 26 Января 1768 отъ старинной дворянской фамиліи; отецъ его былъ адвокатомъ.—Молодой Бернадоттъ вступивъ въ службу началъ карьеръ свой блестящимъ поступкомъ; солдаты въ Марсели взбунтовались противъ Полковника и хотѣли убить его—Бернадоттъ съ саблею въ рукѣ бросился на мятежниковъ и спасъ своего начальника.—Онъ принялъ участіе въ революціи — но не запятналъ себя ни однимъ низкимъ поступкомъ, что въ тогдашнее время было нелегко сдѣлать.—Бернадоттъ, настоящій римскій герой, отличился военными дарованіями и подвигами, которые поставили его вмѣстѣ съ Массеною въ первый рядъ нашихъ полководцевъ; одного его боялся Наполеонъ при переворотѣ 18 Брюмера; въ послѣдствіи пожаловалъ онъ его маршаломъ и сдѣлалъ владѣтельнымъ Княземъ Понте — Корво, и не съ удовольствіемъ однако увидѣлъ восшествіе его на престолъ.

Сультъ вовсе небылъ сыномъ крестьянина, или угольника, какъ увѣряютъ нѣкоторые. Отецъ его былъ богатый нотаріусъ въ Сент-

Аманѣ.—Сультъ принадлежитъ также къ числу нашихъ отличнѣйшихъ полководцевъ. — Сраженіе при Тулузѣ принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ подвиговъ нашего времени; Сультъ, имѣя только 17000 человѣкъ, цѣлые сутки сражался съ 80000, весь другой день оставался на полѣ сраженія, и изъ человѣколюбія къ городу—отступилъ не будучи ничѣмъ принужденъ.

Брюнъ. — Отецъ его былъ Адвокатъ а дядя кавалерійскій Капитанъ и Кавалеръ Св. Людовика.—Брюнъ, желая также сдѣлаться Адвокатомъ, пріѣхалъ въ Парижъ и промотавъ всѣ свои деньги, сдѣлался факторомъ въ типографіи, гдѣ и напечаталъ первое свое сочиненіе въ стихахъ и прозѣ безъ имени автора: Voyage dant quelques parties de la France.— Впослѣдствіи купилъ свою типографію и въ 1789 издавалъ журналъ; — но вскорѣ желаніе увлекло его на военное поприще. — Онъ былъ слишкомъ друженъ съ Дантономъ и не могъ совершенно оправдаться въ участіи, которое онъ принималъ въ дѣлахъ Сентября 1792. — Вскорѣ онъ отличился въ сраженіяхъ подъ Гонделутомъ 13 Вандемьера подъ Риволи, Фельтромъ Беллукомъ и доказалъ свое мужество въ ущельяхъ Каринтіи. Впослѣдствіи онъ завоевалъ Швейцарію, Піемонтъ и Голландію.—Но

онъ слишкомъ любилъ деньги, слишкомъ былъ завистливъ и тѣмъ помрачилъ свою славу и впалъ въ немилость. Всѣмъ извѣстна его ужасная и незаслуженная смерть.

Ланнъ, прозванный *Французскимъ Ахилломъ,* былъ сынъ красильщика изъ Лектура.— Зависть не осмѣлилась очернить его прекрасную жизнь и Герцогъ Монтебело всегда будетъ для Французовъ вторымъ Бояромъ.

Мортье. Отецъ его жившій въ Като — Камбрезѣ былъ богатый земледѣлецъ; онъ не выигралъ ни одного сраженія — но въ каждомъ сраженіи отличился мужествомъ.—Замѣчательнѣйшее происшествіе его жизни есть покореніе Курфиршества Гановерскаго; впрочемъ онъ былъ отличный Генералъ, превосходно зналъ стратегію — и должно обвинять случай, — а не способности его въ томъ, что онъ не отличался болѣе.

Ней былъ сынъ бочара; родившись въ низкомъ состояніи, онъ возвысился своимъ мужествомъ. Военное поприще его состоитъ изъ непрерывной цѣпи побѣдъ;—онъ начерталъ имя свое на скрыжали всѣхъ битвъ; сколько былъ онъ храбръ столько и искусенъ; ужасный съ саблею въ рукѣ, онъ становился ребенкомъ въ частной жизни.

Даву происходилъ отъ дворянскаго рода; онъ безспорно стоитъ наровнѣ съ Массеною, Бернадоттомъ, Неемъ и Сультомъ; Даву былъ искусный Генералъ, тонкій дипломатъ, превосходный стратегикъ и начальникъ; онъ всегда занималъ первое мѣсто—и громкая слава его нѣсколько потемнѣна только излишнею строгостью и излишнею любовью къ червонцамъ;—что дѣлать? это эпидемія нашего времени.

Бессьеръ родился въ Кагорѣ отъ хорошей купеческой фамиліи — и подобно Ланну, пріобрѣлъ любовь всѣхъ окружающихъ; смерть постигла его на полѣ битвы и лавры украсили его могилу.

Лефевръ былъ сначала солдатомъ гвардіи, но вскорѣ возвысился своими подвигами; онъ отличился во время Италіянской компаніи въ 1796 и увѣнчалъ свои подвиги взятіемъ Данцига.—Лефевръ былъ честный, добрый, безкорыстный человѣкъ, и Французское войско посправедливости гордилось такимъ Генераломъ.

Периньонъ, родившійся отъ благородной фамиліи, прославился при самомъ началѣ революціи въ первыя Испанскія компаніи; впослѣдствіи онъ не имѣлъ случая доказать свои

способности, но не смотря на это былъ причисленъ къ числу храбрѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ;—въ Сенатѣ и въ Палатѣ Перовъ онъ доказалъ свой умъ и свое благородство и отечество всегда съ благодарностію вспомнитъ объ немъ.

Серюрье былъ сынъ Лаонскаго купца; до 1789 года былъ онъ уже оберъ-офицеромъ—и въ 1793 пожалованъ въ Полковники.—Подвиги и мужество, оказанные имъ во время Итальянской компаніи, быстро возвели его на степень дивизіоннаго Генерала; послѣдствія оправдали справедливость этого возвышенія — и Наполеонъ, вручивъ ему Маршальскій жезлъ, исполнилъ желаніе войска и націи.

Это были первые Маршалы. Мармонъ присоединеный къ нимъ впослѣдствіи, былъ очень знатный дворянинъ. Наполеонъ говорилъ съ отчаяніемъ: я знаю двухъ своихъ Генераловъ, которые никогда не будутъ богаты.—Это были Мармонъ и Жюно, оба настоящіе Аяксы, но отчаяннѣйшіе моты; они до такой степени ненавидѣли деньги, что проматывали ихъ до послѣдней копѣйки; а когда ихъ не было, то всячески старались добывать ихъ. — Мармонъ былъ несчастливъ въ теченіе всей своей жизни;—его обвиняли во всемъ, что было дѣломъ случая.

Маршалъ Удино, родившійся въ Барѣ-на-Сенѣ, былъ сынъ пивовара—и мастерски умѣлъ сварить себѣ славу.

Дюрокъ — сынъ лавочника, былъ образецъ благородства и дружбы; онъ отвратилъ бы катастрофу 1814 года, еслибы смертный могъ противостоять судьбѣ.

Сюше, гордый Герцогъ Альбуферскій, который изъ зависти помѣшалъ Сульту въ сраженіи подъ Тулузою, былъ сынъ торговца полотнами изъ Божолѐ.

Маршалъ Викторъ былъ сынъ сторожа, и конечно подвиги сына извѣстнѣе подвиговъ отца.

Но я никогда бы не кончилъ, еслибы вздумалъ разсказывать родословную всѣхъ храбрыхъ воиновъ; для разнообразія я разскажу лучше родословную нѣкоторыхъ знатныхъ придворныхъ дамъ.

Герцогъ Г.... былъ Министромъ; всѣмъ извѣстны его честность, безкорыстіе и преданность Императору. — Онъ былъ настоящій Фабрицій, — только богатый, философъ свѣтскій и умный человѣкъ. — Однажды ему докладываютъ, что пришла какая то мадамъ Г.... и называется его родственницею.

—Родственница!—вскричалъ Герцогъ!—еще родственница!—откуда онѣ берутся?... Карлъ!—сказалъ онъ своему камердинеру—поди и скажи гжѣ родственницѣ, что меня нѣтъ дома.

—Но, Ваше Сіятельство, она такъ прекрасна....

—Прекрасна?...

—Какъ ангелъ. — Всѣ просители смотрятъ на нее съ удивленіемъ—и я даже почти обѣщалъ ей, что Ваше Сіятельство приметъ.....

—А, негодяй.—ты осмѣливаешься располагать моимъ временемъ!... увѣряю тебя, что завтра ты будешь прогнанъ со двора и если я забуду это сдѣлать, ты долженъ мнѣ напомнить; однако проводи мою кузину въ кабинетъ, проси подождать — пока я избавлюсь отъ этихъ докучливыхъ просителей.

Карлъ отправляется исполнить свое порученіе, а Герцогъ спѣшитъ освободиться отъ просителей. Отпустивъ ихъ, Его Сіятельство бѣжитъ къ кабинету, отворяетъ двери и видитъ... Венеру, Минерву, Гебу, Юнону, Психею, Флору, Діану..... весь женскій Олимпъ соединился, чтобы подарить Герцога кузиной.

Министръ, внѣ себя отъ удивленія, смотритъ на красавицу и спрашиваетъ трепещущимъ

голосомъ, что ей угодно?—И она голосомъ Сирены начинаетъ ему разсказывать свои приключенія. Она Гречанка родомъ съ острова Пароса.— Одинъ Французъ Г..... влюбился въ нее, увезъ въ Смирну, женился на ней и потомъ привезъ во Францію.—Но прошелъ медовой мѣсяцъ—и мужъ ея оказался человѣкомъ развратнымъ, игрокомъ, мотомъ— и вовсе кинулъ жену свою. Въ этомъ ужасномъ положеніи, не имѣя никакихъ средствъ къ содержанію, она послушалась совѣтовъ друзей, и рѣшилась идти къ Герцогу Г..... который конечно не откажется помочь несчастной родственницѣ.

—Такъ вы очень нуждаетесь, сударыня?—

—До такой степени, Ваше Сіятельство, что должна была взять на прокатъ даже это платье, чтобы придти къ вамъ.

—Еслибы вашъ мужъ тотчасъ получилъ мѣсто, могли бы вы вручить ему его назначеніе?

—Могу, Ваше Сіятельство;—я знаю гдѣ онъ бываетъ.

—Очень хорошо, сударыня. Воротитесь домой и дожидайтесь.—»Онъ встаетъ, кузина его также, Герцогъ провожаетъ ее и прощается.

Мадамъ Г.... возвращается домой, скидаетъ чужое платье и начинаетъ свою бѣдную комнату, за недостаткомъ щетки, мести тряпкою, наверченною на палку. — Черезъ три часа у дверей раздается стукъ; она отворяетъ ихъ и видитъ Герцога, который не узнаетъ своей родственницы въ этомъ видѣ; но видя ея прелестные глазки, милое личико, гибкую талью и то, что ея 18 лѣтъ не улетѣли вмѣстѣ съ платьемъ, онъ входитъ, садится и говоритъ своей кузинѣ, что онъ досталъ мѣсто ея мужу въ...... съ условіемъ, что онъ въ тотъ же вечеръ долженъ ѣхать въ дилижансѣ къ мѣсту своего назначенія; что за проѣздъ заплачено, и что по пріѣздѣ на мѣсто кондукторъ вручитъ ему деньги на первое обзаведеніе.

—Что же касается до васъ, ma cousine, то вамъ неприлично оставаться на этой квартирѣ; одинъ изъ друзей моихъ уѣхалъ на годъ въ Германію и поручилъ мнѣ свой домъ. — Я пришлю вамъ сказать, какъ скоро онъ будетъ готовъ для васъ. Наконецъ, такъ какъ вы вѣроятно задолжали, и должны можетъ быть сдѣлать нѣсколько покупокъ—то вотъ нѣсколько билетъ, которые могутъ вамъ быть полезны.

Онъ вручаетъ своей кузинѣ 6 или 7000 франковъ банковыми билетами.—Мадамъ Г.—удив-

ленная, обрадованная, посылаетъ дворницу за своимъ мужемъ. — Мужъ съ благодарностію принимаетъ нечаянное счастіе и въ назначенный часъ катится въ дилижансѣ.— Министръ также уѣзжаетъ домой потому, что у него много дѣлъ.

Мадамъ Г — не теряя времени, призываетъ торговокъ, marchandes de modes— и одѣвается богато и со вкусомъ.—Въ 7 часовъ вечера, лакей въ парадной ливреѣ спрашиваетъ мадамъ Г.... она садится въ карету своего родственника и ѣдетъ.

Быстрые кони скоро примчали карету въ улицу *de la Paix*. — Въ бельэтажѣ находится новая квартира Мадамъ Г.... она великолѣпна, убрана со вкусомъ; всего довольно: серебра, бронзы, фарфора— и записка лежащая на каминѣ увѣдомляетъ прелестную нимфу, что весь этотъ домъ, мебель, экипажи — все принадлежатъ ей и что Его Сіятельство всегда будетъ ея покровителемъ. —Но Его Сіятельство этимъ не удовольствовался; доставили прекрасной Гречанкѣ разводную, онъ женился на ней и мадамъ Г.... теперь законнымъ образомъ носитъ это имя.

ГЛАВА IX.

Наполеонъ начинаетъ подозрѣвать меня.—Онъ отставляетъ меня отъ Министерства. — Онъ помѣщаетъ Испанскихъ Принцевъ въ мой замокъ Валансе.—Фуше происками лишаетъ меня мѣста Оберъ Каммергера.— Причины войны, которую я объявляю Бонапарте.— Эрнестъ.— Я сближаюсь съ Бурбонами.—Война 1812. Неудачи Наполеона. Послѣднее наше свиданіе въ Генварѣ 1814. — Тѣни первыхъ шести Бурбоновъ.—Тюйльрійскій флагъ. — Тюйльрійскій флагъ 1-го Января 1814.—Видѣніе Римскаго Короля.

Наполеонъ не могъ мнѣ простить того, что я сопротивлялся смерти Герцога Энгьенскаго и Испанскимъ дѣламъ; послѣднее это дѣло показалъ я въ настоящемъ видѣ—и признаюсь не могъ еще предвидѣть, до чего можетъ дойти мстительность Испанцевъ. — Съ этого времени онъ объявилъ мнѣ тайную войну; Бонапарте думалъ, что много для меня сдѣлалъ, давъ мнѣ Беневентское Княжество — перстень на пальцѣ, который нисколько не увеличивалъ мое общественное положеніе.

Вскорѣ послѣ этого подарка, онъ призвалъ меня однажды вечеромъ — и съ замѣшатель-

ствомъ объявилъ мнѣ, что онъ считаетъ неприличнымъ, чтобы я въ новомъ своемъ званіи оставался Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ; что это, такъ сказать, унижаетъ новое мое положеніе.

Я проглотилъ позолоченую пилюлю; несталъ ему доказывать, что Князь Валангенскій и Нефшательскій въ военное время продолжаетъ занимать мѣсто начальника арміи; но отвѣчалъ, что я самъ тѣхъ же мыслей и что будучи независимъ, тѣмъ не менѣе надѣюсь быть ему полезнымъ.—Я сдѣлался предметомъ ложныхъ подозрѣній и не могъ оправдаться.— Онъ уѣхалъ въ Байонну по Испанскому дѣлу и я вовсе не думалъ быть замѣшаннымъ въ этихъ политическихъ сплетняхъ; судите же о моемъ удивленіи, когда я получилъ слѣдующее письмо.

«Князь!—вы такъ были привязаны къ фамиліи бывшихъ Испанскихъ Принцевъ, что конечно поблагодарите ихъ за то, что они избрали мѣстомъ своего пребыванія вашъ замокъ Валансе. Поспѣшите приготовить его для принятія Инфантовъ дона Фердинанда, донъ Карлоса и дона Антоніо; позаботьтесь, чтобы имъ было весело, и чтобы они могли исполнять

обряды своей религіи; чтоже касается до ихъ безопасности, то я отвѣчаю....

Этотъ ударъ показася мнѣ жестокимъ; я повѣсилъ голову— сопротивляться было не возможно.— Но съ этой минуты и я вступилъ на поприще и далъ себѣ обѣщаніе отплатить непріятелю, который такъ легко забываетъ услуги. — Я отправился въ Валансе и прибылъ туда въ одно время съ Испанскими Принцами.

Только что въ Парижѣ узнали о моей опалѣ, только что мѣсто мое было отдано Г. де Шампаньи, Герцогу Кадорскому, Фуше или Герцогъ Огрантскій, почитавшій меня причиною перваго свое паденія, рѣшился отплатить мнѣ за свою обиду.

Происками его я потерялъ мѣсто Оберъ-Каммергера; однимъ словомъ Императоръ отставилъ меня, какъ человѣка, въ которомъ не имѣлъ болѣе нужды, не заботясь о томъ пріятно ли это мнѣ, или нѣтъ; при отказѣ отъ Министерства онъ соблюлъ покрайней мѣрѣ нѣкоторыя формы; но при этомъ случаѣ поступилъ со мною, какъ съ лакеемъ, котораго сгоняютъ безъ околичностей со двора. 30 Генваря 1809 года, камердинеръ мой, войдя въ

мою комнату, принесъ мнѣ листокъ *Монитера,* въ которомъ я прочиталъ:

«Такъ какъ мѣсто Оберъ-Каммергера сдѣлалось вакантнымъ еще со времени назначенія Князя Беневентскаго вице-великимъ избирателемъ, — то Его Величество назначилъ Оберъ-Каммергеромъ Г. де Монтескью, члена Законодательнаго Собранія.—»

Меня не столько тронула отставка, сколько форма ея; я не былъ великодушенъ и не могъ простить этого.

Я никогда не нападалъ—а только защищался; но когда со мною поступили неблагодарно — я дѣлаюсь независимъ и принимаю вызовъ. — Въ этомъ случаѣ Наполеонъ сдѣлалъ тѣмъ большую ошибку, что in-petto я непризнавалъ его законнымъ Государемъ Франціи,— а видѣлъ только счастливаго похитителя престола; узы благодарности, привязывавшія меня къ нему, были расторгнуты и я обратился къ своимъ законнымъ принцамъ.

Я зналъ одного молодаго человѣка лѣтъ 18,— который былъ очень бѣденъ и которому я помогалъ; онъ имѣлъ всѣ добродѣтели юношескаго возраста: вѣрилъ въ любовь, въ дружбу, считалъ благодарность долгомъ—и скорѣе рѣ-

шился бы умереть съ голоду, нежели измѣнить своему благодѣтелю. — Эти качества попадаются еще въ юношахъ; поприще жизни кажется имъ такъ безконечно, что они теряются и ничего не видятъ. Съ возрастомъ это поприще ограничивается, глазъ видитъ цѣль, сердце чувствуетъ не такъ пылко—и человѣкъ дѣлается эгоистомъ, думаетъ только о себѣ,— и не заботится о другихъ.

Если вамъ необходимо нуженъ повѣренный, выбирайте его изъ юношей, рѣдко изъ мужей, изъ стариковъ—никогда.

Мой герой, прекрасный Эрнестъ, исполненный благодарности, не зналъ что я владѣтельный Князь, вице-великій избиратель и проч. — Я внушилъ ему, что онъ долженъ скрыться отъ конскрипціи, что мои *денежныя обстоятельства* не позволяютъ внести за него выкупъ,—и что онъ долженъ ѣхать въ Англію. — Я далъ ему открытыя рекомендательныя письма ко всѣмъ Министрамъ Великобританскаго кабинета и нѣсколько запечатанныхъ писемъ, которыя онъ поклялся мнѣ доставить по адресу.—Такимъ образомъ я отправилъ письма къ Людовику XVIII и къ Англійскому министерству; я не открывалъ ничего могущаго принести вредъ Франціи — но

увѣдомлялъ только, что я свободенъ и предлагаю имъ мои совѣты и услуги съ тою цѣлію, чтобы возвратить законную династію на престолъ Франціи.

Это предложеніе восхитило ихъ всѣхъ. — Въ это самое время начиналась Австрійская война и я предвидѣлъ, что она кончится несчастливо; Французы подъ предводительствомъ Наполеона во второй разъ взяли Вѣну и Ваграмская побѣда принудила Австрію заключить миръ.

Умные люди замѣтили во время этой кампаніи какую то усталость между Маршалами и Генералами.— Смерть Маршала Ланна и другихъ храбрыхъ воиновъ произвела въ товарищахъ ихъ уныніе; осыпанные богатствомъ, почестями, титлами, они желали въ мирной жизни пользоваться своими преимуществами; ихъ нерадѣніе, ихъ досада были видимы и они скучали, командуя молодыми солдатами.

Тогда я сказалъ: республика была не побѣдима потому только, что вела войны національныя; оборотите медаль;— заставьте непріятелей Наполеона вести войну національную и онъ будетъ побѣжденъ.

Это мнѣніе подкрѣпленное разсужденіями и доказательствами, получило всеобщее одобреніе.— Между тѣмъ Наполеонъ замыслилъ походъ въ Россію; Австрія была его союзницей вслѣдствіе не политическаго брака Маріи-Луизы; онъ принялъ присягу отъ Рейнскаго союза, отъ Даніи, Швеціи, Неаполя, гдѣ царствовалъ зять его, Мюратъ,— и съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ Россію.

Всѣмъ извѣстны слѣдствія этого похода.— ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ далъ слово не положить оружія до тѣхъ поръ, пока ни единаго врага не останется въ его царствѣ— и сдержалъ свое слово. Пораженіе при переправѣ черезъ Березину, подъ Лейпцигомъ, смерть Маршала Бессьера и Дюрока; постепенное отпаденіе Пруссіи, Австріи, Швеціи, всей Германіи и даже Мюрата, рѣшили паденіе Наполеона.

Вскорѣ союзники вступили во Францію; очарованіе изчезло; всѣ увидѣли, что и Наполеона можно побѣдить;—и я съ новымъ рвеніемъ обрекъ себя на службу Бурбонамъ.

Несмотря на чрезмѣрную осторожность, я все боялся, чтобы не дать промаха и потому рѣдко посѣщалъ Тюильри, за то часто бывалъ

въ Мальмезонѣ; Жозефина принимала меня съ всегдашнею своею любезностію. — Однажды 20 Генваря 1814 я получилъ отъ нея приглашеніе на обѣдъ и на вистъ,—и не замедлилъ явиться. — За обѣдомъ Жозефина, сидѣвшая подлѣ меня, сказала мнѣ потихоньку,— чтобы въ девять часовъ я вышелъ изъ залы и пробрался въ кабинетъ Наполеона. Тутъ понялъ я на какой вистъ меня приглашали; я догадался, кто будетъ моимъ партнеромъ и далъ себѣ обѣщаніе не сдѣлать шлемъ.

Въ девять часовъ прошелъ я въ кабинетъ и едва пробылъ въ немъ минуты двѣ, какъ явился Императоръ; онъ былъ задумчивъ, даже печаленъ и казался мнѣ смущеннымъ. — Я поклонился и ожидалъ нападенія.

—Ну, Князь, сказалъ онъ; обстоятельства неблагопріятны; всѣ союзники насъ оставили—Что вы думаете?

—Я думаю точно также, какъ и В. В-о; обстоятельства неблагопріятны.

—Вы можетъ быть думаете и другое; можетъ быть вы сами постарались увеличить наше бѣдствіе.

—Съ тѣхъ поръ какъ Императору неугодны

стали мои услуги и онъ оставилъ меня, я только занимался воздѣлываніемъ картофеля.

—Безъ остротъ! г. де Таллеранъ: время покажетъ кто изъ насъ правъ; чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

—Заключилъ бы какъ можно скорѣе миръ, на какихъ бы то нибыло условіяхъ.

—Это легко на словахъ — а падѣлѣ невозможно. Миръ, заключенный теперь, обезчестилъ бы меня, убилъ бы мою славу.

Вотъ Бурбоны, продолжалъ онъ.... одни приводятъ Веллингтона—другіе идутъ съ союзниками.—Что они вамъ поручили?

Я былъ приготовленъ къ этому вопросу.

—Я не имѣю сношеній съ иностранными землями, отвѣчалъ я.

—Знаю!... знаю ваши письма! ... *Verba volant*.... такъ кажется вы говорите?... знаете ли, говорятъ, что Бурбоны уполномочили васъ.

—Бюро мое въ распоряженіи посланныхъ Императора.

—Полноте хитрить! — Развѣ этакія бумаги кладутъ въ бюро?—за картину, въ книгу, въ креслахъ—за подкладку платья.

И орлиные взоры его пожирали меня.

— За что вы вооружились противъ меня? продолжалъ онъ; развѣ я васъ мало наградилъ? вы мнѣ многимъ обязаны; зачѣмъ не были вы тверды?

— Зачѣмъ Императоръ не вѣрилъ въ мое чистосердечіе?

—Т: е: въ невозможное; онъ старался засмѣяться; ну, будьте добры, Князь!— Помогите мнѣ выдти изъ затрудненія;— меня сбиваютъ съ толку; я окруженъ *дураками* (собственныя слова его) Я имѣлъ только двухъ умныхъ людей: васъ и Герцога Отрантскаго — и оба старались вредить мнѣ.

— Ваше Величество дурно думали о своемъ служителѣ, и обидою заплатили ему за преданность; я говорю только объ себѣ.

—О хитрецъ! — ребенокъ! — невинность!— вамъ обѣщаютъ болѣе, нежели сколько хотятъ дать!— Упаду я— и вы упадете со мною;— вы вице-великій Избиратель — а тогда вамъ не отдадутъ даже Епархіи Отёнской—и отправятъ въ какую нибудь семинарію.

Я видѣлъ, что онъ подстрекаетъ меня и отвѣчалъ съ скромностію:

—Я былъ бы слишкомъ дурнымъ гражданиномъ, еслибы думалъ только о собственныхъ пользахъ.

—Пожалуста—безъ уловокъ—да, или нѣтъ?

—Что могу я сдѣлать? я въ немилости.

—Послушайте: я назначилъ Императрицу Правительницею; Король Испанскій (Іосифъ) поддерживаетъ ее; будьте съ нимъ и съ Княземъ Архиканцлеромъ ея совѣтниками во время моего отсутствія;— если я возвращусь побѣдителемъ—то исправлю всѣ вины свои;— Посмотрите на Сенаторовъ; они отъ страху.... (никогда не напишу я, какъ онъ выразился) успокойте ихъ, и главное, убѣдите не оставлять Императрицы, если она должна будетъ выѣхать изъ Парижа.

О! еслибы Императоръ зналъ всю важность своихъ словъ!— И такъ онъ заранѣе позволялъ Маріи Луизѣ выѣхать изъ Парижа!—Я скрылъ свою радость и не отвѣчалъ ни слова.

— Забудемъ прошлое, Князь! — я хотѣлъ бы послать васъ уговориться о мирѣ.

—Это невозможно; Императоръ уже подозрѣвалъ меня—и я все останусь въ недовѣрчивости; — Ваше Величество имѣетъ Герцога

Вичепскаго; онъ человѣкъ достойный и вѣрный.

—Скажите же мнѣ, что вамъ предлагаетъ Англія?

Я молчалъ.—Онъ засмѣялся.

—Мой вопросъ страненъ, сказалъ онъ. — А что вы думаете о моемъ рѣшеніи, насчетъ Папы? (Онъ утвердилъ его возвращеніе въ Римъ).

—Ваше Величество поступили какъ нельзя лучше.—Пора бы поступить такимъ же образомъ и съ моими гостями въ Валансѐ.

—Какъ!—о нѣтъ!—униженіе было бы слишкомъ велико!

—Ваше Величество! отвѣчалъ я, нетерпѣливо желая видѣть свободными Инфантовъ; не упускайте времени пока эта мѣра можетъ принести вамъ пользу; Фердинандъ VII черезъ женидьбу можетъ сдѣлаться вашимъ родственникомъ.

—А! вскричалъ Наполеонъ, топнувъ ногою!— мнѣ уже хорошо заплатили за довѣренность къ родственнымъ связямъ.

Онъ отпустилъ меня; вышедъ изъ кабинета, мнѣ показалось, что я пришелъ за кулисы со сцены, на которой игралъ комедію; я былъ увѣренъ, что она была послѣдняя и рѣшился употребить всѣ средства для вспомоществованія Бурбонамъ. — Наполеонъ опять отправился въ армію — на новыя неудачи; а съ тѣхъ поръ я не видалъ его болѣе.

Въ это время разнесся въ Парижѣ слухъ о странномъ происшествіи; служители Тюйльрійскаго дворца въ свѣтлую лунную ночь видѣли тѣни Людовика XVII, Людовика XVI, Людовика XV, Людовика XIV, Людовика XIII и Генриха IV, которые съ короною въ рукахъ входили въ свой дворецъ.

Въ день отбытія Наполеона въ компанію 1812 года — вѣтеръ сорвалъ красную полосу флага на главномъ павильонѣ, такъ что остались только полосы: бѣлая и синяя—цвѣта Бурбоновъ старшихъ. — Вспомнили также, что въ ночь на новый годъ 1814 — какой то смѣльчакъ закрылъ это самое знамя чернымъ крепомъ, который вмѣстѣ съ флагомъ вѣялъ по воздуху; эта мрачная шутка чрезвычайно огорчила Наполеона.

Говорили также, что Король Римскій про-

сыпался ночью и плача говорилъ, что какой то мальчикъ съ короною на головѣ, какъ онъ самъ, гналъ его съ постели и изъ Тюйльри.— Марія Луиза испугалась этого видѣнія, которое продолжалось ночей пять сряду: суевѣріе нравится человѣку.

ГЛАВА X.

Разговоръ мой съ Іосифомъ Бонапарте. — Графъ Реньо де Сен-Жан-д'Анжли.— Герцогъ Ангулемскій въ Бордо. — Я убѣждаю Графа Фабра остаться въ Парижѣ. — Герцогъ Ровиго.—Графиня Ѳ. дю.... пособляетъ мнѣ настращать Министра Полиціи.—Г. Ровиго дается въ обманъ.— Послѣднее усиліе. — Собраніе 27 Марта.—Ночное появленіе мое въ Тюильри.—Испугъ Маріи Луизы, Испанскаго Короля и Совѣтниковъ. — Австрійскій курьеръ.—Я созываю Сенаторовъ.—Подробности о послѣднихъ дняхъ Имперіи.

Испанскій Король І. Бонапарте прислалъ за мною 25 Марта; наканунѣ получено было извѣстіе, что Герцогъ Ангулемскій прибылъ въ Бордо и что народъ встрѣтилъ его съ радостію; все это, соединенное съ извѣстіями объ успѣхахъ союзниковъ, безпокоило семейство Императора.

Король ходилъ взадъ и впередъ большими шагами.

—Слышали вы новость, Князь?— спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

—Какую! ихъ такъ много.

—Самую важную: Бордосцы возстали.—Всѣ общины Жиронды, Западныхъ и Верхнихъ Пиринеевъ, Верхней Гаронны, куда проникнули Англичане, послѣдовали примѣру Бордо; если Лордъ Веллингтонъ овладѣетъ Тулузою, то весь Лангдокъ передастся Бурбонамъ!—Стало-быть брата моего не любятъ!

—Страхъ, наводимый конскрипціями, безпрестанная война и налоги ослабили эту любовь.

—Князь Таллеранъ! — Союзники идутъ на Парижъ — а уже три дня какъ братъ ничего не пишетъ.

—Это ложный слухъ!—отвѣчалъ я; но такъ какъ В. В—о удостоиваете меня своей довѣренности, то я думаю не лучше ли будетъ Императрицѣ и Римскому Королю не дожидаться прибытія союзниковъ, а немедленно, заблаговременно удалиться изъ Парижа, потому что близость опасности повергнетъ весь городъ въ уныніе, котораго слѣдствія неизчислимы.—

—Вы такъ думаете?

—Да, В. В—о!

—Я самъ тоже думаю; — мы можемъ пока учредить Правленіе въ городѣ, которому не

угрожаетъ опасность; напр. въ Блоа, или въ Орлеанѣ.

—Къ тому же, прибавилъ я, Императоръ самъ сказалъ мнѣ, что онъ не желаетъ, чтобы его семейство дожидалось въ Парижѣ вступленія непріятелей.

—Онъ вамъ сказалъ это?

—Незадолго до своего отъѣзда; 20 Генваря.

—Въ такомъ случаѣ, Князь, такъ какъ васъ пригласятъ на совѣтъ — то вы потрудитесь повторить слова моего брата.

Тутъ доложили Королю, что Графъ Реньо де Сен-Жанъ д'Анжли проситъ немедленной аудіенціи, чтобы сообщить его Величеству важныя вѣсти. Я хотѣлъ удалиться.

—Останьтесь, сказалъ Іосифъ — вы можете и дожны все знать.

Графъ Реньо, душею и тѣломъ преданный Наполеону — явился съ разстроенною физіономіею.

Все потерено, В. В—о! вскричалъ онъ; слухъ о смерти Императора, будто бы убитаго въ сраженіи подъ Монтеро, приводитъ въ уныніе

національную Гвардію и подкрѣпляетъ надежды Бурбонистовъ. Взгляните В. В—о, что мнѣ пишутъ: мнѣ приказываютъ подъ опасеніемъ быть сожженнымъ живому, раздать бѣлыя кокарды моему легіону.

Онъ показалъ Іосифу какое то безъименное письмо.

—Возможно ли, Графъ, чтобы вы вѣрили вздорнымъ слухамъ. Императоръ живъ и вчера одержалъ рѣшительную побѣду; постарайтесь внушить другимъ ваше усердіе и вашу преданность.

—Я надѣюсь доказать ихъ.—Но развѣ Императрица останется въ Парижѣ?—Нелучше ли бы было ей удалиться съ преданными людьми въ какой нибудь внутренній городъ, напр. въ Лиможъ, подальше отъ мѣста дѣйствія.

—Ого! подумалъ я; ему ужь хочется бѣжать; всѣ эти преданные люди вовлекутъ Императрицу въ какую нибудь вредную несообразность.

Когда я воротился домой, мнѣ сказали, что какой то молодой человѣкъ, прекрасный собою, весь въ грязи, хочетъ непремѣнно со мною видѣться, говоря, что онъ изъ Бордо.

Услыхавъ магическое слово *Бордо* я немед-

ленно велѣлъ ввести молодаго человѣка; взглянувъ на его ноги, на нѣжныя руки и тонкія черты лица, я тотчасъ увидалъ, что это дѣвушка. Волненіе, усталость съ дороги, такъ ее обезсилили, что она войдя въ мою комнату, упала въ обморокъ.—Мущины подошли было къ ней.

—Не нужно, не нужно, сказалъ я, это не ваше дѣло—позовите лучше женщинъ.

Черезъ часъ узналъ я, что Герцогъ Ангулемскій, желая увѣдомить меня, поручилъ депеши и словесныя приказанія одному молодому дворянину, сопровождавшему его со всѣмъ семействомъ своимъ. — Молодой человѣкъ, отправляясь въ путь, зашелъ проститься съ отцомъ—но на лѣстницѣ упалъ и вывихнулъ ногу. — Печаль его, что онъ не въ состояніи исполнить порученіе Герцога, внушила 18-ти лѣтней сестрѣ его счастливую мысль. — Она одѣлась въ его платье, взяла трость, въ которой были спрятаны депеши, заучила словесныя порученія и отправилась въ Парижъ въ сопровожоеніи одного храбраго Вандейскаго солдата.—Въ 9 дней совершила она путь свой и входя въ мою комнату отъ усталости упала въ обморокъ.

Эта прелестная героиня, которой я теперь не назову — была роялисткою до фанатизма; при одномъ имени Бурбоновъ, она плакала, смѣялась, безумствовала.— Я думалъ, что она не въ состояніи чувствовать другой любви, но она доказала мнѣ мою ошибку.

Сообразивъ депеши Герцога Ангулемскаго съ другими извѣстіями, я увѣрился, что союзники рѣшились не заключать мира съ Наполеономъ и признать французскими Государями Бурбоновъ, если того пожелаетъ нація.

Въ это время навѣстилъ меня Графъ Фабръ де Л'Одъ честный человѣкъ, неспособный сдѣлать кому нибудь зло — но безъ всякаго моральнаго мужества. — Онъ увѣдомлялъ меня, что не смотря на повелѣніе отправиться съ Императрицей и Сенаторами, онъ рѣшился остаться въ Парижѣ, гдѣ должна была рѣшиться судьба Франціи, такимъ или другимъ образомъ.

Увѣривъ Графа въ своей неизмѣнной дружбѣ, я началъ выпытывать его мысли и съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ болѣе роялистъ нежели я предполагалъ; и потому отвѣчалъ ему:

—Вы мыслите, Графъ, какъ прилично Французу. — Повѣрьте, революція еще не кончи-

лась—это фактъ!—Люди, вамъ подобные должны ее кончить; во всякомъ случаѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ не прилично удаляться изъ Парижа; все устроится здѣсь , незнаю только какимъ образомъ;—останемтесь же вы, я и нѣсколько другихъ—и когда вступятъ союзники, мы послужимъ посредниками между ними и народомъ;—Совѣтую вамъ сказать тоже всѣмъ вашимъ товарищамъ, къ которымъ вы имѣете довѣренность.

Только что уѣхалъ Графъ Фабръ, мнѣ доложили о прибытіи новаго посѣтителя Герцога Ровиго.—Но прежде нежели опишу разговоръ нашъ, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Въ началѣ этой части я уже говорилъ объ одной моей пріятельницѣ, которая и теперь оказала мнѣ большую услугу.

Графиня Олимпія Д..... считала герцога Ровиго въ числѣ своихъ обожателей.— Я боялся чтобы онъ неостался въ Парижѣ, тогда какъ для моихъ видовъ его непремѣнно должно было удалить; зная въ тоже время, что онъ весьма недалекъ—и охотно повѣритъ всякимъ выдумкамъ безъ разысканія, я приготовилъ ему мистификацію.

Вечеромъ, переодѣвшись, отправился я къ Графинѣ Дю....

—Я пришелъ просить васъ, сказалъ я, объ одолженіи, которое можетъ принесть пользу людямъ, которыхъ вы любите больше всего на свѣтѣ.

Она просила меня объясниться.

—Я принесъ вамъ письмо отъ вашего брата, сказалъ я (братъ ея былъ эмигрантомъ и служилъ въ арміи союзниковъ).

Графиня посмотрѣла на письмо и тотчасъ догадалась о подлогѣ.

—А съ какою цѣлію должна я показать его Герцогу Ровиго? спросила она.

—Съ цѣлію оказать услугу нашимъ законнымъ Принцамъ. Необходимо чтобы Императрица удалилась изъ Парижа—иначе все потеряно; союзники, заставъ ее въ Парижѣ, провозгласятъ ее Правительницей.

—Но къ чему же послужитъ это письмо, Князь?

—Оно настращаетъ Герцога Ровиго, который въ свою очередь настращаетъ Марію

Луизу, братьевъ Наполеона, архиканцлера и другихъ!....

—Вы хотите настращать Герцога Ровиго? Развѣ вы забыли, что онъ человѣкъ храбрый.

—На полѣ битвы, а не въ кабинетѣ; я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло—и не испугаюсь толстаго голоса и длинныхъ усовъ.

И я отдалъ ей слѣдующее письмо:

«ЛЮБЕЗНАЯ СЕСТРИЦА!

«Мы приближаемся и скоро съ помощію Божіею бѣлое знамя развѣется на мѣстѣ трехцвѣтнаго флага; мы твердо рѣшились очистить Францію отъ всѣхъ убійцъ Королевской фамиліи. Я поклялся на свою долю привязать къ хвосту своей лошади, убійцъ Герцога Энгіенскаго; нѣтъ пощады! — казнь ихъ успокоитъ тѣнь неотмщеннаго героя. — Всѣ согласны со мною; горе первому, кто попадется въ наши руки и проч....»

Мадамъ дю.... согласилась помогать мнѣ въ этой хитрости и Герцогъ Ровиго попался въ сѣти; онъ явился ко мнѣ внѣ себя отъ страха, потому что онъ изъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ кровавой драмѣ смерти Герцога Эн-

гіенскаго. — Взглянувъ на него, я догадался, что ударъ мой попалъ въ цѣль. Сначала онъ сталъ разсказывать мнѣ о побѣдѣ одержанной Наполеономъ 27 Марта, эта побѣда была послѣдняя пальма, которою онъ украсилъ свою могилу.—Потомъ началъ мнѣ представлять необходимость, чтобы Марія Луиза удалилась изъ Парижа; я нарочно оспоривалъ его доказательства и доведши его до высшей степени страха, сказалъ ему наконецъ:

—Въ самомъ дѣлѣ я напрасно спорю съ вами; какъ военный, вы выше меня,—а такъ какъ этотъ случай есть слѣдствіе войны — то я и готовъ согласиться съ вами.

—Вотъ это такъ! — прервалъ онъ съ радостію; вы самый умный человѣкъ во Франціи— и легко склоняетесь на доказательства. И такъ это дѣло рѣшеное; остается только созвать совѣтъ. Впрочемъ и Архиканцлеръ тогоже мнѣнія; Графиня Д.... отъявленная роялистка, такъ напугала его возвращеніемъ эмигрантовъ, что онъ готовъ одинъ уѣхать изъ Парижа.

Эти слова доказали мнѣ, что Графиня Дю... услужила мнѣ даже болѣе нежели я требовалъ, и что я могъ надѣяться на Камбасереса, къ которому Марія Луиза питала довѣренность и уваженіе.

Я видѣлъ, что пора приступить къ дѣлу и потому немедля отправился къ Королю Іосифу и сказалъ ему:

—Вы окружены погибелью, В. В—о!—Вы должны бояться внутреннихъ опасностей столько же, сколько и внѣшнихъ! роялисты могутъ каждую минуту взяться за оружіе, даже убить васъ!—Подумайте объ этомъ.

Іосифъ показалъ въ этомъ случаѣ, что у него не было твердости души его брата — и думалъ также оставить Парижъ;—къ тому же и Наполеонъ далъ ему на это формальное приказаніе. — Незная что дѣлать, онъ рѣшился созвать совѣтъ.

Въ Совѣтѣ много говорили и ни начто не рѣшались; тогда Іосифъ показалъ письмо Наполеона, повелѣвавшее удалиться изъ Парижа и не оставаться ни подъ какимъ предлогомъ.— И такъ рѣшено было, чтобы Императрица ѣхала—но противорѣчія нѣсколькихъ совѣтниковъ замедлили день отъѣзда.

Тогда рѣшился я испытать послѣднее средство.—Ночью являюсь я въ Тюйльри, и требую аудіенціи у Императрицы; смутное положеніе дѣлъ, мое имя, отворили мнѣ двери.

Марія Луиза спросила, что привело меня въ такое необыкновенное время.

— Необходимость, отвѣчалъ я, и желаніе спасти Ваше Величество.

— Что же такое случилось?

— Составленъ заговоръ; завтра или въ слѣдующую ночь, роялисты рѣшились овладѣть Тюйльри и похитить Римскаго Короля. — В. В-о конечно не пережили бы этого несчастія.

— Конечно нѣтъ! отвѣчала Марія Луиза.

Я продолжалъ:

— Въ это самое время вступятъ союзники и роялисты хотятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажечь городъ, чтобы отвратить вниманіе жителей отъ Тюйльрійскаго Дворца.

Я продолжалъ умолять Императрицу, чтобы она не подвергала себя опасности и уговорилъ ее ѣхать; — она послала тотчасъ за Іосифомъ — и въ то же самое время случай послужилъ мнѣ какъ нельзя лучше. — Курьеръ отъ Австрійскаго Императора привезъ Маріи Луизѣ письмо, въ которомъ отецъ ея увѣщевалъ ее немедленно оставить Парижъ, потому что до него также дошли слухи о заговорѣ роялистовъ, и что на другой день городъ будетъ окруженъ.

Въ то время, какъ мы читали это письмо, пришелъ Король Іосифъ. Я увѣдомилъ его о происходящемъ, Императрица показала ему письмо своего отца; Іосифъ согласился; созвали для проформы другой совѣтъ — и 28 числа семейство Наполеона удалилось изъ Парижа.

Вмѣстѣ съ Императрицей удалились изъ Парижа всѣ высшіе Государственные Сановники, всѣ герцоги, Министры, начальники Палатъ, Государственные Совѣтники. Я остался одинъ на просторѣ; тотчасъ же написалъ я письмо къ Графу Фабру де Л'Оду и четыремъ его товарищамъ: Ланжюине, Боасси д'Англа, де Пере и д'Амбарреру. Первый пріѣхалъ Графъ Фабръ. Я былъ окруженъ старинными преданными роялистами: у меня были Г. Прадтъ, Архіепископъ Молинскій, Белларъ, Ру ла Бори, Бёнье, Ройе Колларъ, де Моншаль и еще нѣсколько человѣкъ.—Взявъ Графа за руку, я отвелъ его къ окну и сказалъ ему:

— Графъ! Семейство Императора уѣхало. — Король Іосифъ сдѣлалъ большую политическую ошибку. Кто убѣгаетъ, тотъ побѣжденъ. Что вы думаете о происходящемъ?

— Право, Князь, я слишкомъ смущенъ, чтобы отвѣчать что нибудь. — Я вижу, что мы въ

пропасти; но какимъ образомъ выдти изъ нея, не знаю.

— И такъ я научу васъ этому средству, сказалъ я; намъ остается одно: призвать Бурбоновъ. — Эти слова совершенно согласовавшіяся съ его тайными мыслями, поразили его, однако онъ молчалъ. Я спросилъ его, указавъ на своихъ друзей, неужели онъ не согласенъ въ этомъ съ нами?

— Я не колеблюсь болѣе, отвѣчалъ онъ; счастіе Франціи зависитъ отъ Бурбоновъ, я готовъ упасть къ ихъ ногамъ.

Друзья мои подошли къ намъ.

— Господа, сказалъ я, рекомендую вамъ одного изъ нашихъ.

Всѣ начали поздравлять его; мы обнялись. Вскорѣ наѣхало ко мнѣ множество Сенаторовъ, я уговорилъ ихъ и всѣ согласились собраться и объявить — при вступленіи союзниковъ, низведеніе Наполеона и возведеніе на престолъ Людовика XVIII, которому должно было предложить на утвержденіе правила умной и приличной конституціи, которая утишила бы безпокойства и сдѣлалась для всѣхъ священнымъ палладіумомъ.

ГЛАВА XI.

Ошибка Короля Іосифа. — Полиція въ бѣгствѣ. Герцогъ Тревизскій. Герцогъ Рагузскій. Мысли его. 29 Марта.— Письмо мое къ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.—Герцогъ Коленкуръ. Разговоръ нашъ.— Аббатъ Прадтъ.— Эпиграмма на него.— Приготовленія къ роялистскому перевороту.— Имена первыхъ защитниковъ бѣлаго знамени. Вступленіе союзниковъ — Первое свиданіе мое съ ИМПЕРАТОРОМЪ.— Мадамъ Олимпія дю....

Все было приготовлено — и я былъ увѣренъ, что военные, привыкшіе къ повиновенію, не будутъ противиться; утомленные 14-ти лѣтнею войною, они нетерпѣливо желали наслаждаться миромъ и надѣялись, что новый Государь оставитъ имъ всѣ прежнія преимущества; къ тому же всѣ эти люди, храбрые на полѣ битвы, были во все не таковы въ политикѣ.

Прокламація Короля Іосифа къ Парижанамъ принесла ему неисчислимый вредъ. Въ этой прокламаціи онъ говорилъ, что не покинетъ ихъ, что вмѣстѣ съ ними погребется подъ раз-

валинами столицы — и послѣ, увлеченный обстоятельствами, покинулъ ихъ и уѣхалъ.

Все было приготовлено; ожидали только вступленія союзниковъ, чтобы провозгласить Бурбоновъ. — Полиція, могшая помѣшать тому намѣренію, разбѣжалась вся, начиная отъ Министра до послѣдняго сыщика; остались только люди незначительные, неимѣвшіе голоса и привыкшіе къ повиновенію.

Маршалы Герцогъ Тревизскій и Герцогъ Рагузскій управляли Парижемъ; но они были неопасны; да и что могли они сдѣлать, имѣя неболѣе 26000 человѣкъ линейнаго войска?

Герцогъ Тревизскій, храбрый военный, не имѣлъ никакого понятія о политикѣ; герой на полѣ битвы, въ другомъ мѣстѣ онъ былъ воплощенная ничтожность; превосходный Генералъ и начальникъ, онъ былъ настоящій ребенокъ въ частной жизни.

Маршалъ Мармонъ, превосходившій его умомъ, познаніями и даже геніемъ, также былъ неопасенъ, потому что понималъ настоящее положеніе дѣлъ; не обольщаясь фантастическою славою Наполеона, онъ видѣлъ, что наступилъ конецъ великаго человѣка, — и эта увѣрен-

ность лишала его мужества; — онъ зналъ и видѣлъ, что невозможно отвратить пораженія.

Я видѣлся съ нимъ 28 Марта, показалъ ему положеніе дѣлъ, увѣдомилъ его о намѣреніи союзниковъ не заключать миръ съ Наполеономъ и провозгласить Бурбоновъ.— Я прибавилъ, что Императоръ тщетно старается избѣжать своей участи — и что неблагоразумно позволитъ случаю увлечь себя въ паденіе. — Маршалъ показался мнѣ чрезвычайно преданнымъ Наполеону; онъ не хотѣлъ ничего видѣть, и почиталъ своего Императора непобѣдимымъ—когда холодный разумъ явно увѣрялъ его въ противномъ. — Онъ отвѣчалъ мнѣ, что останется вѣренъ, пока въ состояніи будетъ сражаться и не принялъ никакихъ предложеній. — Въ это самое время онъ получилъ отъ Короля Іосифа полномочіе сдать Парижъ; онъ уронилъ бумагу и сказалъ мнѣ задыхающимся голосомъ:

— Князь! я погибъ! — Вниманіе обратится только на того, кто подписалъ капитуляцію; никто не станетъ справляться, что я это сдѣлалъ по приказанію — а не по доброй волѣ — и Франція проклянетъ меня.

— По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ я, она проклянетъ васъ не одного — а вмѣстѣ съ Марша-

ломъ Мортье, который вѣрно также подпишетъ капитуляцію.

Но это, кажется, не утѣшило Герцога Тревизскаго.

Въ послѣдній день армія, воспитанники Политехнической Школы и національная Гвардія сражались съ геройскою храбростію; не смотря на это Бельвильскія и Монмартрскія высоты были заняты. Парижскіе меры явились къ Маршаламъ и убѣдили ихъ на капитуляцію 30 Марта.

30 Марта! — это долженъ былъ быть великій день! — Королевская фамилія послѣ 22 лѣтняго изгнанія вступила въ свою землю и на престолъ своихъ предковъ.

Я поспѣшилъ написать къ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ письмо, въ коемъ просилъ Его Величество остановиться у меня. Отъ этаго частію зависѣлъ успѣхъ предпріятія. — Если ИМПЕРАТОРУ угодно было возстановить Бурбоновъ, то и Король Прусскій согласился бы на это; — и Австрія и Англія, еслибы и желали другаго, то должны были бы согласиться на общее желаніе, подкрѣпляемое двумя могущественными Монархами, которые одни сражались бы и побѣдили.

Съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидалъ я отвѣта, и съ радостію прочиталъ его, гдѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО съ свойственною ему благосклонностію соглашался на мою просьбу.

Только что прочиталъ я этотъ милостивый отвѣтъ, какъ явился ко мнѣ Герцогъ С..... онъ приносилъ мнѣ со стороны Наполеона полномочіе уговориться о мирѣ. — Наполеонъ согласился бы даже на регентство, и въ награду за услугу, которой ожидалъ отъ меня, предлагалъ мнѣ Графство съ Авиньономъ въ пожизненное владѣніе, а по смерти наслѣдникамъ моимъ Княжество Оранское, увеличенное 100000 человѣкъ народонаселенія; сверхъ того годовый доходъ въ 6000000 а наслѣдникамъ моимъ въ 2000000.

Прочитавъ это все, написанное рукою Наполеона, Герцогъ С.... вступилъ въ подробности предполагаемаго мира, какъ я прервалъ его.

— Г. Герцогъ, сказалъ я ему — я не могу принять вашего предложенія потому, что я не подданный того, кто послалъ васъ, а подданный Е. В. Людовика XVIII, о пользахъ котораго и обязанъ заботиться.

— Что я слышу? вскричалъ Герцогъ; вы не подданный Императора?

— Нисколько, отвѣчалъ я; я покорился ему въ 1799. Тогда мы были равны, — т. е. мы были два Француза, — онъ съ колосальною репутаціею, я — съ репутаціею человѣка не совсѣмъ глупаго и несовсѣмъ не искуснаго; мы сговорились и условились уничтожить Республиканское Правленіе, которое было противно пользамъ націи. — Впослѣдствіи онъ не сдержалъ своего слова, сдѣлался Императоромъ и вмѣсто того, чтобы хорошо обращаться со мною, не переставалъ огорчать и гнать меня до такой степени, что изъ друга я сдѣлался его врагомъ. — Зачѣмъ не велѣлъ онъ разстрѣлять меня, какъ Герцога Энгьенскаго? — Что спасло меня? участіе и благоразуміе Камбасереса! — Такъ какъ Наполеонъ былъ моимъ равнымъ, — такъ какъ онъ не имѣетъ права на корону, то я почитаю себя вправѣ обратиться къ своимъ законнымъ Государямъ; — и такъ какъ Франція желаетъ Короля — то Людовикъ XVIII вступаетъ на престолъ своихъ предковъ.

Я прибавилъ еще то, что мнѣ было извѣстно, и повергъ почтеннаго дипломата въ состояніе, которое трудно описать. — Очарованіе Наполеонова могущества было таково, что добрый Герцогъ видѣлъ меня уже на висѣлицѣ. — Я думалъ, что ему сдѣлается дурно отъ

моихъ словъ. — Къ довершенію его ужаса пріѣхали ко мнѣ, кажется Г. Семезонъ и Аббатъ Прадтъ. — Первый увѣдомилъ меня, что на другой день по улицамъ Парижа пронесутъ бѣлое знамя и выдутъ съ нимъ на встрѣчу къ союзникамъ; Аббатъ, одинъ изъ зачинщиковъ этого намѣренія, не смотря на весь умъ, показался такъ смѣшенъ съ своею воинственностію, что Герцогъ С..... не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Пожалуста, Князь, не подпускайте Г-на Аббата близко къ огню; — онъ заряженъ картечью и если вспыхнетъ—то я не отвѣчаю за жизнь вашихъ гостей и вашу собственную.

Аббатъ принужденъ былъ проглотить насмѣшку; онъ пробормоталъ что то — и отправился вѣроятно поджигать Парижъ.

Вечеръ 30 марта провелъ я давая аудіенціи — Изъ знатныхъ людей остался въ Парижѣ одинъ я и потому получилъ вовсе непринадлежащую мнѣ власть, которою пользовался безъ разбора; продолжалъ увѣщевать Сенаторовъ, которые просили у меня совѣтовъ и предлагали мнѣ быть ихъ главою; я обѣщалъ.

Домъ мой былъ мѣстомъ собранія роялистовъ; они прибѣгали ко мнѣ съ такимъ рвеніемъ, съ какимъ послѣ отъ меня бѣжали.

Тогда они клялись мною, полагали во мнѣ всю свою надежду — хотѣли меня избрать своимъ начальникомъ.—Такъ идетъ весь міръ;— глупъ и безуменъ тотъ, кто полагаетъ, что онъ останется всегда въ томъ положеніи, въ которое привелъ его благопріятный случай.

Я почти не ложился въ ночь съ 30 на 31 Марта.—Въ 4 часа поутру я получилъ вѣрное извѣстіе, что ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ остановится въ моемъ домѣ.

31 Марта, въ 9 часовъ утра Г. де Вовине первый показался на площади Людовика XV, гдѣ роялисты положили собраться; вскорѣ прибылъ тудаже Г. де Шатобріанъ. Къ нимъ присоединились Г. де Лео, де Лостанжъ, де Кензонна, д'Отфоръ, де Монморанси, де Монтеньякъ, де Толозанъ, Ройу, де Перигоръ, де Люксамбуръ, де Рипперъ, Мишо, Пижонъ, Тибо де Монморанси, де Витролль, Дальбергъ, де Жокуръ, Бернонвилъ и другіе.—Нѣкоторые изъ нихъ уже согласились назначить меня и Аббата Монтескьу — Фезанзака временными правителями до прибытія Людовика XVIII.— Графъ Адемаръ, Маркизъ Лувоа, Графъ де Симане, де Кергорле, Маркизъ де Ларошъ-Жаклепъ и человѣкъ сорокъ другихъ первые показали бѣлое знамя удивленнымъ жителямъ Парижа.

Вскорѣ прискакали въ своихъ каретахъ mesdames де Шоазеиль, де Семане, де Монлозенъ, де Соекуръ, де Водинё, де Роганъ, де Дюра де Мальи, Дюбра де Ламотъ, де Л'Опиталь и другія, которыя съ удивительнымъ самоотверженіемъ подвергались опасности, потому что мысли большей части Парижанъ были еще неизвѣстны. Графиня Олимпія дю.......... какъ сумашедшая скакала въ коляскѣ вдоль бульваровъ и раздавала встрѣчнымъ бѣлыя кокарды, надъ которыми трудились всѣ знатныя дамы; и потому когда понадобилось, то явилось нѣсколько корзинъ, полныхъ этими кокардами.

Этотъ кортежъ пошелъ по Королевской улицѣ, по бульварамъ, на встрѣчу къ союзникамъ, но не умножался; многіе смотрѣли на него съ равнодушіемъ, нѣкоторые съ гнѣвомъ—но большая часть съ удовольствіемъ; но Наполеонъ еще не умеръ — и всѣ боялись живаго льва. Легіонъ національной гвардіи показалъ даже непріязненное расположеніе къ роялистамъ — но ничего не сдѣлалъ; — Полиція не показывалась, что усилило мою надежду. Мнѣ ежеминутно приносили свѣденія о томъ, что происходитъ — и я радовался этому равнодушію жителей.

Заставы были отперты въ полдень, часъ

назначенный для вступленія Союзныхъ Монарховъ, которые съ 300000 человѣкъ вступили въ Парижъ въ Сен-Мартенскія ворота, чрезъ Сен-Мартенское предмѣстіе и бульвары.— Впереди сопровождаемый блестящимъ Штабомъ ѣхалъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, по правую руку ѣхалъ Король Прусскій и Австрійскій главнокомандующій Князь Шварценбергъ; по лѣвую Великій Князь КОНСТАНТИНЪ. Войска одѣтыя со тщаніемъ и даже щеголевато, вовсе не представляли того непріятнаго вида, въ которомъ описывали ихъ Французскіе бюллетени.

Многочисленная толпа Парижанъ наполняла аллеи бульваровъ; во всѣхъ окнахъ толпились зрители — вездѣ развѣвались бѣлыя знамена; наконецъ подлѣ театра des Variétés, всеобщее молчаніе было прервано криками: да здравствуетъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ!— да здравствуетъ Король Вильгельмъ; да здравствуютъ Союзники!

Ихъ Величества провели армію на Елисейскія поля и тамъ сдѣлали ей смотръ;—послѣ чего отправились по своимъ квартирамъ.— ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ поѣхалъ ко мнѣ; увѣдомленный о его приближеніи, я вышелъ на улицу, чтобы у дверей дома принять

высокаго посѣтителя, но прiѣхавшiй адъютантъ объявилъ мнѣ, что Императоръ хочетъ сойдти съ лошади на дворѣ, и потому проситъ меня дожидаться его у лѣстницы. — Это лестное вниманiе очаровало меня и я поспѣшилъ исполнить приказанiе.

ИМПЕРАТОРЪ сошедъ съ лошади, удостоилъ поцѣловать меня, выслушалъ мое коротенькое привѣтствiе, и какъ Генрихъ IV, отвѣчалъ мнѣ, что ему угодно кушать. — Отдохнувъ нѣсколько минутъ въ залѣ, онъ прошелъ въ столовую. Я хотѣлъ имѣть честь услуживать ему — но онъ никакъ не соглашался и принудилъ меня сѣсть. —Обѣдъ скоро кончился. ИМПЕРАТОРЪ зналъ, что остается еще много дѣла и потому сказалъ мнѣ, когда подали кофе:

—Князь!—возмите вашу чашку и пойдемте въ *вашъ кабинетъ;* мнѣ надобно поговорить съ вами.

— Ваше Величество въ своемъ домѣ, отвѣчалъ я, провожая ИМПЕРАТОРА.

ИМПЕРАТОРЪ сѣлъ и заставивъ меня сдѣлать тоже, спросилъ:

— Что вы думаете, Князь, о происходящемъ?

— *Я* думаю, В. В., отвѣчалъ *я*, что Провидѣніе сокрушило наконецъ бичь, посланный для наказанія націи.

— Правда, правда! — *Я* смотрю на свое присутствіе въ Парижѣ, какъ на чудо, и явственно вижу во всемъ этомъ перстъ Божій; конечно, такъ угодно Богу; но какія будутъ слѣдствія?

— Миръ Европы, утвержденіе престоловъ и морали — и невозвратный конецъ революціи.

— *Я* желаю этого! — отвѣчалъ ИМПЕРАТОРЪ; но какимъ образомъ достигнуть до этого прекраснаго результата?

— Мудростію и правосудіемъ, отдавши Французскій престолъ Бурбонамъ.

— А императоръ Австрійскій?

— Онъ огорчится, какъ отецъ; но какъ Государь, благо своего народа предпочтетъ семейственной привязанности — съ Римскимъ Королемъ, Наполеонъ будетъ всегда царствовать, гдѣ бы онъ нибылъ. Французы будутъ повиноваться ему, а не правительницѣ; — тогда, В. В., рано или поздно Наполеонъ возобновитъ войну.

— Правда, Князь! — но съ другой стороны, какое право имѣемъ мы отдать престолъ Бурбонамъ, если Французы не хотятъ того?

— Французы желаютъ этого, В. В., и докажутъ это; приметъ ли Ваше Величество за доказательство этого желанія, объявленіе Наполеона и его потомства лишенными престола и просьбу о возвращеніи Людовика XVIII, которую произнесутъ Сенатъ, Законодательное Собраніе, Совѣтъ Парижской общины, Совѣтъ Сенскаго департамента, всѣ большіе города, всѣ сановники и Генералы?

— Да это вся Франція, Князь.

— Точно, В. В., вся Франція, исключая нѣсколькихъ закоренѣлыхъ Якобинцевъ и Бонапартистовъ.

ИМПЕРАТОРЪ улыбнулся и сказалъ:

— Развѣ вы думаете, что военные согласятся оставить...... Бонапарте?

— Они первые поклонятся восходящему солнцу; наши воины, ужасные со шпагою въ рукахъ, вовсе не ужасны въ политикѣ; но, прибавилъ я, пародируя Ахилла изъ Ифигеніи.

Mais c'est perdre le temps en des discours frivoles
Il faut des actions et non pas des paroles.

— Удостойте, В. В, показаться Французамъ, горящимъ отъ нетерпѣнія видѣть великаго Монарха. Я поспѣшу собрать сенатъ — и увѣренъ, что онъ изъявитъ тоже желаніе.

Я хотѣлъ выдти — но ИМПЕРАТОРЪ остановилъ меня. — Прежде всего, сказалъ Онъ — должно учредить временное Правленіе, мы не знаемъ къ кому обратиться.

Я удивился своей забывчивости: — тотчасъ же объявилъ я ИМПЕРАТОРУ о выборѣ пяти членовъ временнаго правленія.— Онъ зналъ ихъ всѣхъ и одобрилъ выборъ, тогда просилъ я позволенія представить Е. В-у. одну даму, вѣрную изъ вѣрныхъ; это была Графиня дю.... которая хотѣла умолять ИМПЕРАТОРА о возвращеніи Бурбоновъ.— Разпросивъ, кто эта дама—Е. В. позволилъ ввести ее.

ГЛАВА XII.

Мадамъ Дю... у ИМПЕРАТОРА. — Разговоръ мой съ Коленкуромъ. Аббатъ Прадтъ, великій Канцлеръ Почетнаго Легіона.—Временное правленіе.—Аббатъ Монтескьу.—Герцогъ Дальбергъ.—Графъ Бёрнонвиль.— Маркизъ Жокуръ. Баронъ Витроль. Г. Шатобріанъ. — Союзные Монархи въ оперѣ.—Гдѣ Бонапартисты?—Паденіе Наполеона. — Союзники отдаютъ мнѣ справедливость.—Новое министерство.

Вышедши отъ ИМПЕРАТОРА, я прошелъ сначала въ комнату гдѣ ожидали меня Герцогъ Дальбергъ и генералъ графъ Бёрнонвиль. — Я обрадовалъ ихъ разсказавъ разговоръ свой съ Е. В., но удивился не видя съ ними Аббата Монтескьу и Маркиза Жокура; а они въ это время были остановлены на лѣстницѣ толпою, которая уже требовала награды за свою преданность. Потомъ повелъ Графиню Олимпію, которая бросилась къ ногамъ ИМПЕРАТОРА. Е. В. съ свойственною ему благосклонностію поднялъ ее, вскричавъ.

—Что вы дѣлаете? — никогда благородная супруга храбраго витязя не становилась на колѣни передъ рыцаремъ.

— В. В-о! — отвѣчала она, вы представитель божества на землѣ — Божеству молятся на колѣняхъ, когда просятъ его милости! — Возвратите намъ счастіе; мы вдойнѣ будемъ радоваться видя Людовика XVIII, возвращеннаго намъ великимъ Монархомъ Сѣвера.

— Стало быть Франція очень привязана къ этой фамиліи?—Стало быть французскія дамы роялистки? — Это прекрасно!

— И мужья ихъ, В. В, и родственники и всѣ мы роялисты.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ ИМПЕРАТОРЪ, пусть Французы объявятъ свое желаніе — и оно будетъ исполнено.

Въ эту минуту доложили Е. В.— что французскій генералъ проситъ его аудіенціи. — Я увелъ мадамъ Дю... которая была полусумашедшая отъ радости. — Это былъ кажется Герцогъ Виченскій. Я небоялся этаго противника.

Я раздѣвался, когда вошелъ ко мнѣ Герцогъ Виченскій.

— Наконецъ вы сняли маску?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Я только продолжаю войну, которую объявили мнѣ 6 лѣтъ тому назадъ.

— Императоръ очень огорчается происходящимъ.

— Вѣрю.

— Перестаньте же сердиться!—исправьте что испортили и вы будете имѣть владѣтельное княжество, семь острововъ на Адріатическомъ морѣ — или Графство Ниское съ 20000000 наличныхъ денегъ; а вашему семейству княжество Монако.

— Я буду имѣть лучшее: всеобщій миръ, спокойствіе Европы, благословенія Франціи;— думаете ли вы, что я рѣшусь промѣнять это на что нибудь?—Подите и скажите пославшему васъ: *уже поздно!*—Есть рѣшительныя минуты, въ которыя отступленіе невозможно.

Коленкуръ, истинно преданный Наполеону, съ жаромъ упрашивалъ меня — но къ счастію освободилъ меня отъ него Аббатъ Прадтъ, буквально вломившійся въ дверь.—Онъ пришелъ пѣнять мнѣ зачѣмъ не назначили его членомъ временнаго Правленія — и я насилу отвязался отъ него, назначивъ его великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легіона, что при менѣе важныхъ обстоятельствахъ уморило бы со смѣху весь Парижъ.

1-го Апрѣля 1814 былъ великій день. Я объ-

явилъ собравшемуся сенату, что Союзники не признаютъ Наполеона и предоставляютъ націи выборъ Короля. — Послѣ глубокаго молчанія всѣ отвѣчали, что невозможно вдругъ рѣшить такое важное дѣло и что должно учредить временное Правленіе, членами котораго и назначены были: я президентомъ, Аббатъ Монтескьу Фезанзакъ — Герцогъ Дальбергъ, Маркизъ Жокуръ — и графъ Бёрноивиль.—Баронъ Витроль сдѣлался государственнымъ Секретаремъ новой исполнительной власти.

Аббатъ Монтескьу прославился еще во время учредительнаго Собранія, своимъ легкимъ краснорѣчіемъ. Его почитали искуснымъ администраторомъ, къ тому же онъ умѣлъ довольно кстати надѣвать философскую мантію, что принесло ему не мало пользы.

По смерти Людовика XVI и до 1814 года, Монтескьу былъ главою партіи, сопротивлявшейся Конвенту, Директоріи и Бонапарте — онъ былъ нетвердаго характера, хвастливъ, безпеченъ, съ холоднымъ, тонкимъ и блестящимъ умомъ. — Онъ очень ловко умѣлъ написать рапортъ, завести интригу — и только;— сдѣлать что нибудь было выше силъ его. Онъ никогда не умѣлъ счастливо кончить что предполагалъ; безсиліе свое скрывалъ онъ подъ

видомъ безпечности — и во всякомъ случаѣ говорилъ; подождемъ! — подождемъ; — и потому въ 1814 онъ принесъ большій вредъ Бурбонамъ.

Герцогъ Дальбергъ. — о которомъ я говорилъ уже, могъ прекрасно занимать ввѣренное ему мѣсто. — Тоже должно сказать и о Маркизѣ Жокурѣ, умномъ человѣкѣ, философѣ, и сверхъ того Кальвинистѣ.

Графъ Бёрноввиль, отличный военный, извѣстный въ арміи, былъ прекрасный человѣкъ, тѣмъ болѣе что онъ ничему не сопротивлялся и соглашался на все. — И потому я могъ считать себя главою временнаго правленія, потому что былъ тѣсно соединенъ съ Монтескью и Дальбергомъ мнѣніями и мыслями.

Но истиннымъ камнемъ преткновенія былъ для меня, шестой членъ временнаго правленія Баронъ Витроллъ, членъ тайнаго роялистскаго комитета. — Въ 1814 было ему сорокъ лѣтъ отъ роду. Провансалецъ по рожденію, онъ соединялъ въ себѣ весь огонь своего климата съ роялизмомъ доведеннымъ до высшей степени. — Онъ ненавидѣлъ всѣхъ Французовъ, служившихъ *похитителю;* ненавидѣлъ временное правленіе, потому что видѣлъ въ насъ

клевретовъ Бонапарте. Аббата Монтескьу онъ также не любилъ за его философію и Волтеріанскія манеры. Онъ не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ Бонапартистами, — хотѣлъ сдѣлать все разомъ и вдругъ преобразить Францію 1814 во Францію 1789; это была глупость.— Должно было бороться съ самаго начала; я видѣлъ опасность и поспѣшилъ увѣдомить Людовика XVIII.

Временное правленіе, названное Сенатомъ, назначило комиссію, которая должна была разсуждать о томъ, какія должно принять мѣры. Мы съ своей стороны немедленно издали прокламацію ко всѣмъ Французамъ, убѣждая ихъ присоединиться къ законному своему Государю.

Возвратившись домой, я отдалъ отчетъ ИМПЕРАТОРУ Александру и Королю Прусскому обо всемъ случившемся; оба остались довольны; особенно послѣдній, который не терпѣлъ Наполеона; оба Монарха были увѣрены, что Франція желаетъ возвращенія Бурбоновъ. Король Прусскій спросилъ меня, за чѣмъ я не назначилъ Г. Шатобріана членомъ временнаго правленія?

—Потому что боялся отвлечь его, В. В. отъ мѣста, гдѣ никто не можетъ замѣнить его.

Въ самомъ дѣлѣ вышедшая въ это время брошюрка его: de Bonaparte et des Bourbons, напечатанная съ удивительною скоростію, произвела несказанное впечатлѣніе и нанесла сильной ударъ Имперіи. — Я зналъ, что Авторъ ея надѣялся быть въ числѣ пяти; но я не выбралъ его, потому что я боялся и кажется не безъ причины, что его прекрасный геній примѣшаетъ слишкомъ много поэзіи къ существенности. Г. Шатобріанъ не простилъ мнѣ моей забывчивости, и сдѣлался съ этаго времени моимъ непріятелемъ.

Вечеромъ союзные Манархи по просьбѣ моей отправились въ оперу: я устроилъ такъ, что всѣ дамы были въ бѣлыхъ платьяхъ и держали въ рукахъ букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Мущины также были всѣ съ бѣлыми кокардами на шляпахъ и въ петлицѣ. — Громкія восклицанія встрѣтили Ихъ Величества и единодушный голосъ раздался въ пользу Бурбоновъ. — По окончаніи спектакля, когда Монархи проходили по площади Людовика XV, множество заклинало ихъ возвратить имъ своего отца.

— Да гдѣ же Бонапартисты? спросилъ меня съ улыбкою ИМПЕРАТОРЪ Александръ.

— Ихъ нѣтъ болѣе, В. В. отвѣчалъ я; во всей Франціи находятся только подданные Бурбоновъ.

— Пусть сенатъ объявитъ свое желаніе и мы исполнимъ его.

— Итакъ завтра, В. В. будетъ возстановлена законная династія.

На другой день 2-го Апрѣля сенатъ выслушавъ донесеніе Комиссіи, единогласно опредѣлилъ 1. — Низведеніе Наполеона съ престола и лишеніе фамиліи его права наслѣдства. — 2. Присягу въ вѣрности народа и Арміи.

Этотъ великій переворотъ тотчасъ былъ обнародованъ въ Парижѣ афишками и разными извѣстіями во всѣ города. Тотчасъ побѣжалъ я къ союзнымъ Монархамъ; они были вмѣстѣ и шли на смотръ. Я приблизился къ нимъ съ декретомъ Сената въ рукѣ.

— Цѣпь наша распалась, сказалъ я И. В. Наполеонъ не царствуетъ уже надъ нами. Да здравствуютъ Бурбоны!

— Правда! — отвѣчали оба! благодарность и тому, кто возвратилъ имъ корону.

— Ваши Величества отдаютъ себѣ справедливость, отвѣчалъ я.

— Monsieur de Talleyrand, сказалъ Король Прусскій, слова наши относятся не къ намъ; потому что мы согласились бы и на избраніе другой фамиліи; онѣ относятся къ французскому Монку, къ человѣку, который своимъ мужествомъ и своими дѣлами возвратилъ престолъ своему Королю; онѣ относятся къ вамъ.

Эта лестная похвала восхитила меня. ИМПЕРАТОРЪ Александръ сказалъ нѣсколько словъ отъ Себя; это происходило въ присутствіи покрайней мѣрѣ 50-ти роялистовъ. Я отблагодарилъ Ихъ Величества и представилъ имъ планъ новаго министерства:

М. Иностранныхъ дѣлъ: Графъ Лафоре. — *М. Юстиціи:* Анріонъ де Пансей; *М. Внутреннихъ дѣлъ:* Графъ Бёньо; *М. Военное:* генералъ графъ Дюпонъ; *М. Морское:* Баронъ Малуэ. *М. финансовъ:* Баронъ Луи; *М. Полиціи:* Графъ Англесъ. *Генералъ почтъ-Директоръ* Буррьеннъ.

—※—

ГЛАВА XIII.

Рѣчь ИМПЕРАТОРА въ Сенатѣ. — Маршалы оставляютъ Наполеона. — Тягостное положеніе Герцога Рагузскаго. — Фонтенеблосскій трактатъ. — Отреченіе Наполеона. — Возвращеніе Графа д'Артоа. — Какими людьми онъ окруженъ. — Наша ссора. — Обѣдъ Людовика XVIII. — Чѣмъ я награжденъ. — Портретъ Людовика XVIII. — ИМПЕРАТОРЪ Александръ вступается за меня. — Король хорошо обходится со мною. Графъ де Блака. — Г. Дамбре. — Графъ Дюпонъ Шомонъ. — Г. Дандре. — Его легковѣріе. — Двѣ мистификаціи. — Преемникъ Фуше.

На другой день 3 Апрѣля Сенатъ рѣшился представить декретъ свой союзнымъ Монархамъ. — Мы церемоніальнымъ шествіемъ отправились изъ Люксамбурскаго Дворца, въ сопровожденіи національной гвардіи; я привѣтствовалъ ИМПЕРАТОРА Александра отъ имени всего собранія. Е. В. отвѣчалъ со своей всегдашней благосклонностію и потомъ прибавилъ:

— Человѣкъ — называвшійся моимъ союзникомъ несправедливо вторгнулся въ мои владѣнія; я веду войну съ нимъ а не съ Фран-

цією; я другъ Французскаго народа, и въ доказательство нашего союза — возвращаю всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи.

Эта рѣчь нанесла послѣдній ударъ Имперіи. — Партизаны Наполеона, увѣрившись въ его паденіи, оставили Правительницу и спѣшили въ Парижъ, увѣрять о своей преданности къ законной династіи; тѣ, которые по какимъ нибудь обстоятельствамъ замедляли на дорогѣ, присылали свое согласіе на декретъ Сената, послѣдовавшій 2-го Апрѣля. — Этому примѣру послѣдовали и военные; первые прибыли: Бертье, Ней, Макдональдъ, Мортье, Серюрье, Периньонъ, Даву, Массена, Мармонъ, Удино, Викторъ; они какъ будто спѣшили убѣжать отъ Бонапарте.

9 Апрѣля прислали свое согласіе Комбасересъ и Герцогъ Ровиго.

Мармонъ явился съ поникшей головой; онъ понималъ какою тяжестію онъ подавилъ свою славу; онъ только уступилъ необходимости — а ждалъ обвиненія за то, что было не въ его волѣ. Радость добраго Герцога Вальми была похожа на радость ребенка; — онъ восхищался тѣмъ, что съ 2 Апрѣля снова сталъ кавалеромъ ордена Св. Людовика.

Графъ д'Артоа приближался къ Парижу Людовикъ XVIII сбирался оставить Англію.— Но Бонапарте еще не удалялся и находился въ Фонтенбло, окруженный арміею, которая все была опасна съ такимъ предводителемъ; съ каждымъ днемъ оставляли его начальники— и съ каждымъ днемъ увеличивалось число его непобѣдимыхъ рубакъ; всѣ еще боялись его; городъ Кастельри умолялъ меня окончить скорѣе все это дѣло; согласиться на всѣ требованія Наполеона — и согласился даже, чтобы ему предложили Сардинію.

На другой день опять явился Герцогъ Виченскій и привезъ намъ *ultimatum* Наполеона, состоящій въ слѣдующемъ: — отдать ему во владѣніе островъ Эльбу; 2000000 доходу, одинъ ему, другой Маріи Луизѣ; защищать флагъ его противъ Варварійцевъ; Герцогства Парму, Піаченцу и Гвасталлу въ наслѣдственное владѣніе Маріи Луизѣ; семейству его годовой доходъ: Летиціи Бонапарте 300,000 фр.; Королю Іосифу съ супругой 500000 фран., Королю Людовику 200,000; Королевѣ Гортензіи съ дѣтьми 400,000.; Королю Іерониму 500,000.; сестрѣ его Элизѣ 300,000; Полинѣ 300,000; все принадлежащее имъ движимое и недвижимое имущество; 1000000 Жозефинѣ; приличное

владѣніе Принцу Евгенію внѣ Франціи; 1200 изъ его гвардіи послѣдуютъ за нимъ; фрегатъ, на которомъ онъ отправится, будетъ принадлежать ему; онъ возметъ съ собою 400 человѣкъ своихъ храбрыхъ воиновъ и проч.

Когда эти условія были приняты и подписаны комиссарами союзныхъ державъ, Наполеонъ рѣшился 11 Апрѣля подписать свое отреченіе въ слѣдующихъ словахъ:

«Такъ какъ союзныя державы объявили, что Императоръ препятствуетъ водворенію мира въ Европѣ, то онъ, вѣрный своей клятвѣ, объявляетъ, что отрекается за себя и за свое потомство отъ престола Франціи и Италіи и что нѣтъ такой жертвы, которой онъ не принесъ бы для пользы Франціи.»

Это былъ послѣдній актъ его великой первой трагедіи; 20 Апрѣля, сопровождаемый комиссарами союзныхъ державъ, онъ отправился въ путь, проѣхалъ Францію и благополучно достигъ до Эльбы, гдѣ и полагали всѣ, онъ навсегда останется.

Временное правленіе продолжало свои дѣйствія — безпрерывно возмущаемое возраждавшимся партіями, безпокойствами и безпорядками.

Графъ д'Артоа пріѣхалъ въ Парижъ 12 Апрѣля. Его тотчасъ окружили Аббатъ Латиль Епископы и Архіепископы: Лафоръ де Винтимиль, де Круи, де Таллеранъ Перигоръ, мой дядя; де Клермонъ Тоннеръ; Герцоги Малье и Физъ-Джемсъ, Латуръ дю Пенъ, Шатнѐ, Ларошьдмонъ, Шамборъ, Семезонъ, Валь Бурбонъ-Бюссе, Пюисегюръ, Арманъ и Юлій Полиньяки, де Витроль, Бурмонъ и другіе. — Старые дворяне думали, что имъ легко будетъ вогнать въ землю поуши новое Дворянство; но они встрѣтили неожиданное сопротивленіе. — Между ними началась борьба на смерть. Правительство колеблющееся между партіями не рѣшалось ни па что — и вдругъ явился опять Бонапарте.

Но прежде нежели приступлю къ описанію происшествій 1815, я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ.

Графъ д'Артоа въ самый день своего прибытія призвалъ меня вечеромъ — и вмѣсто благодарности, наговорилъ мнѣ нѣсколько упрековъ за дѣйствія временнаго правленія, прибавивъ, что онъ не признаетъ его и что будучи представителемъ Короля своего брата распускаетъ правленіе и беретъ исполнительную власть въ свои руки.

Вотъ какую благодарность получилъ я за всѣ услуги Бурбонамъ. — Немедленно сообщилъ я своимъ товарищамъ о желаніи Графа д'Артоа; они сердились, огорчились, но дѣлать было нѣчего — мы подали въ отставку.

Я покрайней мѣрѣ надѣялся, что Король возратившись, — вознаградитъ меня; но онъ и пріѣхалъ и..... послушайте какъ онъ принялъ меня въ первой разъ.

Людовикъ XVIII оставившій 22 Іюня 1791 Францію когда еще былъ Графомъ Прованскимъ, — 21 Апрѣля 1814 вышелъ на берегъ, какъ Король. — 28 числа прибылъ онъ въ Компіенъ, гдѣ я не могъ придставиться ему, потому что былъ боленъ; — въ Сент.-Оанѣ получилъ я первую аудіенцію.

Камергерами тогда были—Герцоги: Ришльё, Дюра и д'Омонъ; Графъ де Блака̀ д'О былъ оберъгардробмейстеромъ. — къ нему обратился я; онъ два раза заставилъ меня повторить мое имя, выслушалъ съ примѣтнымъ равнодушіемъ, поклонился и не сказавъ ни слова ушелъ къ Королю.

Я дожидался покрайней мѣрѣ два часа, и не знаю дождался ли бы еслибы не вошелъ дядя мой Архіепископомъ Римскій. Полагая, что онъ

подобно прочимъ предубъжденъ противъ меня и удалился къ сторонѣ, но едва только увидѣлъ онъ меня, какъ бросился ко мнѣ съ отверстыми объятіями.

— Благодарю васъ, любезный племянникъ, сказалъ онъ, отъ имени всѣхъ Королевскихъ подданныхъ за ваше благородное поведеніе въ послѣднемъ случаѣ; Королю все извѣстно, что вы для него сдѣлали, и онъ поблагодаритъ васъ за насъ, бѣдныхъ изгнанниковъ, которые вамъ обязаны своимъ возвращеніемъ. Не правдали, Monsieur d'Aire? не правдали, Графъ де Блака?

Графъ де Блака подошелъ ко мнѣ, проговорилъ какой то комплиментъ и наконецъ объявилъ, что Король приметъ меня, когда отпуститъ какую то депутацію. Наконецъ я вошелъ.

Я не видалъ Людовика XVIII съ 1790 т. е. 24 года! — Какъ онъ перемѣнился; въ 1790 онъ былъ еще красивый мущина, съ прекрасными русыми волосами; на лицѣ его не было ни одной морщины; теперь же рука времени согнула его прямой станъ; онъ сдѣлался плѣшивъ и совершенно сѣдъ и множество глубокихъ морщинъ показывали, что время протекало для него не въ радости. Но большіе

глаза его сохранили свою живость и выразительность; хорошо обрисованный ротъ, и пріятная физіономія дѣлала Короля прекраснымъ старикомъ. — Глаза его свѣтились умомъ и уста принимали иногда благосклонную, иногда насмѣшливую улыбку.

И такъ я видѣлъ его, этаго Государя такъ оклеветаннаго, который всѣмъ перемѣнамъ счастія противопоставлялъ силу характера, мужество и постоянство. — Во Франціи его почитали умнымъ и честолюбивымъ человѣкомъ; за границею онъ выказалъ такія качества, которыхъ никто не предполагалъ въ немъ. Онъ боролся съ ненавистію своихъ окружающихъ, съ предразсудками эмигрантовъ, съ политикою иностранныхъ кабинетовъ, никогда не давалъ побѣдить себя и заслужилъ если не любовь и довѣріе, по крайней мѣрѣ, уваженіе; наконецъ сдѣлавшись королемъ онъ выказалъ себя въ самомъ лучшемъ свѣтѣ; клевета не могла устоять противъ чистосердечной энергіи его поступковъ; никогда ни передъ кѣмъ не унизилъ онъ величіе своего сана.

Такимъ показался въ 1814, такимъ и въ самомъ дѣлѣ былъ Людовикъ XVIII. — Онъ казался задумчивымъ, когда Графъ де Блака̀ ввелъ меня; и я долженъ бы приписать по-

стороннимъ обстоятельствамъ равнодушіе его взгляда, улыбки и холодный тонъ разговора; онъ говорилъ со мною какъ будто бы мы видѣлись наканунѣ, спрашивалъ о пустякахъ, о которыхъ я совершенно позабылъ. Я видѣлъ, что онъ не понимаетъ Бонапарте, онъ говорилъ объ немъ съ какимъ то смѣшнымъ презрѣніемъ, съ какою то жалостію; могучаго льва онъ представлялъ себѣ ничтожной лисицей; свѣтлыя вдохновенія его высокаго ума почиталъ фарсами комической оперы.

Время протекало; объ моемъ участіи въ послѣднихъ дѣлахъ ни слова; приближалось время обѣда, а послѣ обѣда — до завтра важныя дѣла; я былъ какъ на иголкахъ, особливо когда увидѣлъ, что Графъ Блака̀ вышелъ и воротился ведя за собою гостей; — Король каждому гостю говорилъ ласковое слово, продолжая разговаривать со мной; — потомъ пригласилъ ихъ садиться за столъ, а мнѣ не сказалъ ни слова.

Я ходилъ взадъ и впередъ, даже стучалъ, чтобы обратить на себя вниманіе, чтобы избѣгнуть униженія передъ людьми, которые во всѣхъ отношеніяхъ были ниже меня. — Я горѣлъ на медленномъ огнѣ, старался казаться спокойнымъ, но это превосходило мои силы.

Я кусалъ губы, подавлялъ вздохи, нарочно остановился въ двухъ шагахъ отъ Короля; онъ увидѣлъ меня, улыбнулся съ насмѣшкою и пригласилъ садиться какъ какаго то неизвѣстнаго офицерика національной Гвардіи.

Нѣтъ! это было слишкомъ; я немогъ выдерживать долѣе и выбѣжалъ какъ безумный; кажется попался мнѣ на встрѣчу мой племянникъ; — я просилъ его увести меня и онъ вывелъ меня въ задній кабинетъ. Тутъ могъ я упасть въ обморокъ на свободѣ.

Пришедши въ чувства, я увидѣлъ передъ собою ИМПЕРАТОРА Александра, который инкогнито пріѣхалъ изъ Сент-Оана для переговоровъ съ Королемъ. — Я разсказалъ ему все прошедшее. — Благородная душа ИМПЕРАТОРА Александра тронулась этою несправедливостію; онъ тотчасъ же пошелъ къ Людовику XVIII, показалъ дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ — и далъ ему понять, что онъ обязанъ короною моимъ стараніямъ и моему усердію. — Король извинялся тѣмъ, что бывши молодымъ человѣкомъ — Аббатомъ, епископомъ, я велъ себя не слишкомъ скромно; что принималъ участіе въ революціи и въ смерти Герцога Энгьенскаго; — что впрочемъ онъ готовъ загладить свою вину.

Графъ де Блака̀, снова проводилъ меня къ Королю. — Людовикъ XVIII взялъ меня за руку и просилъ позабыть прошедшее.

— Mon cousin, сказалъ онъ мнѣ, мы съ вами старинные друзья. — Я не зналъ васъ;— Богъ поставилъ васъ между Бонапарте и мною для совершенія великаго дѣла; теперь вы не покинете меня и будете моимъ единственнымъ и всегдашнимъ совѣтникомъ.

Съ радостію выслушалъ я эти благосклонныя слова; сердце мое скрѣпилось, душа просвѣтлѣла. — Я упалъ къ ногамъ Короля; цѣловалъ его руку и былъ счастливъ на минуту; на одну минуту потому, что поднося платокъ къ глазамъ, я перенялъ насмѣшливый знакъ Короля Графу де Блака̀. — Разочарованный всталъ я, опять вошелъ въ обыкновенную жизнь и холодно принималъ похвалы, которыя осчастливили меня за минуту. — Въ сущности Король не любилъ никого; у него были фантазіи — вотъ и все; это доказываютъ его любимцы и конечно Гг. Блака̀ и Деказъ не опровергнутъ меня.

Впрочемъ я долженъ отдать справедливость Людовику XVIII; съ этаго времени, не смотря на неискренность своего раскаянія, онъ хорошо обращался сомною; я участвовалъ во всѣхъ

тайныхъ совѣтахъ и Графъ д'Артоа принужденъ былъ просить у меня извиненія.

Впрочемъ я не былъ любимцемъ; Графъ Блака̀ пользовался одинъ довѣренностію Короля; онъ происходилъ отъ старинной дворянской фамиліи, но не отличался никакими достоинствами. Привыкши къ мѣлочнымъ интригамъ Гартвельскимъ, онъ ежеминутно падалъ подъ тяжестію своего ничтожества. Не въ состояніи будучи рѣшить никакаго важнаго дѣла, онъ говорилъ и дѣлалъ только глупости; охотно принялъ бы онъ строгія мѣры, но боялся нарушить приказанія союзниковъ предписавшихъ кроткія и благодѣтельныя мѣры.

Этотъ Графъ Блака̀ хотѣлъ какъ можно скорѣе составить себѣ счастіе и успѣлъ въ этомъ намѣреніи. Скорость, съ которою онъ наполнилъ сундуки свои невѣроятна. Онъ пользовался деспотически своимъ вліяніемъ надъ Королемъ; Людовикъ не могъ ни съ кѣмъ поговорить наединѣ; это было несносно — и потому однажды, когда я хотѣлъ, чтобы онъ не присутствовалъ при нашемъ разговорѣ, то сказалъ ему.

— Я знаю, Графъ, вашу скромность, знаю что вы не любите похвалъ и потому преду-

вѣдомляю васъ, что буду говорить сего-дня Е. В-у о вашихъ достоинствахъ. Ради Бога, небудьте при этомъ, потому что я принужденъ вполовину сократить свой панегирикъ.

Онъ попался въ сѣть и я избѣгнулъ его присутствія.

Въ это время Людовикъ XVIII учредилъ новое министерство такимъ образомъ: Канцлеръ, *Министръ Юстиціи:* Дамбрè, бывшій генеральнымъ адвокатомъ въ Парижскомъ Парламентѣ, человѣкъ пустой и безъ репутаціи. Король вскорѣ увидѣлъ его неспособность— и назначилъ на его мѣсто другаго.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ: я. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ: Аббатъ Монтескью Фезанзакъ, котораго я рекомендовалъ Королю.

Военное Министерство: Графъ Дюпонъ Шомонъ. — Про этого я зналъ только то, что онъ однажды по справедливости и строго былъ наказанъ Императоромъ. — Генералъ Дюпонъ былъ человѣкъ неспособный и ктому же велъ себѣ дурно; онъ позволялъ своимъ подчиненнымъ всякіе безпорядки; министерство его было безпрестаннымъ хаосомъ, въ которомъ ничего нельзя была разобрать, до такой степени,

что Викомтъ Дюбушажъ, вступившій послѣ него въ управленіе министерствомъ, хотѣлъ подать на него жалобу за безпорядки.

Министерство Финансовъ: Баронъ Луи. *Министерство Королевскаго Двора:* Графъ Блака. *Министерство Полиціи:* Дандре.—Что сказать объ этомъ человѣкѣ? Его безпрестанно обманывали; съ одной стороны Фуше — это еще ничего, потому что Фуше могъ обмануть бѣса; но съ другой стороны Ровиго! — они употребляли въ дѣло его депеши, его эмиссаровъ и курьеровъ чтобы устроить возвращеніе Бонапарте.— Довѣрчивость Г. Дандре была удивительна; его можно было увѣрить во всемъ.

Четверо знатныхъ молодыхъ повѣсъ, вздумавши дать праздникъ любовницѣ Г Дандре, съ которою одинъ изъ нихъ находился въ короткихъ связяхъ, рѣшили что угощеніе должно быть на счетъ Полиціи и что Г. Дандре долженъ самъ выдать имъ деньги. — Распредѣлили роли и сцена началась.

Однажды утромъ является донощикъ и требуетъ аудіенціи его Превосходительства, которому два дня приносятъ безъименныя письма, назначающія свиданіе въ публичной каретѣ; донощикъ будетъ въ маскѣ — и позволяетъ обыскать себя людямъ министра.

Это подстрекнуло любопытство Г. Дандре. Онъ соглашается на все, садится въ фiакръ и ѣдетъ на набережную; тутъ подходитъ къ нему человѣкъ въ домино подъ шинелью; его обыскиваютъ—онъ безоруженъ и карета мчится. На запяткахъ стоятъ два переодѣтые жандарма — и около шестидесяти другихъ въ разныхъ костюмахъ охраняютъ жизнь Г. Дандре, котораго никто не хочетъ убить вслѣдствiе того что

Les sots sont ici-bas pour nos mènus plaisirs. Но вотъ начинаются открытiя.

— Знаетели вы, В. П., что Бонапарте уже два раза прiѣзжалъ въ Парижъ?

— М. Г. Онъ имѣетъ это право; къ тому же если онъ ѣдетъ на минеральныя воды, то человѣколюбiе....

— Но онъ составляетъ заговоръ.

— О! всѣ это говорятъ.

— Я имѣю доказательства. Онъ останавливается у моего дяди, гдѣ собираетъ всѣхъ Маршаловъ, Генераловъ, Офицеровъ, сержантовъ, капраловъ, всю армiю — отставленныхъ сенаторовъ, совѣтниковъ; знаетели что это опасно?

Дандре не размыслилъ, что въ Парижѣ нѣтъ зданiя, которое моглобы вмѣстить такое мно-

жество людей, смущается, спрашиваетъ, хочетъ узнать въ подробности; ему говорятъ о корреспонденціи, которая объяснила бы все дѣло, но за нее просятъ 12000 ливровъ, только съ этимъ отдадутъ ему шкатулку съ письмами Бонапарте и выдадутъ его самаго, потому что онъ намѣренъ вскорѣ пріѣхать въ третій разъ. — Дандре соглашается, отсчитываетъ деньги и ему отдаютъ шкатулку. Пріѣхавъ домой онъ спѣшитъ взглянуть на корреспонденцію заговорщиковъ — и находитъ любовныя письма, писанныя имъ къ своей любовницѣ. — Дандре чуть неумеръ съ досады.

Въ другой разъ его увѣдомили, что Марія Луиза съ сыномъ скрывается у Г. Лакретеля младшаго. Является полиція, обыскиваетъ комнаты Академика и находитъ — миніатюрный портретъ Маріи Луизы и Короля Римскаго.

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, заступившій мѣсто Фуше и Сен-Реаля.

ГЛАВА XIV.

Ошибки новаго Министерства. — Матьё де Монморанси. — Анекдотъ на его счетъ. — Возвращеніе Герцога Орлеанскаго. — Аббатъ Прадтъ. — Я не терплю болтуновъ. — Поговорка величайшаго говоруна. — Кардиналъ Мори. — Отвѣтъ его въ 1790. — Эпиграмма Герцогини Шеврёзъ. — Людовикъ XVIII соглашается на хартію. — Политическій разговоръ съ Графомъ д'Артоа. — Его Свѣтлость перемѣняетъ разговоръ. — Пять труповъ. Англійскій анекдотъ въ 1814.

Министерство съ самаго начала сдѣлало непростительныя ошибки; иначе и не могло быть.— Вслѣдъ за сильною, твердою, непоколебимою волею одного человѣка — наступила воля 10000 человѣкъ; — въ 1814 всѣ властвовали: болѣе или менѣе; Король, Графъ Блака̀, Графъ д'Артоа, человѣкъ двѣнадцать его любимцевъ, Герцоги Ангулемскій, Беррійскій, эмигранты, дворяне, іезуиты и проч.

Не могши привыкнуть къ этимъ безпорядкамъ, видя кредитъ свой безпрестанно уменьшающимся, видя возвышеніе своихъ непріяте-

лей, я выпросилъ чтобы меня послали на Вѣнскій конгрессъ въ качествѣ представителя Франціи.

Неудовольствія возникали безпрестанно вслѣдствіе промаховъ Правительства; тщетно подавалъ я Королю полезные совѣты; онъ вообразилъ, что я хочу управлять имъ и всякій разъ заставлялъ меня молчать обыкновенной фразой: Слава Богу, Князь, прошло время Бонапарте — и я имѣлъ время въ продолженіе моего изгнанія размыслить о томъ, что долженъ дѣлать.

Я долженъ былъ молчать, потому что видѣлъ, что надоѣдаю моими совѣтами. — Но я лучше всѣхъ видѣлъ происходящее. Всѣ недовольные, а ихъ было много — прибѣгали ко мнѣ; — я пожималъ плечами.

Я хотѣлъ бы начертать портреты людей окружавшихъ тогда Короля и его брата; но всѣ эти лица такъ безцвѣтны, такъ безхарактерны, что ихъ можно изобразить только силуэтами. Что сказать, на примѣръ, о Матьё Монморанси, не смотря на то, что онъ былъ воспитателемъ Герцога Бордосскаго, посланникомъ, членомъ Учредительнаго Собранія и Перомъ Франціи? — Ищу въ жизни его чего

нибудь замѣчательнаго и не нахожу ничего.— Помню только, что однажды въ засѣданіи Національнаго Собранія, Аббатъ Мори, бывшій на трибунѣ, говорилъ съ ужасными жестами. Матьё Монморанси стоялъ на лѣстницѣ трибуны ожидая своей очереди говорить. — Онъ не любилъ Аббата Мори и желая смѣшать его, сказалъ ему, когда тотъ сдѣлалъ слишкомъ выразительный жестъ:

— Потише, Г-нъ Аббатъ! — я получаю отъ васъ безпрерывныя удары по ногамъ.

— Сойдите на двѣ ступеньки ниже, отвѣчалъ дерзкій провинціялъ — и вы будете получать ихъ въ задъ.

Вскорѣ Герцогъ Орлеанскій, о которомъ никто и недумалъ, прибылъ во Францію. — Онъ находился въ Палермо, когда разнеслись слухи о произшествіяхъ 1814. Герцогъ тотчасъ сѣлъ на корабль, — совершилъ переѣздъ, вышелъ на берегъ въ Марсели — проѣхалъ Францію принимая почести, и прибылъ наконецъ въ Парижъ. — Пробывши въ немъ недѣли двѣ, отправился въ Лондонъ—гдѣ выбился изъ силъ, представляя права своего тестя, и несправедливость поддерживанія Мюрата — и не успѣлъ ни въ чемъ.

Между людьми, недовольными Бурбонами, находился и Аббатъ Прадтъ, который 31 Марта охрипъ отъ крика: да здравствуютъ Бурбоны! — Конечно всякая услуга заслуживаетъ награду; но орденъ почетнаго Легіона, званіе Канцлера этаго ордена и впослѣдствіи 10000-чная пенсія, кажется должны были совершенно вознаградить Аббата за трехдневную хрипоту. Но нѣтъ, онъ былъ недоволенъ этимъ и сердился, почему его не сдѣлали Парижскимъ Архіепископомъ.

Конечно онъ былъ умный человѣкъ, хорошій писатель, но имѣлъ слабость или страсть давать всѣмъ совѣты; — онъ подавалъ совѣты всѣмъ кабинетамъ Европы, республикамъ новаго свѣта, Неграмъ Сен-Доминго, друзьямъ своимъ, своему сапожнику, портному, даже дворнику своей квартиры; такъ что женѣ этаго бѣднаго человѣка не оставалось давать ему никакаго совѣта.

Разговаривающій съ нимъ долженъ былъ осудить себя на одни полусложныя слова: должно было молчать и слушать его. — Подъ конецъ его жизни эта манія сдѣлалась нестерпимою; слушателямъ своимъ онъ позволялъ одни восклицанія, слова, фразу — изрѣдка;

періодъ — никогда. — Онъ говаривалъ: — я говорю мало! — Я ненавижу болтуновъ.

Другой болтунъ, но не въ такой степени, былъ извѣстный Аббатъ Мори; однажды когда онъ говорилъ, что живетъ на улицѣ d'Enfir (Ада) Герцогиня Шеврезъ спросила его: *какъ? уже?* — Эпиграмма такъ его тронула, что онъ на другой же день перемѣнилъ квартиру и переѣхалъ на улицу Jacob подъ № 22.

При вступленіи своемъ во Францію Людовикъ XVIII думалъ, что все осталось въ прежнемъ порядкѣ; но онъ перемѣнился и Король послѣ нѣсколькихъ отказовъ, подписалъ наконецъ хартію, и впослѣдствіи самъ привязался къ этому дѣлу, не смотря на крики нѣсколькихъ старинныхъ дворянъ и любимцевъ Графа д'Артоа.

По этому случаю имѣлъ я съ Графомъ д'Артоа незадолго до моего отъѣзда на Вѣнскій конгрессъ разговоръ, потому что Король просилъ меня показать своему брату, какой вредъ приносили ему его любимцы.

— Ваша Свѣтлость, сказалъ я ему, когда разговоръ зашелъ о различныхъ сословіяхъ во Франціи, теперь едва ли 30000 старинныхъ дворянскихъ фамилій; и положивши даже что каждое семейство состоитъ изъ 20 человѣкъ,

то и тогда дворянъ только 600000 обоего пола. Что значитъ это число въ Государствѣ, въ которомъ 30000000 жителей. Такъ какъ среднее сословіе имѣетъ большое вліяніе, то и недолжно исключать его изъ общества.

— Такъ по вашему, Князь, мы должны допустить незначительныхъ людей къ придворнымъ почестямъ.

— То-то и худо, В. Свѣтлость, что между этими незначительными людьми есть великіе люди. — Никто не обязываетъ васъ сближаться тѣсно съ людьми, которые не имѣютъ ни вашихъ привычекъ, ни вашихъ обыкновеній; но должно оказывать имъ вниманіе, казаться увѣреннымъ въ ихъ значительности, назначить имъ дни для пріема — и допустить во дворецъ, гдѣ они привыкли бывать во время Имперіи.

О! — вскричалъ Графъ д'Артоа, — неужели же мадамъ Лафиттъ должна занять мѣсто между Герцогинями?

— Дай Богъ, В. С. отвѣчалъ *я*, что бы въ минуту опасности Герцоги принесли вамъ столько пользы, сколько время могутъ принесть вамъ недавніе дворяне.

— Вы пророкъ несчастія! —

— Вторая Кассандра.

Графъ д'Артоа, которому не нравилась моя настойчивость, перемѣнилъ разговоръ и, чтобы вовсе занять его, принялся разсказывать мнѣ анекдотъ, который былъ удивителенъ по своей странности; вотъ онъ:

Въ Англіи, въ графствѣ Іоркскомъ, проживало въ своемъ древнемъ готическомъ замкѣ благородное семейство, Норманскаго происхожденія. — Баронетъ Ридвиль, человѣкъ богатый и значительный достигъ до 83 лѣтъ. — Онъ былъ женатъ 4 раза и имѣлъ отъ первыхъ двухъ женъ — двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Послѣдняя жена его, на которой онъ женился будучи 92 лѣтъ отъ роду, была его ровесница. Она была дочь его вассала и играла важную роль во все продолженіе его жизни. — Баронетъ будучи 15-ти лѣтъ уже любилъ ее, и—не смотря на эту связь — женился когда ему было 21 годъ на дочери одного Пера.

Первая жена его послѣ четырехлѣтняго замужества умерла, или лучше сказать изчезла въ то время, когда была на рыбной ловлѣ въ заливѣ Нѣмецкаго моря, омывавшаго замокъ, слѣдъ ея исчезъ на землѣ — и неутѣшной супругъ поклялся никогда болѣе не жениться.

Ему было сорокъ лѣтъ — когда адвокаты его объявили ему, что онъ можетъ проиграть значительную тяжбу; противница его была дворянка, лѣтъ 30, друзья вмѣшались въ это дѣло и тяжба окончилась свадьбою, вскорѣ послѣ которой новая супруга Баронета подарила его сыномъ и дочерью.

Три года спустя послѣ свадьбы Леди Ридвиль убѣжала съ сыномъ своего садовника, — унесши у мужа 12000 фунт. стер. и съ того времени никакіе розыски не могли открыть мѣста ея пребыванія.

Баронетъ вовсе отказался отъ женидьбы, впрочемъ онъ утѣшался связью съ своей старой любовницей, которая жила въ Лондонѣ и которую онъ посѣщалъ очень часто. Публика громко охуждала поведеніе Джентльмена; многіе перестали посѣщать его, — и онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи до шестидесятаго году. Старшій сынъ его былъ женатъ, обѣ дочери также замужемъ — а младшій служилъ въ Королевскомъ флотѣ.

Въ это время не далеко отъ его замка поселилась вдова одного Набоба; ей было лѣтъ 50. Будучи чрезвычайно богата, она печалилась, что званіе ея не равняется богатству. — Услужливые друзья пособили и въ этомъ дѣлѣ. Ба-

ронетъ зная богатство вдовы и желая пышностію и роскошью унизить своихъ сосѣдей и тѣмъ отмстить имъ, познакомился съ вдовою, понравился ей и наконецъ женился.

Медовой мѣсяцъ протекъ въ обыкновенныхъ удовольствіяхъ; но едва прошло полгода, какъ новая леди Ридвиль, ревнуя къ старой любовницѣ своего мужа, которая была старше ея 10 годами, начала дѣлать Баронету упреки, сцены — и однажды, когда онъ былъ въ Лондонѣ, нѣжная супруга въ присутствіи всѣхъ служителей замка сѣла съ своей горничной въ почтовую карету и уѣхала, объявивъ, что она отправляется въ Портсмутъ, оттуда въ Индію.

Точноли она уѣхала — или нѣтъ, — никто не зналъ. Баронетъ тщетно дѣлалъ розысканія во всѣхъ Великобританскихъ гаваняхъ. — Дѣти Баронета, которымъ она въ свадебномъ контрактѣ завѣщала свое имѣніе, также употребляли всѣ средства, чтобы отыскать ее и также безуспѣшно.

Баронетъ Ридвиль подождалъ еще 20 лѣтъ и когда ему стукнуло 80, женился на своей старой любовницѣ. — Этотъ союзъ привелъ въ негодованіе все семейство Баронета; оно

оставило его. — Сирь Ридвиль впалъ въ глубокую задумчивость.

Прошло года три и однажды когда четвертая его жена поѣхала къ обѣднѣ, лошади взбѣсились, понесли, сломали экипажъ и супругу Баронета принесли домой при смерти. Она была въ отчаяніи, упреки совѣсти терзали ея душу; мужъ одинъ оставался при ней, съ ея братомъ, бывшимъ уже 60 лѣтъ управляющимъ замка. — Никакія пособія не помогли и она умерла, говоря о какомъ то убійствѣ и о пролитой крови.

Задумчивость Баронета усилилась. — Дѣти его, возвратившіеся опять къ нему, видѣли что ужасная тайна тяготитъ душу отца ихъ, но какая была эта тайна — они не могли узнать.

Прошелъ годъ. Старшему сыпа Ридвиля было 62 года, младшему 41 годъ; оба были женаты, имѣли семейство и жили въ замкѣ у отца; тщетно старались они разсѣять его задумчивость; ничто не помогало. Баронетъ становился съ каждымъ днемъ печальнѣе, и по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ кабинетѣ, смѣжномъ съ своею спальнею.

Черезъ годъ, вечеромъ, въ день смерти послѣдней Леди Ридвиль, Баронетъ сопровожда-

емый двумя лакеями отправился къ себѣ въ спальню; — раздѣвшись, онъ велѣлъ принести себѣ книгу изъ кабинета; ее искали и не нашли; онъ пошелъ самъ въ кабинетъ, но не нашедши, воротился въ спальню, сказавъ, что сыщетъ ее завтра поутру, и легъ спать.

Въ эту ночь сыновья его, какъ на другой день разсказали другъ другу, видѣли странный сонъ. — Каждому изъ нихъ являлась мать ихъ и взявши за руку подводила къ комнатѣ отца, у дверей которой стояла четвертая жена его; вътомъ явилась третья жена Баронета — втроемъ пошли они въ кабинетъ, указали на полъ и исчезли.

Утромъ въ 7 часовъ замокъ пришелъ въ необыкновенное движеніе: Баронетъ умеръ. Камердинеръ, вошедши въ обыкновенное время въ спальню и не видя господина на постели, прошелъ въ кабинетъ; тамъ къ книжному шкафу приставлена была лѣстница, и на паркетѣ, весь въ крови, лежалъ Баронетъ, вѣроятно упавшій съ нея, когда хотѣлъ достать книгу.

Послѣ похоронъ — оба Сира Ридвиля, съ общаго согласія, оставили замокъ; — по отъѣздѣ ихъ служители хотѣли смыть кровавыя пятна въ кабинетѣ, но кровь такъ въѣлась въ дерево, что надобно было нѣсколько кусковъ

паркета, которые были запятнаны, выкинуть вонъ.

Подняли паркетъ — и подъ нимъ нашли опускную дверь; приподнявъ ее, увидѣли лѣстницу, устроенную въ срединѣ стѣны и ведущую внизъ. — Одинъ зять покойника оставался въ замкѣ, чтобы надзирать за предположенными поправками. Сиръ Гунгельвольтъ увѣдомленный объ этой странности, тотчасъ прибѣжалъ съ однимъ родственникомъ, съ однимъ знакомымъ, который былъ мирнымъ судьею и съ управителемъ замка.

Засвѣтили факелы и спустившись по лѣстницѣ въ подземелье, нашли ротонду съ четырьмя углубленіями. Въ каждомъ углубленіи нашли по дубовому ящику, залитому свинцомъ: пятой такой же стоялъ въ ротондѣ. Вскрыли ихъ — и нашли четыре трупа женщинъ; въ пятомъ лежалъ трупъ мущины.

При этомъ видѣ Сиръ Гунгельвольтъ раскаялся, что привелъ съ собою постороннихъ, потому что зналъ, какъ огласка будетъ непріятна для фамиліи; но невозможно было поправить дѣла; мирный судья объявилъ Шерифу Графства — послалъ за констеблями, произвели слѣдствіе — вотъ что послѣ столькихъ лѣтъ могила разсказала живущимъ:

Въ первомъ скелетѣ по платью и по перстнямъ узнали первую жену Баронета, которую полагали утопшею. — Братъ и сестра четвертой жены Баронета, которая имъ все объявила, были взяты подъ стражу и сказали, что первая супруга Ридвиля во время рыбной ловли была похищена контрабандистами, заперта въ пещерѣ, потомъ переведена въ это подземелье. — Какою смертію она умерла, осталось неизвѣстно.

Вторая, похищенная ночью съ постели, была также перенесена въ подземелье. — Сынъ садовника въ туже самую ночь былъ обманомъ привлеченъ въ комнату Баронета, а оттуда также въ подземелье. — Не сомнѣвались, что двойное убійство совершилось въ этомъ мѣстѣ, — когда распустили слухъ о бѣгствѣ Леди съ сыномъ садовника.

Наконецъ третья, выѣхавшая изъ замка съ своею горничною, была на дорогѣ, остановлена, связана, и привезена въ замокъ; горничная измѣнившая ей, вѣроятно, также была убита для того, чтобы не могла впослѣдствіи служить обвинительницею.

Это ужасное открытіе надѣлало много шуму въ 1814. — Всѣ журналы говорили объ-

этомъ происшествіи. — Управитель и сестра его были сосланы; Сиръ Ридвиль велѣлъ разрушить замокъ и переѣхалъ съ семействомъ на твердую землю.

КОНЕЦЪ III-Й ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

